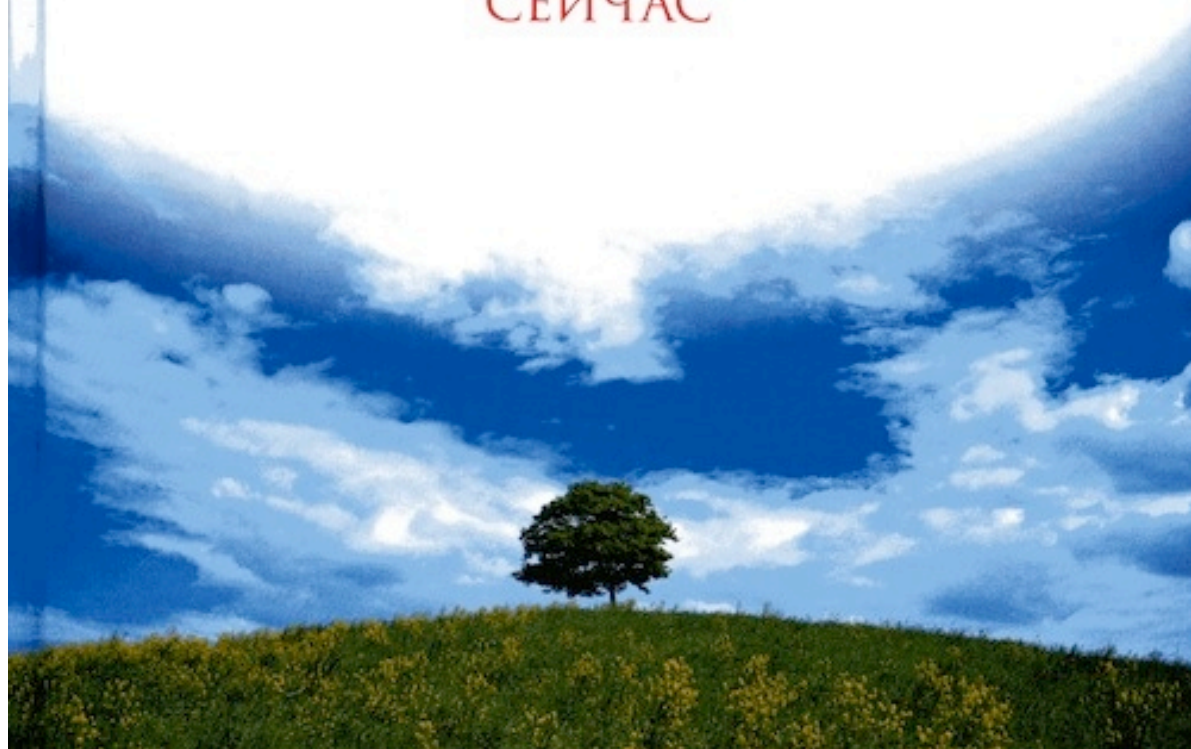

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

ПОНЯТЬ
ПЕРЕСТРОЙКУ...

ПОЧЕМУ
ЭТО ВАЖНО
СЕЙЧАС

М.С. ГОРБАЧЕВ

ПОНЯТЬ
ПЕРЕСТРОЙКУ...

ПОЧЕМУ
ЭТО ВАЖНО
СЕЙЧАС

Горбачев М.С.

Г67 Понять перестройку... Почему это важно сейчас / М.С. Горбачев. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.— 400 с.

15ВЫ 5-9614-0306-8

Книга представляет собой осмысление М.С. Горбачевым перестройки с позиции сегодняшнего дня и с учетом противоречивых оценок, появившихся за последние 15 лет. Автор подробно разъясняет мотивы, побудившие к реформированию советской сталинистской системы, рассказывает о том, как принимались важнейшие решения, об отношениях в руководстве партии и государства, о спорах в Политбюро, о перипетиях жестокой борьбы, которая привела к трагедии распада СССР. Книга проливает свет на подоплеку многих загадок того времени. Подробно говорится о просчетах, опозданиях, ошибках, допущенных при осуществлении политики перестройки. Автор раскрывает эволюцию своих взглядов на социализм, приведшую его к восприятию социал-демократического варианта для развития страны. Новая книга Горбачева — это и ответ критикам, и приглашение понять и должным образом оценить смысл и значение перестройки в контексте реалий отечественной истории и вызовов современной эпохи.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 323;329 ББК 66

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 5-9614-0306-8

© Горбачев М.С., 2006 ©

Оформление.

ООО «Альпина Бизнес Букс», 2006

Оглавление

К читателю.....	7
Пролог.....	9
Глава I. ПРИЧИНЫ, МОТИВЫ, ЗАМЫСЕЛ.....	13
<i>С чем мы пришли к 1985 году (13). Логика развития замысла (22). Внешнеполитический аспект (29). Новое мышление (35). Перестройка и партия (39)</i>	
Глава II. ПЕРВЫЕ ШАГИ (1985-1987 годы).....	45
<i>Первый Пленум ЦК в новой обстановке (45). Апрельский пленум (46). Гласность (52). Что делать с экономикой? (54). Антиалкогольная кампания (56). Прямое обращение к людям (58). Перемены на самом верху (61). Гласность начинает работать (64). Проблемы соцлагеря (70). Лицом к Европе (71). СССР — США. Первый шаг к сближению: Женева-85 (72). XXVII съезд КПСС (77). Чернобыльская трагедия (82). Экономика и «ускорение» (86). Драма Рейкьявика (88). Делийская декларация (93). Подготовка пленума ЦК по кадрам (94). Январский пленум ЦК 1987 года (96). «Пакет» развязан (98). Поиск новых подходов. Мои европейские собеседники (99). На подступах к экономической реформе (103). Моя первая книга— мое сгейо (113). Доклад о 70-летию Октября (114). Дело Ельцина (120). Визит в Вашингтон. Договор об РСД (124)</i>	
Глава III. РЕШАЮЩИЙ ЭТАП (1988-1989 годы).....	131
<i>Февральский пленум (131). Уход из Афганистана (134). Феномен Нины Андреевой (138). Интеллигенция на новом этапе перестройки (140). Национальная проблема перестройки (147). Прибалтика... и другие (154). Визит Рейгана в Москву (158). XIX партийная конференция (162). Раздумья и дела (167). Реорганизация в ЦК (171). Выступление в ООН (176). Политическая реформа. Выборы на</i>	

Съезд народных депутатов (180). Визит в Лондон (187). Рождение парламента (190). Два классика: Леонов и Сахаров (194). Партия и Советы (199). Законодательные будни (206). Партийный Пленум и «парад суверенитетов» (208). Самоликвидация сообщества социалистических стран (211). Германский вопрос (216). Диалоги с Фиделем и Латинской Америкой (220). Преддверие Мальты (223). О самой Мальте (228)

Глава IV. КРИЗИС И СРЫВ ПЕРЕСТРОЙКИ (1990-1991 годы)233

Со Старой площади в Кремль (233). Первый Президент СССР (236). 1990 год — это год объединения Германии (240). От взаимопонимания к партнерству (256). Второе пришествие РКП (259). XXVIII съезд КПСС. С открытым забралом (264). Политическая драма в трех актах (271). Как войти в рынок? (273). Попытка синтеза (280). Кризис в Персидском заливе (286). Общоевропейское совещание (287). Кабинет Павлова (290). Не отступить от выбора (292). Литовский синдром (298). Нормализация отношений с Японией (304). Новоогаревский процесс (309). Цель близка (314). Выход на «семерку» (318). Джордж Буш в Москве (322). Путч (326). Кто кого предал? (333). Как восприняли путч за рубежом (336). Попытки возобновить реформы. Агония СССР (338). Мадридская конференция по Ближнему Востоку (344). Судьба Союзного договора (346). Беловежский сговор (351). Зарубежное эхо (358)

<i>Заключение. МЕСТО ПЕРЕСТРОЙКИ В ИСТОРИИ</i>	365
<i>Эпилог</i>	377
<i>Хроника перестройки</i>	381
<i>Именной указатель....</i>	393

К читателю

Дорогой читатель! Написать эту книгу я решил под впечатлением конференций, встреч, дискуссий в связи с 20-летием начала перестройки. Официальные круги отмолчались. А вот среди широкой общественности и в научных кругах 20-летие перестройки ознаменовалось широким обсуждением не только перестроечных процессов, но и всей новейшей истории.

Да, снова, как и во времена перестройки, горячо и заинтересованно спорили участники всех дискуссий, посвященных этой дате. Опубликованы десятки книг, сотни статей, появились кинофильмы. Временная дистанция позволила более глубоко исследовать проблемы, вникнуть в мотивы, замысел и логику политики перестройки, оценить ее влияние на общество и на остальной мир.

Можно говорить о серьезном продвижении в изучении перестройки, и все же задача извлечения уроков для настоящего и будущего остается нерешенной.

Об этом свидетельствуют и данные социологического опроса, который был выполнен по заказу Горбачев-Фонда. Число тех, кто считает, что перестройка была необходима, ее надо было начинать, значительно увеличилось. А ведь еще десять лет назад их было меньшинство. Численность же тех, кто считает, что перестройку не надо было начинать, сократилось. А их было десять лет назад больше, чем тех, кто поддержал перестройку. Тем не менее число тех, кто и сегодня придерживается мнения, что перестройку не надо было начинать, довольно велико — примерно треть. Что же касается политологов, то большинство их так и не удосужилось заняться серьезным исследованием процессов преобразований в годы перестройки и продолжает заниматься в основном поношением.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Меня это беспокоит. Потому что перед нашей страной, даже после того, что было сделано по преодолению хаоса, доставшегося в наследство Президенту Владимиру Путину, по-прежнему как главная национальная проблема стоит проблема выбора. Общество в своем большинстве, при всей той критике, какую можно услышать, поддерживает усилия Президента, его стремление развернуть политику в интересах большинства, преодолеть инерцию, в основе которой — ставка на реализацию радикально-либеральной концепции с ее очевидным для всех равнодушием к жизни народа.

Ожидание, что все проблемы решит рынок, — это обман, причем сознательный обман. В начале осуществления этого проекта его инициаторы заявляли, что через три-четыре года Россия станет одной из самых процветающих стран мира. Прошло пятнадцать лет. Сегодня от трети до половины населения России живет в бедности. Вот цена этой политики.

То, что удалось сделать в годы правления Президента Путина, и то, к чему он стремится в последнее время, заслуживает поддержки. В обществе чувствуют это. Но каждый шаг в развороте политики к людям дается с большим трудом. Многие и сейчас задают вопрос: какое государство мы строим, к какому обществу идем? Улучшение одних лишь экономических показателей, без учета всего комплекса демократических преобразований, не решит наши национальные проблемы.

Позволю себе надеяться, что правильное и честное понимание сути и значения перестройки может серьезно помочь движению к более справедливому обществу в нашей стране и более спокойному миру повсюду.

Это должно произойти и может произойти лишь на основе усвоения уроков истории, в том числе более глубокого осмысления и познания перестройки как важнейшего события XX столетия.

Глава IV

Кризис и срыв перестройки (1990-1991 годы)

СО СТАРОЙ ПЛОЩАДИ В КРЕМЛЬ

Мы отнюдь не были простаками, чтобы не понимать, что нельзя проводить существенные преобразования, упуская из рук рычаги власти, способной преодолеть противодействие задуманным реформам. Этот вопрос обсуждался еще в канун XIX конференции КПСС. И расчет тогда был сделан на то, что «щит» на время реализации реформаторских замыслов необходим при постепенном переходе власти от партии к выборным государственным органам, фигурально выражаясь, пока власть не переместится *со Старой площади в Кремль*.

Мы отдавали себе отчет, что трансформация власти — сложнейший общественный процесс, сопряженный с неизбежным сопротивлением тех, кому приходится с ней расстаться, и требующий определенной готовности новых сил, принимающих на себя ответственность за управление страной. Советы в том виде, в каком они сохранились, не были готовы выполнять функции полновластия. У них не было для этого ни

соответственной структуры, ни достаточного числа профессионально подготовленных кадров. Опыт был давно утрачен. А главное — не было у них и уверенности, что им теперь будет принадлежать последнее слово и что не нужно бегать в райком или обком партии и спрашивать согласия на каждый свой шаг. Короче, нужно было время, и немалое, для «вхождения во власть».

В условиях насильственных революций такие вопросы решаются иначе: разогнали старое правительство, на другой день заседает новое, пусть даже не имея никаких навыков, необходимых знаний. Но мы видели в перестройке не насильственную революцию, а мирный процесс реформ, исключаящий катаклизмы, разрушение производительных сил общества, бедствия и страдания людей.

Нам не удалось провести эту решающую операцию в оптимальные сроки.

Принципиальное решение об отказе КПСС от монопольного положения было принято XIX партконференцией. Но если такие элементы политической реформы, как свободные выборы и создание парламента, осуществили более или менее ровно, то переход к многопартийности оказался сложнее. Ведь речь шла о том, что КПСС по собственной инициативе отказывалась от бесконтрольного владения властью и изъявила готовность добиваться ее на общих основаниях с другими политическими силами. Это означало разрыв с «большевизмом», переход к демократии. Причем добровольное «отречение от власти» было делом не только генсека и Политбюро. Оно получило одобрение высших представительных органов КПСС — сначала конференции, а затем и съезда. А вот выдержать более или менее рациональный темп на этом направлении не удалось.

Решение кадровой проблемы нельзя было откладывать, но нельзя было и допустить торопливости, спешки. Мы провели много часов в дискуссиях на эту тему, все сходились на том, что партия должна оставаться гарантом стабильности до тех пор, пока новая политическая структура не заработает. Сроки при этом, естественно, не назывались, но в прикидках полагали, что пройдет не менее двух-трех лет, прежде чем окрепнет парламент и сложатся условия для формирования многопартийной системы.

Однако навалилась стихия, спровоцированная оппозицией. Шумная кампания за немедленную отмену 6-й статьи Конституции СССР 1977 года стала первой крупной политической акцией оппозиции. Обла-

дая к тому времени полностью или частично рядом печатных изданий, используя возможности своих приверженцев на радио и телевидении, радикалы добились того, что это требование стало восприниматься в обществе как условие продолжения перестройки. И наоборот — всякое противодействие этому требованию объявлялось ретроградством, потугами партocrats сохранить свое господство, помешать демократизации государства. По сути, в этом была большая доля правды. Но подобная ультимативная постановка вопроса резко сократила, а потом и вовсе свела на нет возможность плавного перехода от одной политической системы к другой.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

С подачи агитаторов, направленных оппозиционерами в шахтерские районы, забастовщики сместили экономические требования в политическую сферу, поставив во главу угла 6-ю статью Конституции.

Помню, у нас было бурное обсуждение этого вопроса на Политбюро накануне июньского пленума ЦК 1989 года. Уже обозначившаяся консервативная группа (Лигачев, Никонов, Щербицкий, Воротников) высказывалась за поправки к Конституции, не затрагивающие исключительного положения КПСС в политической системе. Активные сторонники реформ (Медведев, Шеварднадзе, Яковлев) им возражали — не столько по существу, сколько ссылаясь на «непроходимость» данного варианта. Ну а те, кого можно было отнести к центристам в Политбюро (Рыжков, Слюньков, Чебриков), предлагали формулировки, рассчитанные на «проходимость» при сохранении за партией того, что мы связывали с понятием «политического авангарда».

Вносившиеся тогда предложения были паллиативами. Любая корректировка 6-й статьи не создавала конституционных гарантий для формирования многопартийности, не меняла прежнего политического порядка. Разве что легализовала появление «вторичных» несамостоятельных партий, как в ГДР, Чехословакии, Польше, Китае, где они выполняли роль дополнительных «приводных ремней».

До III Съезда народных депутатов СССР этот вопрос присутствовал в ходе всех дебатов на партийных и внепартийных форумах. В марте 1990 года Пленум ЦК, проходивший с двумя перерывами 11, 14, 16 марта, решил в качестве законодательной инициативы внести на Съезд предложения по статьям 6 и 7 Конституции. Значение происшедшего, пожалуй, лучше всех выразил в своем выступлении Иван Фролов: «На самом деле это же, товарищи, в буквальном смысле переворот, завершение, полное завершение изменения политической системы».

Ни на Пленуме ЦК, ни на Съезде народных депутатов не было острой дискуссии по этому вопросу: сформулированная нами поправка по статье 6 более или менее устраивала всех и была на тот момент подходящим компромиссом. Попытки убрать из текста упоминание о КПСС не прошли. И статью 6 приняли в такой редакции: «Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики советского государства, в управлении государственными и общественными делами».

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ СССР

Вопрос о 6-й статье рассматривался вкуче с предложением реконструировать высшую государственную власть, учредив впервые в отечественной истории пост президента. Поправка к статье 6 и дополнение Основного закона статьей 127 находились в органической взаимосвязи. Первое означало, что наше государство перестает быть однопартийным, вводился один из главных принципов демократии — идейный и политический плюрализм. Второе признавало другой, не менее важный принцип демократии, а именно — разделение властей.

В течение нескольких месяцев я упорно отклонял «президентскую идею», вопреки мнению своих соратников и специалистов настаивал на том, что основой политической системы должны оставаться Советы, с которыми пост президента сочетается плохо.

Потом я понял, что допускал ошибку. Исправно просидев на первой сессии Верховного Совета в председательском кресле, старательно вникая во все детали процедуры, регламента, работы комитетов и комиссий, убедился, что просто физически невозможно сочетать непосредственное руководство парламентом (в роли Председателя Верховного Совета) с другими моими функциями.

Еще более существенно то, что законодательная и исполнительная власть требуют разных подходов: в избранном нами варианте это как бы «смазывалось». Тем самым обесценивалось и одно из преимуществ разделения властей.

С опозданием стал мне ясен и еще один довод. Как ни совершенны создаваемые теоретиками и политиками государственные конструкции, они не заработают, если не найдут понимания и опоры в политической культуре общества и психологии народа. За многие десятилетия у нас сложился своего рода культ Политбюро и генсека, предполагающий беспрекословное подчинение. То, что этот авторитетный источник власти — его и почитали, и боялись — как бы иссяк, сразу же отразилось на государственной дисциплине. Тем более что функции его перешли к Верховному Совету, который, по глубоко укоренившемуся у нас восприятию, всегда был скорее декоративным органом. Что это новый парламент, действительно властвующий, поверить было непросто, по крайней мере сразу. И точно так же большинству граждан, не искушенных в политических формулах, нелегко было уловить разницу между Председателем Президиума Верховного Совета и просто Председателем Верховного Совета.

Словом, вводить пост президента надо было и по причинам чисто психологического свойства. Одновременно укреплению авторитета высшей власти должно было послужить создание Совета Федерации и Президентского совета — своеобразного эквивалента Политбюро в новой политической системе. Такое решение созрело еще осенью 1989 года, но оно довольно долго обсуждалось во внутреннем кругу, затем советовались со специалистами, после чего группа юристов (Шахназаров, Кудрявцев, Топорнин и другие) засела по моему поручению за подготовку документов, прежде всего проекта закона об изменениях в Конституции СССР. И вот вместе с предложениями по статьям 6 и 7, а также ряду других они были внесены на рассмотрение внеочередного Съезда. Доклад по этому вопросу сделал Яковлев.

Одним из первых в прениях выступил Назарбаев. Поддержав учреждение президентского поста и мою кандидатуру, он в то же время высказался за применение той же модели в республиках, чтобы «снять уже наметившиеся противоречия между идеей президентства и стремлением республик к расширению своей самостоятельности». Иными словами, в республиках молниеносно уловили, что центральная власть укрепляется, и решили воспользоваться моментом, чтобы «обезопасить себя».

Не стану скрывать, в мои расчеты не входило создание президентских постов в союзных республиках. Это наполовину обесценивало все приобретения, которые мы связывали с повышением авторитета центральной власти. Но делать было нечего. Попытка оспаривать такой подход могла привести лишь к тому, что изменения в Конституции не получили бы квалифицированного большинства. Поистине (в который раз!) я убедился, что политика есть «искусство возможного».

Как и следовало ожидать, главная атака последовала из «демократического лагеря». А глашатаем выступил тот же Юрий Афанасьев, автор формулы об «агрессивно-послушном большинстве». Во Французской революции на крайне левом фланге выступала, как известно, группа Эбера-Ру, которую прозвали «бешеными». Вот и у нас объявились такие «ультрареволюционеры», где Афанасьев явно лидировал. Будучи специалистом как раз по истории Французской революции, он, возможно, работал в нашей перестройке под «неподкупного Робеспьера».

Из выступлений депутатов от союзных республик стало видно, что они готовы поддержать создание президентского поста при условии, что в Президентский совет войдут 15 вице-президентов (руководители союзных республик), которые будут председательствовать в нем поочередно. Иначе говоря — отдаленная модель «Содружества».

В свою очередь, депутаты автономных республик, областей и округов обратились к Съезду с заявлением, в котором центральным было требование равноправного с союзными республиками участия в Совете Федерации.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Подавляющее большинство депутатов поддерживало учреждение президентского поста и избрание первого президента на Съезде. И дискуссия сосредоточилась главным образом на вопросе, может ли президент оставаться во главе партии. Аргументов против обязательного разделения высших государственного и партийного постов было предостаточно, главная среди них — не будет ли президент править от имени Политбюро и выполнять его решения.

В конце концов поправка к ст. 127, запрещающая президенту возглавлять политические партии, была отклонена. Но по итогам голосования видно, что за нее голосовали как «межрегионалы», так и «партийные фундаменталисты». Объединившись, правое и левое крыло дали в совокупности 1303 голоса, но 607 голосов поданных «против» не пропустили поправку.

Всякое было наговорено в ходе обсуждения моей персоны: и дельного, и нелепостей, в том числе оскорбительных.

Но преобладала поддержка моей кандидатуры. Рыжков и Бакатин, которые также были выдвинуты, взяли самоотводы. Мне крайне не хотелось остаться единственным кандидатом и, честно говоря, я рассчитывал, что межрегионалы все-таки выдвинут если не Ельцина, то кого-то другого из своих предводителей. Но этого не произошло. И не только потому, что у любого соперника не было тогда никаких шансов. Фактически оппозиция давала понять, что примириться с волей большинства не намерена и будет продолжать беспощадную борьбу за власть.

1329 голосов — за, 495 — против — с таким результатом я был избран Президентом и обратился к Съезду с небольшой речью. Отвечая тем депутатам, которые опасались, что президентство может породить узурпацию власти, я сказал, что для таких опасений нет оснований:

«Гарантия тому — сама Конституция, на страже которой стоят теперь мощные, обладающие реальными правами высшие представительные органы государственной власти — Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР... Гарантия тому — и ставшие у нас реальностью гласность, политический плюрализм».

Приняв правильное решение о введении института президентства, мы, по сути дела, остановились на этой начальной стадии. Плюсы президентской системы могли обнаружиться при условии создания соответствующего механизма. Никто вроде бы прямо не оспаривал прерогатив верховной центральной власти. Однако импульсы, от нее исходившие, не получали встречной поддержки.

Более всего помешало последовательному введению президентской республики беспокойство за свои полномочия у нашего правительства. У Рыжкова и его соратников возникло опасение, что Совет Министров хотят унижить, отодвинуть на задний план, превратить в «совнархоз». У меня в то время не было ни достаточных оснований, ни тем более намерений ссориться с Николаем Ивановичем. Убедительно звучали и доводы советников, что Президенту не следует взваливать на себя бремя непосредственного руководства экономикой. Короче, тогда решили, что функции Совмина не будут пересматриваться. Но в этом, на мой взгляд, было заложено большое противоречие.

Другая недоработка — мы не создали одновременно с институтом президентства мощной судебной власти. Вместо полноценного Конституционного суда (или наделения соответствующими полномочиями Верховного суда) мы учредили лишь Комитет конституционного надзора (ККН). Мы ждали, что он займет достойное место в нашей государственной жизни и поможет решать проблемы. Однако месяц шел за месяцем, а комитета не было слышно. В лучшем случае принимались решения по малозначимым вопросам или выносились весьма двусмысленные вердикты, допускавшие прямо противоположные толкования.

Остряки шутили, что решения ККН требуют для своего прояснения пифий, толковавших изречения оракула. Жалоб на пассивность Комитета было много, но я не считал возможным вторгаться, потому что относился к принципу разделения властей вполне серьезно.

Но и колебания со статусом правительства, и недоработки с судебной властью не шли, конечно, ни в какое сравнение с тем, что явилось главной причиной низкой эффективности президентской власти. Это развернувшийся сразу же после принятия Верховным Советом России Декларации независимости «парад суверенитетов». За ним последовала так называемая война законов. Республики соглашались признавать только те союзные законодательные акты, которые будут одобрены их парламентами. Центральная власть кардинально подрывалась.

Становилось очевидным, что нам не удастся ограничиться латанием Конституции, надо идти на заключение нового Союзного договора и соответственно менять всю союзную структуру. Таким образом, едва совершив одну достаточно радикальную реконструкцию, мы были поставлены перед необходимостью приступить к осуществлению другой.

1990 ГОД — ЭТО ГОД ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Перед отъездом из Бонна на пресс-конференции я так оценил итог моего визита в Западную Германию летом 1989 года: «Прямое и живое общение с гражданами ФРГ убедило нас в том, что перемены во взглядах и настроениях по отношению друг к другу происходят не только в нашем народе. Они происходят и здесь. И, может быть, мы сегодня вправе говорить о том, что оба наших народа идут навстречу друг другу, сближаются, думают о планах сотрудничества. И это само по себе, может быть, самое главное, что сегодня стоит констатировать и что в значительной мере будет определять будущее, влияя и на деятельность правительств обеих стран».

На вопрос о Берлинской стене я ответил: «Ничего нет вечного под луной. Будем надеяться, что мы на правильном пути. Стена появилась в конкретной ситуации. Стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее породили. Не вижу тут большой проблемы».

Перемены в настроении советских людей имели решающее значение для предпосылок, на основе которых формировалась наша политика в германском вопросе.

Перестройка сняла отчуждение советских людей от западного мира, положила начало демократизации общественного сознания, открыла доступ к информации, которая, между прочим, донесла до нас факты о глубоких переменах в сознании немецкого народа, большинство которого сумело разобраться в характере войны, навязанной Гитлером, очистилось от нацистской скверны.

К осени германский вопрос стал, по сути, ключевым в мировой политике. События развернулись вскоре поистине драматически благодаря (подчеркиваю!) позиции самих граждан ГДР. Немцы в ГДР к этому времени поняли: Советский Союз не будет применять силу, чтобы помешать воссоединению. Это был для них сигнал — их воля к единству может реализоваться.

Мои принципиальные подходы к решению германского вопроса, которые и определили все мое поведение в реальном процессе воссоединения, таковы.

Моральный. Я считал ненормальным с нравственной точки зрения бесконечно отстаивать разделение надвое такой великой нации, как немецкая, взваливая на все новые поколения вину за прошлое.

Политический. Помешать стремлению немцев к воссоединению можно было лишь с помощью размещенных в ГДР советских войск. Это означало бы полный крах всех усилий по прекращению холодной войны и гонки ядерных вооружений. Нанесло бы непоправимый удар и по всей политике перестройки, дискредитировав мою страну в глазах всего мира.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Стратегический. Применение силы против населения ГДР и подавление общенародного демократического движения к воссоединению надолго бы отравили отношения между нашими народами, повлекли бы непоправимый ущерб интересам самой России.

Главные мои заботы в начавшемся процессе были таковы:

- не допустить, чтобы порыв немцев к единству дестабилизировал всю обстановку в Европе, поэтому все должно идти постепенно;
- немцы имеют право на решение своей собственной национальной судьбы, но с учетом интересов соседей;
- сила или угроза силы в любой форме должны быть исключены.

Проблема вскоре обострилась. Осенью 1989 года обстановка в Восточной Германии стала, без преувеличения, взрывоопасной. А некоторые влиятельные круги и в СССР, и в ГДР выступали за решительное «наведение порядка».

Но никогда, ни разу за то время, пока я был на посту генсека и Президента, не подтвердилось, что силой можно было бы достигнуть того, чего я хотел.

История, «сорвавшись с заклепок», несла нас в своем стремительном потоке. Судьба ГДР и объединения Германии решалась уже волей миллионов, прежде всего восточных немцев, которые объединились в порыве подлинно демократического, общенародного движения.

Новые руководители республики во главе с Модровым, который 13 ноября стал председателем правительства, пытались оказывать сдерживающее влияние на развернувшиеся процессы. В Москве еще надеялись, что новое руководство ГДР сумеет овладеть ситуацией и, уж если пойдет речь об объединении, сумеет реализовать его поэтапно, сохраняя ГДР как можно дольше.

С этих позиций я призывал, встречаясь с руководящими деятелями обеих Германий, не поддаваться эмоциям, не использовать ситуацию в узкопартийных эгоистических целях и не делать шагов, которые могли бы привести к обвалу.

Но события развивались все более стремительно. По существу, уже в ноябре начался процесс распада государственных структур ГДР.

Начиная с 3 января следующего, 1990-го, года каждый день шли стотысячные выступления по всей Восточной Германии с требованием немедленного объединения. Немцы не согласны были ни на какие валютные союзы, ни на какие конфедерации — объединение и все! Слияние в одно государство! Немцы недвусмысленно выражали свое стремление самим решать, как им жить. Политики были единого мнения: объединение — дело будущего. Никто не хотел спешить. Но мощное движение немцев заставило всех взглянуть на реальности, которые возникли. В одном из телефонных разговоров Модров сказал мне: «Михаил Сергеевич, уже никто не принимает идею двух Германий, идею постепенного сближения и т.д. Все за единую Германию — и немедленно». При этом все, и немцы в первую очередь, хорошо понимали, что «ключи к объединению лежат в Москве». (Это выражение, кажется, Аденауэра). Понимали, что позиция Советского Союза, присутствие его войск и т.д. имеет решающее значение. Если Советский Союз согласится с возникшими новыми обстоятельствами, они станут реальностью. Иначе — вообще неизвестно, что может произойти в Европе, да и в мире.

Воссоединения Германии, тем более — быстрого, не хотели и союзники ФРГ по НАТО — ни англичане, ни французы, ни итальянцы. Я понял это из бесед с Миттераном, Тэтчер, Андреотти. Об их позиции мне сообщил Джордж Буш еще на Мальте. Тогда он заверил меня, что не пойдет ни на какие опрометчивые действия, чтобы ускорить решение вопроса о воссоединении. «Как ни странно, в этом вопросе Вы, господин Горбачев, в одной лодке с нашими союзниками по НАТО. Самые консервативные из них приветствуют Ваш подход. И в то же время им приходится думать о том времени, когда понятия ФРГ и ГДР уйдут в историю. Я в этом вопросе буду действовать осторожно. И

пусть наши демократы обвиняют меня в робости. Я не собираюсь прыгать на стену*, потому что слишком многое в этом вопросе поставлено на карту».

— Да, прыгать на стену — это не занятие для президента, — заметил я под общий смех.

Позволю себе, однако, не согласиться с отождествлением моих позиций с позицией европейских союзников ФРГ по НАТО. Те, очевидно, хотели задержать процесс воссоединения... руками Горбачева, полагая, что СССР больше в этом заинтересован, в том числе и по идеологическим мотивам. Но я знал ситуацию лучше их. Я понимал, что сопротивление объективно неизбежному, да еще с применением «советской силы», как раз и вызовет тот самый хаос, который все мы хотели предотвратить.

Итак, «процесс пошел» и пошел мирно.

Не буду воспроизводить события и все содержание различных переговоров в ходе этого процесса. Все это подробно изложено в моей книге «Как это было»**. Я держал постоянный контакт и с Колем, и с Модровым, с другими деятелями того периода.

26 января 1990 года в своем кабинете в ЦК КПСС я провел узкое совещание по германскому вопросу. Пригласил Рыжкова, Шеварднадзе, Яковлева, Ахромеева, Крючкова, Фалина, Черняева, Шахназарова и сотрудника международного отдела ЦК, специалиста по Германии — Федорова. Дискуссия продолжалась около четырех часов.

Все видели, что происходит в Германии: она как бы расплзается, начинается хаос,

* Намек на то, что проделал за год до того Р. Рейган, посетив Берлин. ** М.С. Горбачев. Как это было. Объединение Германии. — М.: Вагриус, 1999.

новые гдээрзовские руководители, пришедшие на смену Хонеккеру, да и Коль очень боялись, что развяжется такой хаос, с которым невозможно будет справиться.

Все участники того совещания в ЦК были единого мнения — надо исходить из того, что народ Германии, немцы не отступят от требования объединения. Поэтому надо принимать решение — менять политику, возглавить этот процесс, поддержать волю народа.

Почему советское руководство действовало так уверенно? Потому, в частности, что произошли огромные перемены в отношении к немцам в нашей стране. Сначала в ГДР появились «наши немцы» — в ФРГ оставались «чужие немцы» (старшее поколение помнит эти определения). Но в ФРГ произошли важные демократические перемены. Руководство Западной Германии вело себя лояльно по отношению к СССР. Вместе с тем налицо была дискредитация режима Хонеккера, который блокировал любые перемены. Если бы он вел себя иначе, процесс объединения мог бы принять другой характер. Учитывая то, что произошло с ГДР, мы вынуждены были прийти к выводу, что главным игроком в начавшемся процессе и главным нашим партнером будет Коль, ФРГ. Тем не менее решено было вести разговор интенсивно и одновременно как с Колем, так и с западно-германскими социал-демократами, и с гдээрзовским новым правительством.

Была выдвинута идея «шестерки» — специальной группы в составе представителей СССР, США, Англии и Франции, т.е. держав-победительниц, и двух Германий — ФРГ и ГДР, для обсуждения и решения европейских и международных проблем, которые неизбежно будут затронуты объединением Германии*.

Подытоживал я наше совещание так:

- ориентироваться в основном на Коля, но СДПГ не игнорировать;
- пригласить Модрова и Гизи в Москву;
- поддержать идею «шестерки»;
- с Лондоном и Парижем держаться теснее;
- Ахромееву готовить вывод войск из ГДР, причем, как я тогда сказал, «проблема эта больше внутренняя, чем внешняя: 300 тысяч военных, из них 100 тысяч офицеров с семьями. Их куда-то надо девать!»

* Потом «шестерка» трансформировалась в формулу «4+2» и, наконец, — в «2+4».

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Главная забота — сохранить процесс в мирном русле и обеспечить интересы свои и всех, кто будет им затронут. Для чего подключить, прежде всего, державы-победительницы, которые по итогам войны несли определенную ответственность за судьбу Германии.

Менее чем через неделю в Москву приехал Модров. Беседа с ним подтвердила, насколько своевременно было совещание в ЦК КПСС 26 января и насколько правильными были выводы, к которым мы пришли.

А 9 февраля 1990 года я встречался с государственным секретарем Соединенных Штатов Джеймсом Бейкером. Он специально приехал в Москву, чтобы обсудить германский вопрос. Он сказал, что процесс идет гораздо быстрее, чем кто-либо мог ожидать. Чтобы обеспечить удержание его в стабильных рамках и на перспективу, считал Бейкер, необходимы механизмы решения вопросов, касающихся внешних аспектов объединения.

Мы тоже об этом подумали и считаем правильным иметь такой механизм по формуле «4+2», ответил я. Бейкер высказался за то, чтобы перевернуть формулу и называть ее «2+4». Ссылаясь на немцев, которые видят в этом символику, подтверждающую, что внутренние германо-германские аспекты объединения — их прерогатива. Не нужно, мол, лишний раз испытывать немецкий национализм.

Я не стал возражать. И вообще я не придавал серьезного значения порядку цифр в формуле — ни в тот момент, ни потом. Хотя некоторые мои оппоненты создали впоследствии из этого целую проблему. Я имею в виду прежде всего Валентина Фалина, который воздвиг целую пирамиду обвинений по поводу этой якобы принципиальной нашей уступки. Но все это чистая схоластика*.

Бейкер заявил, что ни Буш, ни он «не намерены извлекать односторонних преимуществ из происходящих процессов. И хотел бы здесь это подчеркнуть».

Потом он произнес мини-речь по поводу того, что нельзя допустить, чтобы Германия стала нейтральной. Главный аргумент — в этом случае немцы могут создать собственный ядерный потенциал. Другой аргумент — что нейтралитет Германии ставит

* В феврале 1990 года в Оттаве (на конференции министров иностранных дел 23 государств Европы, США и Канады по «открытому небу») было достигнуто согласие в отношении создания «шестерки» (два плюс четыре), а затем состоялись три раунда переговоров по этой формуле.

под вопрос присутствие Соединенных Штатов в Европе и разрушает механизм, обеспечивающий это присутствие, — НАТО. А ухода США не хочет никто.

Я согласился с тем, что на данном этапе военное присутствие Соединенных Штатов в Европе играет стабилизирующую роль. И СССР не выступает за вывод американских войск в контексте воссоединения Германии.

Бейкер тут же торжественно заявил мне, что — цитирую по стенограмме — «не произойдет распространения юрисдикции и военного присутствия НАТО ни на один дюйм в восточном направлении... Мы считаем, что консультации и обсуждения в рамках механизма "2+4" должны дать гарантии, что объединение Германии не приведет к распространению военной организации НАТО на Восток». Это понимание было зафиксировано в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии.

Меня нередко спрашивают: не допустило ли просчет советское руководство в свое время, не поставив вопрос о недопущении расширения НАТО на Восток вообще, а не только на территорию бывшей ГДР. Что на это можно сказать? Если наше требование в отношении территории ГДР было абсолютно уместным и правильным, то выдвижение требования о нерасширении НАТО на Восток в тот момент было бы просто глупостью. Так как существовали НАТО и ОВД*!

Речь тогда шла о трансформации обеих военных организаций (ОВД и НАТО) в политические, о сокращении военной составляющей этих блоков. Иначе говоря, не только о «разводе» двух блоков, олицетворявших военную конфронтацию Запад —

Восток, но и об их коренной реорганизации, о серьезных изменениях в самих их функциях. Это нашло свое отражение в итогах заседания Совета НАТО в Лондоне, которое состоялось в те дни.

Я считал необходимым задержать внимание читателя на этом вопросе, имея в виду ту в общем-то некомпетентную и политически спекулятивную полемику, которая развернулась много позже, в связи с расширением НАТО в середине 90-х годов.

Уверен, — и никто не в состоянии доказать обратное, — что, если бы был сохранен Советский Союз, а следовательно, и те отношения, которые уже сложились между ним и Соединенными Штатами, никакого бы расширения НАТО не произошло и обе страны по-

* Как известно, страны — члены ОВД приняли согласованное решение о самороспуске Организации Варшавского договора 1 июля 1991 года.

другому подходили бы к созданию системы европейской безопасности.

Особое внимание в беседе с Бейкером я обратил на то, что в работе механизма «2+4» должны быть учтены интересы всех соседей Германии, других стран Европы. Разногласий не было относительно того, что объединение должно состояться только на территории ФРГ и ГДР (включая Восточный и Западный Берлин) при полном уважении существующих их границ с другими государствами.

Договорились с госсекретарем США действовать согласованно.

10 февраля 1990 года у меня состоялся большой разговор с приехавшим в Москву Гельмутом Кодем. Были обозначены все главные пункты германского объединения, намечены возможные решения, которые нам вместе и отдельно, а также в согласии с американцами, французами и англичанами предстояло принимать.

Коль подробно охарактеризовал ситуацию в Восточной Германии. Он справедливо считал, что январь стал критическим месяцем, когда, по его выражению, «все рухнуло». Шла массовая эмиграция гдээрзовских граждан. Произошел полный обвал восточной марки.

В некоторых местах, где размещались советские войска, имели место настораживающие инциденты.

Должностные лица, ответственные за функционирование и безопасность АЭС на территории ГДР, не ручались за содержание своих объектов.

«Я не хочу ускорения событий, — говорил канцлер, — но на меня, я вижу, движется волна, и я не смогу ей противостоять. Такова реальность». Мы многое обсудили. Он заверил меня, что окончательная черта под вопросом о границах в случае объединения будет подведена там, где эта граница проходит.

Остро стоял вопрос о военной безопасности. Коль, уже знавший о нашем разговоре с госсекретарем, высказался за решительное продвижение процесса разоружения, заявил о готовности всячески этому содействовать. Заверил, что объединенная Германия возьмет на себя самые строгие обязательства в отношении отказа от ядерного, бактериологического и химического оружия.

Канцлер вместе с тем решительно выступил против нейтралитета будущей Германии и сослался на те последствия, которые имел Версальский договор 1918 года, изолировавший Германию от остальной Европы, со всеми вытекавшими из этого пагубными последствиями.

Как и Бейкер, он заявил мне следующее — цитирую по стенограмме: «Мы считаем, что НАТО не должно расширять сферу своего действия». Потом, по другому поводу, он еще раз повторил это заявление.

Канцлер с уверенностью обещал, что новый германский парламент, который появится в результате объединения, подтвердит положения договоров, заключенных ГДР... «разумеется, с согласия Москвы, Варшавы и других столиц».

Наиболее существенную часть нашего разговора с канцлером я хочу привести по стенограмме.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

«М. Горбачев: В главном исходном пункте есть понимание — сами немцы должны сделать свой выбор. И они должны знать эту нашу позицию.

Г. Коль: Немцы это знают. Вы хотите сказать, что вопрос единства — это выбор самих немцев?

М. Горбачев: Да, в контексте реальностей. **Г. Коль:**

Согласен с этим.

М. Горбачев: Есть реальности. Была война, оставившая нам тяжелое наследие. Теперь открылась возможность перевода «немецкого вопроса» в другую фазу. Делать это нужно совместными усилиями, с учетом не только своих интересов, но и интересов соседей.

Г. Коль: Присоединяюсь к такой постановке вопроса.

М. Горбачев: Немцы доказали, что они извлекли уроки из прошлого. И это оценено в Европе и в мире. И... зафиксировано в заявлениях о том, что с немецкой земли никогда не должна исходить война.

Г. Коль: Я это трактую наоборот: «С немецкой земли должен исходить только мир».

М. Горбачев: Это очень важная констатация. Речь идет еще об одном выборе немцев — в пользу мира. Мы должны строить объединенную Германию на фундаментальных вещах».

12 февраля я проинформировал Модрова о своих беседах с Бейкером и Кодем.

После того как канцлер побывал в Вашингтоне, 28 февраля у меня состоялся телефонный разговор с Бушем. Стало совершенно ясно: Коль и Буш окончательно договорились о членстве объединенной Германии в НАТО. И это становилось, по сути, главным международным вопросом в дальнейшем процессе объединения Германии.

Во всех своих публичных выступлениях весной 1990 года и в переговорах с иностранными деятелями я держался той точки зрения, что участие объединенной Германии в НАТО неприемлемо. Я рассчитывал в этом опереться на позиции других европейских стран. Но, кроме согласия со мной правительства Модрова, такой поддержки я ни у кого не нашел, даже со стороны членов Варшавского договора, включая Польшу.

Логика была такая: европейские союзники Германии по НАТО побаиваются ее мощи. Гарантию своей безопасности они видят в присутствии американских войск. Но легитимность их присутствия опирается на НАТО. НАТО же без Германии обречено на исчезновение.

Наша же логика состояла в том, чтобы предельно синхронизировать германское объединение с общеевропейским процессом, с его институционализацией. Тогда Германия не оставалась бы «в одиночестве». А НАТО и ОВД коренным образом реорганизовать.

Но, увы, такой синхронизации добиться не удалось: германское объединение набрало уже невероятно быстрый темп. А после выборов в Народную палату ГДР 18 марта, на которых победил «Альянс за объединение Германии» (вместе с СДПГ почти 70 процентов голосов), в ГДР кто бы то ни было потерял всякую способность сопротивляться объединению: на основе 23-й статьи своей конституции ФРГ ее просто поглощала. Правительство, которое возглавил Лотар де Мезьер (с ним я встречался 29 апреля 1990 года), сознательно сделало ставку именно на такую форму объединения.

Попытки Шеварднадзе на встрече «2+4» в Бонне (5 мая) отстоять предписанную ему в директивах Политбюро позицию по вопросу о невхождении единой Германии в НАТО никто не поддержал.

Приближалось 45-летие Победы в Великой Отечественной войне. Мне предстояло выступать в Кремле на торжественном собрании. Я решил именно в этот день объяснить советскому народу политику в отношении Германии и обрисовать перспективу, на которую эта политика дает нам возможность рассчитывать.

Мое выступление было воспринято в стране с пониманием. Никаких признаков несогласия в народе, тем более протестов, не было. Правда, антиперестроечная

сталинистская оппозиция уже взяла на вооружение против меня и германскую тему. Однако это не поколебало моей решимости довести дело до конца.

Предстояла давно согласованная **поездка в Вашингтон**. В порядке подготовки к ней в Москву 18 мая приехал Джеймс Бейкер — доказывать целесообразность и неизбежность вхождения единой Германии в НАТО.

Опять и опять говорил мне, что желание США иметь объединенную Германию в НАТО объясняется тем, что, если она не будет твердо укоренена в европейских институтах, могут возникнуть условия для повторения версальского прошлого.

В конце Бейкер изложил заранее подготовленную администрацией США программу, которая как бы компенсировала вступление единой Германии в НАТО — знаменитые его «9 пунктов». В них были и разумные предложения, приемлемые для нас. Кстати, некоторые из них вошли потом в договоры об объединении Германии.

Бейкер обещал, что на определенный переходный период на территории, которую сейчас занимает ГДР, не будет войск, подчиненных НАТО, что на этот период советские войска могут оставаться там на тех же основаниях, на каких они сейчас там находятся.

Бейкер обещал, что начнется постепенно реконструкция НАТО, и ей все больше будет придаваться характер политической организации. И будет осуществлен пересмотр военной доктрины НАТО.

Я высказал позитивное отношение к общей направленности его 9 пунктов, но считал, что вопрос не закрыт, что перед моей встречей с президентом США в Вашингтоне надо еще все основательно обдумать.

Я понимал, что в поведении администрации есть элементы игры и Бейкер в эту игру ловко играл. Я, кстати, прямо ему об этом сказал. Он потом в своих мемуарах признал, что для него главной целью было убедить меня в неизбежности вхождения Германии в НАТО.

Однако были и реалии. Я их тоже отлично видел. Действительно, Германию нельзя было оставлять в ситуации, аналогичной той, в какой она оказалась после 1918 года. Всерьез рассчитывать на то, что Германия войдет в Варшавский договор, тоже было невозможно. И конечно, наиболее важным моментом было то, что Германия, в лице пока еще обоих правительств, стояла за вступление в НАТО.

Тем не менее я решил предпринять последнюю попытку в разговоре с Бушем через две недели. Не то чтобы я боялся вступления Германии в НАТО. Я был убежден, что холодная война не вернется ни при каких обстоятельствах и военной угрозы для нашей страны с Запада уже не существует. Однако в политике еще сохранялись подходы, в которых большое значение придавалось балансу вооруженных сил.

Вхождение объединенной Германии в НАТО, по существу, ничего не меняло в проблеме безопасности СССР. Но был важный психологический момент — восприятие НАТО в сознании советских людей.

25 мая, накануне моего визита в Вашингтон, в Москве побывал Миттеран. Важно было знать позицию президента Франции в изменившейся обстановке. Он пользовался огромным международным авторитетом, а для его страны то или иное решение германского вопроса имело жизненное значение. Мы говорили предельно откровенно, дипломатические экивоки давно уже исчезли из нашего с ним общения. Я рассказал Миттерану о нашей полемике с Бейкером незадолго перед тем в Москве и задал вопрос:

— Что же будем делать дальше?

— В данной ситуации, — сказал Миттеран, — существуют объективные реалии, которые невозможно обойти. ...Действительно, ФРГ — член НАТО, и именно она — если называть вещи своими именами и отбросить дипломатическую оболочку происходящего — поглощает ГДР.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

— ...Какие возможности были у нас, чтобы воздействовать на этот процесс? — подчеркнул Миттеран. — Что я мог сделать в то время? Послать бронетанковую дивизию, да еще вооруженную ядерными средствами? Тем более что речь идет о союзной нам стране. Я консультировался тогда с Маргарет Тэтчер. Ее размышления шли в том же направлении, что и мои. Но при этом она была первой, кто направил немцам поздравительную телеграмму после того, как они проголосовали в пользу объединения.

Миттеран уверял меня, ссылаясь на знание ситуации в НАТО и господствующие там настроения, что мои идеи насчет Германии «вне блоков», или в составе обоих блоков, или даже невхождения ее (по примеру Франции) в военную организацию НАТО будут отвергнуты.

— Если я скажу «нет» в вопросе о принадлежности Германии к НАТО, то я окажусь в изоляции в среде своих западных партнеров. .. Если разговор зайдет в тупик, немцы и их партнеры по НАТО могут выбрать простой вариант — *принять решение о ее членстве в НАТО, и всё!* (Выделено мной. — М.Г.). ...Я просто не вижу, как вы можете добиться своего.

И вновь в конце он задался вопросом:

— Какими средствами мы обладаем, чтобы настоять на своем? ...Что я могу сделать? Послать туда дивизию?

— Нам проще — наши дивизии уже находятся там, — пошутил я. Из этого разговора мне стало ясно, что в вопросе о членстве Германии в НАТО я остаюсь один на один с американцами, всеми натовцами и даже бывшими союзниками по ОВД.

Через несколько дней я прибыл в Вашингтон с официальным визитом.

31 мая в Белом доме германскому вопросу было уделено несколько часов. Не буду воспроизводить беседу полностью, потому что, по сути дела, повторялось все то, что уже было проговорено неоднократно и с Бейкером, и с Кодем, и с Миттераном.

Тем не менее, исходя из того, о чем я уже писал и что побуждало меня искать компромисс, мы вышли на формулу, которая более или менее отвечала реально сложившейся ситуации.

В результате спора также и по формулировке нашего коммюнике договорились: Соединенные Штаты и Советский Союз за то, чтобы объединенная Германия по достижении окончательного урегулирования, учитывающего итоги Второй мировой войны, сама решила, членом какого союза ей состоять.

Буш все же предложил несколько иную редакцию: «США однозначно выступают за членство объединенной Германии в НАТО, однако, если она сделает другой выбор, мы не будем его оспаривать, станем уважать».

Согласен, ответил я.

С этого момента можно считать, что германский вопрос в том виде, в каком он был оставлен Второй мировой войной, перестал существовать. Осталось открыть двери в будущее Европы.

В контексте этого процесса не могу не упомянуть о сессии Совета НАТО в Лондоне в начале июля. Там была принята Декларация об обновленном Североатлантическом союзе, которая содержала ряд новых, позитивных моментов. В Лондоне, таким образом, был сделан большой шаг на пути освобождения от оков прошлого, сказал я чуть позже при встрече с Кодем. То, что Советский Союз теперь не рассматривается во всем НАТО в качестве противника, имеет большое значение для планов на будущее.

15 июля 1990 года в Москву приехал канцлер Гельмут Коль во главе большой делегации. Начались переговоры, которые были призваны в принципе завершить процесс объединения, оставив детали для «дипломатической техники».

Наша первая беседа один на один проходила в мидовском особняке на улице Спиридоновка.

Канцлер начал с цитаты из Бисмарка: «Когда Бог идет по истории, надо постараться ухватиться за край его одежды. ...Именно эти слова характеризуют наше время, особенно первую половину девяностого года. Особая ответственность ложится на наше поколение, на людей нашего возраста»...

Я поддержал его мысли.

«Так случилось, — рассуждал я, — что опять Россия и Германия должны многое сделать, жить в добре и согласии, взаимно обогащать друг друга, укреплять взаимопонимание, наращивать взаимовыгодное сотрудничество. Когда они разошлись, это обернулось тяжелыми последствиями для наших народов и для всех других. Мы с вами можем сделать так, чтобы два народа были вместе. Я ставлю наши отношения с Германией вровень с советско-американскими. Они не менее важны для истории».

«...Германия хочет мира, новых отношений с великой Россией, — подхватил мои рассуждения Коль. — ...Вся история России и Германии свидетельствует о том, что между русскими и немцами никогда не было врожденной вражды. Силы зла, а не добра натравливали их друг на друга, и это имело трагические последствия».

Канцлер привез, по существу, проект всеобъемлющего «Большого договора» между единой Германией и СССР. «Я, — сказал он, — вам их сейчас передам. — И добавил: — ...Речь идет пока лишь об эскизе мыслей и соображений».

Я, в свою очередь, тоже передал канцлеру свои соображения. В ходе беседы мы по существу обговорили основное содержание будущих договоров.

Мы твердо условились о важных принципиальных вещах, которые будут учтены и в основном договоре, и в других, а именно: объединенная Германия будет располагаться на территории ФРГ, ГДР и Берлина. Германия отказывается от претензий на перекройку границ. На этот счет уже приняты, сообщил Коль, две одинаковые резолюции — Народной палаты ГДР и бундестага. Германия отказывается от ядерного, химического и биологического оружия. На переходный период на территории, которую занимает сейчас ГДР, не будет военных структур НАТО. Советские войска останутся на территории ГДР — там, где они сейчас располагаются, — на весь переходный период. Договорились о сроке пребывания советских войск: 3-4 года. Договорились о том, что условия пребывания наших войск будут урегулированы отдельным договором. Будут отменены четырехсторонние права и ответственность в отношении Западного Берлина.

Канцлер согласился на строительство жилья для военнослужащих за счет немецкой стороны в разных концах Советского Союза.

Гельмут Коль сообщил мне, что он, учитывая потребности включения советской экономики в мировую экономику, решительно выступил на совещании «большой семерки» в Хьюстоне (США) за то, чтобы ведущие, наиболее экономически мощные государства мира активнее и более конкретно поддерживали политику экономических реформ в Советском Союзе.

В тот же день все мы вместе вылетели на Северный Кавказ, на мою родину. Курортное местечко Архыз стало своеобразным символом германского объединения. Основные принципиальные вопросы, как я уже сказал, были рассмотрены в Москве. В Архызе была осуществлена детальная проработка всех вопросов, определены рамки документов, которые предстояло принять.

При этом мы договорились, что все вопросы будут рассмотрены правительствами ФРГ и ГДР и получают соответствующее германо-германское оформление. Естественно, все важные аспекты германского объединения должны быть оговорены и согласованы в рамках «2+4».

Разумеется, в ходе июльского визита 1990 года не была обойдена и тема советских немцев. Канцлеру ФРГ было сказано, что к советским немцам, где бы они ни проживали, где бы ни работали, в стране существует уважительное отношение. Но есть проблемы,

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

которые порождены определенным временем, и от них нельзя уйти. Гельмут Коль был против массового переселения советских немцев в Германию и выразил готовность серьезно помогать их обустройству в СССР. Я обещал, что мы будем решать проблему с учетом интересов всех советских граждан, которых это затрагивает, а также ради укрепления и на этом направлении добрых отношений между нашими народами*.

Однако должен признать: ни Советское правительство за оставшийся ему год с небольшим, ни потом российские власти не сделали всего того, что можно было сделать, чтобы предотвратить массовый отъезд наших немецких граждан на родину своих предков. Не справились с этой проблемой в хозяйственно-административном плане и не смогли убедить русское население в возможности и обоюдной полезности возвращения немцев на места их прежнего проживания, откуда они были выселены в начале войны.

12 сентября в Москве окончились переговоры по формуле «2+4». Министры иностранных дел США, СССР, Франции, Великобритании, ФРГ и ГДР подписали Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. 13 сентября был парафирован Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Германией и Советским Союзом. Названный «Большим договором», он выводил на качественно новый уровень наши отношения со вторым по величине и значению после СССР европейским государством. 3 октября 1990 года вступил в силу договор об объединении ФРГ и ГДР.

С этого момента немцы были освобождены от всех обязательств и ограничений, наложенных на них державами-победительницами в 1945 году. Единая Германия стала полностью равноправным членом международного сообщества.

9 ноября 1990 года я прибыл в Бонн — столицу теперь уже единой Германии. Состоялось торжественное подписание пакета основополагающих советско-германских соглашений.

При подписании выступили Коль и я.

Между прочим, в моем выступлении были такие слова:

«Убежден, мы сделали единственно правильный выбор. Приняли глубоко продуманное решение долговременного плана, отвечающее жизненным интересам и исконной традиции обоих народов и государств.

...Наш договор — сильное и здоровое дитя этих перемен. По мере того как оно будет взрослеть и крепнуть, оно будет играть все большую роль в жизни наших народов, во всем европейском развитии по критериям новой эпохи.

Провидческие слова Гёте "превыше наций — человечество" наполняются в наши дни предметным политическим содержанием.

...Пусть заключенный на 20 лет советско-германский договор превратится в трактат о "вечном мире"».

Не считаю нужным как-то корректировать сказанное тогда, остаюсь в уверенности, что если бы был сохранен Советский Союз, то все, что тогда было затверждено и по поводу чего мы с канцлером столь убежденно и искренне говорили перед лицом всего мира, послужило бы благу наших двух народов, Европы, всего мира гораздо в большей степени, чем это произошло в действительности.

И наконец — вопреки всем наветам: объединение Германии произошло не на западных условиях. Кстати, летом и осенью 1989 года Запад и мы сами полагали, что проблема объединения Германии — проблема XXI века. Да, мы признали тогда, что таковы чаяния народа — вернуть в лоно одного государства всех немцев. Но это, мы думали, дело будущих поколений. И вот появились те самые «условия», никакие не западные, а на самом деле условия, когда весь народ, и прежде всего гэдээровская его часть, вышел на митинги и потребовал безотлагательного решения «германского вопроса».

И еще об одном хочу под конец сказать, в этой же связи.

В крупных событиях всегда много появляется героев. В советские времена ходил анекдот о субботнике, в котором участвовал Ленин. Оказалось потом, что бревно несли с Владимиром Ильичом около двух тысяч человек. В таком случае оно должно быть длиной в полтора километра. Сейчас много объединителей Германии. Но на самом деле в этом историческом деле два главных героя — советские, русские, люди и немцы. И те и другие прошли тяжелый путь после войны и сумели пойти навстречу друг другу. Тогда уже начала работать история. Одни покаялись, другие простили — это и есть история.

ОТ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ К ПАРТНЕРСТВУ

После Мальты стрелка политического барометра в отношениях с Западом впервые за многие годы перестала скакать из стороны в сторону и остановилась на отметке «ясно». Сотрудничество постепенно налаживалось, но до настоящего партнерства было далеко. Знаковым моментом в новом характере сотрудничества было взаимодействие в вопросе об объединении Германии. Об этом я сказал выше.

Теперь о других сторонах нашей встречи с президентом Бушем в Вашингтоне в конце мая — начале июня 1990 года.

Из моих встреч с президентом, госсекретарем, с представителями Сената и Конгресса, с деловыми кругами я вынес впечатление, что и в США крепло понимание того, что интересам их страны отвечает сильный Советский Союз. Но в политике за словом должно следовать дело.

Повестка дня была насыщенной. В общей сложности тогда подписали 24 документа. И главное было не в количестве, а в значимости документов для создания стабильной инфраструктуры сотрудничества. Договоренности по сокращению ядерных и обычных вооружений потребовали почти четырех лет кропотливой работы. На сей раз мы завершили начатое в Рейкьявике согласование основных положений договора по сокращению СНВ на 50 процентов. Для нас было важно исключить возможность для США нарушить баланс по этим типам вооружений, складывающийся на пониженном уровне после сокращения. Согласие США урегулировать проблему с крылатыми ракетами морского базирования и ограничить дальность крылатых ракет воздушного базирования 600 километрами во многом снимало эти опасения.

Не обошлось, конечно, и без разногласий и споров, но в конечном счете почти по всем главным вопросам договора по СНВ в основном вышли на договоренности.

Подписали соглашение о 80-процентном сокращении химических вооружений с последующим полным их уничтожением. Таким образом, открывалась дорога к заключению многосторонней конвенции по химическому оружию. Приняли также протоколы к договорам об ограничении испытаний ядерного оружия и о подземных ядерных взрывах в мирных целях. Тем самым стало, наконец, возможным ратифицировать договоры, подписанные еще в середине 70-х годов.

Особо подчеркну значимость соглашения о мерах против распространения ядерного и химического оружия, боевых ракет, способных нести такое оружие, и соответствующих технологий. В мире уже было, по крайней мере, полтора десятка стран, способных в недалеком будущем производить ядерное оружие. И без предотвращения этого советско-американские усилия по ядерному разоружению теряли смысл.

Отдельно рассматривался вопрос о сокращении вооруженных сил в Европе. Согласились, что уже к концу года можно собраться на общеевропейскую встречу в верхах и подписать соответствующее соглашение.

Наиболее остро проходили переговоры о торговом соглашении. Накануне визита в американской печати и в Конгрессе громко заявили о себе противники: США, мол, не

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

должны делать Советам «экономических подарков», пока Москва не «отпустит» из СССР всю Прибалтику.

На второй день наших переговоров с глазу на глаз был момент, когда, казалось, мы зашли в тупик. Тогда я поднялся и сказал:

— Ну что ж, я высказал свои соображения, вы высказали свои. Надо делать выбор. Вы выбираете, по-видимому, поддержку Прибалтики. Если поддержка Прибалтики более важна для президента США, чем все остальное, я принимаю это к сведению. Будем жить с этим. У меня все.

Но Буш предложил не ставить точку и попробовать найти решение завтра, в спокойной обстановке Кэмп-Дэвида — загородной резиденции президента.

После прогулок и разговоров на разные «бытовые» темы Буш пригласил меня в кабинет и показал мой «сувенир», который я подарил ему на Мальте, — карту с американскими базами, составленную нашей разведкой специально для передачи. В шутку и всерьез он сказал мне: все указано правильно, неточности небольшие. Оба посмеялись.

С участием Шеварднадзе и Бейкера обговорили все аспекты ближневосточного конфликта. Обнаружили точки соприкосновения, у американской стороны появилось понимание того, что надо действовать вместе и брать курс на созыв международной конференции по Ближнему Востоку. Затрагивался и вопрос о расселении иммигрантов из Советского Союза на оккупированных Израилем палестинских землях. Я категорически выступил против подобной практики. У Буша и Бейкера мои слова энтузиазма не вызвали, но они согласились, что Израилю следует знать о мнении президентов СССР и США по этому вопросу и действовать рассудительно.

Совершенно в иной, чем прежде, неконфронтационной тональности обсуждалась афганская проблема. Буш заявил, что США не намерены разыгрывать «афганскую карту» и «не заинтересованы в том, чтобы в Афганистане установился режим, враждебный Советскому Союзу». Американцы демонстрировали явное желание содействовать урегулированию конфликта. И в этом мы были теперь скорее партнерами, чем противниками.

Остро прошло обсуждение обстановки в Латинской Америке. Не могу не упомянуть и о совместном заявлении по Эфиопии. В нем наши страны продемонстрировали не только общность подхода к урегулированию конфликта в этой измученной голодом и гражданской войной стране, но и впервые решили доставлять американское продовольствие советскими самолетами.

После дня переговоров по региональным проблемам Буш с улыбкой, но как бы мимоходом сообщил мне, что все-таки принял решение подписать торговое соглашение. Это был с его стороны мужественный и принципиальный выбор — он отдал предпочтение главному и не уступил давлению, конъюнктурным соображениям. Я это оценил по достоинству. Дело было даже не в экономической стороне. Главное заключалось в политическом значении этого акта на остром, переломном этапе в Советском Союзе.

Этот приезд в Штаты значительно отличался от предыдущего. Он стал визитом в страну, а не только в столицу.

3 июня закончилась «переговорная» часть визита, и мы полетели в Миннеаполис — штат Миннесота. Средний Запад — это, как у нас бы сказали, житница США. Новое соглашение по зерну, потребность в модернизации нашей пищевой промышленности обязывали поближе познакомиться с опытом Америки. Состоялась встреча с представителями деловых кругов Среднего Запада. Она дала мне много. Диалог с бизнесменами принял отнюдь не благостный характер. Я почувствовал, насколько велик интерес к сотрудничеству с их стороны. Но настолько же велико и недовольство среди тех, кто уже имел опыт общения с нами, испытал на себе нашу бесхозяйственность,

забюрократизированность принятия решений. Встал, разумеется, и вопрос о гарантиях иностранных инвестиций, о порядке вывоза и реинвестиции капитала, о конвертируемости рубля.

Об этом шел разговор и в Сан-Франциско, где мы встретились с представителями крупнейших промышленных и финансовых компаний, видными политическими деятелями Тихоокеанского побережья США. В Сан-Франциско (по предварительной договоренности) прилетел президент Южной Кореи Ро Дэ У. Познакомились, откровенно поговорили и условились двигаться к установлению дипломатических отношений. Это был еще один прорыв сквозь идеологический забор «социалистического интернационализма», который отгораживал СССР от бурно развивающейся страны — Республики Корея.

Побывали в Стэнфордском университете имени Дж. Кеннеди (он в Калифорнии). Принимал нас в качестве хозяина Дж. Шульц. Состоялась беседа с преподавателями, студентами, а в заключение я выступил перед многотысячной аудиторией. Это было обращение к молодым людям — их было большинство в зале, но еще больше за его пределами, на улице.

Перед перелетом в Вашингтон мы нанесли короткий визит в Оттаву. До приезда премьера Канады Брайана Малруни в Москву в ноябре 1989 года руководители СССР и Канады не встречались 18 лет. Тогда он привез с собой в Москву 240 ведущих бизнесменов. В результате подписали соглашения и сделки на сумму свыше 1 млрд долларов.

Перспективы советско-канадских отношений я оценивал высоко.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ РКП

С весны 1990 года, после первых свободных выборов в парламенты республик, когда партия почувствовала, что она отторгается, скатывается на обочину, недовольство в ее среде усилилось. Оно накладывалось на ухудшение экономического положения в стране, перебои со снабжением. Когда Рыжков объявил о намерении повысить цены, консервативная верхушка партии решила, что наступил момент для реванша. Спор у них шел разве только об одном — что выгоднее: заставить генсека отказаться от курса на перестройку или убрать его. Конечно, эти замыслы не афишировались. Понимали, что народ не примет лозунг возврата к старым порядкам. Поэтому прикрывались стремлением «лучше» вести перестройку.

А радикальные демократы начали отыгрывать лозунг «независимости» России и добились с его помощью немалого числа депутатских мест в новом Верховном Совете РСФСР, избрания Ельцина председателем парламента. Очевидно, некоторые партийные вожаки усмотрели в этом неплохой пример для себя: если демократы сумели использовать «российскую карту», так почему бы и им не сделать того же.

Сначала на партийных собраниях, потом на пленумах райкомов и обкомов, в печати стал подниматься вопрос о создании партии российских коммунистов. Доводы были очевидные: почему во всех союзных республиках, кроме РСФСР, действуют компартии, есть ЦК, а у россиян нет? Сначала эта тема прозвучала в порядке постановки вопроса, затем последовали требования «партийных масс». Причем это звучало часто как ультиматум.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что вся эта затея была спекулятивной. Зачинщики ее усматривали в этом легальный способ создать сильный противовес реформаторскому центру, но многие рядовые коммунисты связывали идею РКП с самостоятельностью РСФСР. Короче, здесь была реальная, а не мнимая проблема.

Много размышлял над этим я, возвращаясь к истории вопроса, к ленинской позиции на этот счет. Ведь неспроста было решено когда-то создать именно такую партийную

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

структуру. Самостоятельное существование руководящего центра коммунистов России — а это две трети состава КПСС — создавало бы постоянную угрозу раскола. Между тем КПСС мыслилась как самая мощная объединительная сила. Ее интернационалистская идеология должна была служить залогом целостности страны. Вот почему, создавая государство федеративное, Ленин был против такого же решения применительно к партии.

Но у нас за плечами был долгий опыт истории, когда при формальном сохранении федерации фактически существовало сверхцентрализованное государство. И теперь речь шла о том, чтобы ликвидировать разрыв между формой и содержанием, идти к настоящей федерации. Казалось бы, создание Российской компартии становится объективно обоснованным. Однако настал ли для этого подходящий момент? Не следует ли решать эту задачу после преобразования государственности на основе нового Союзного договора? И наконец, самый существенный момент: были все основания подозревать, что российская компартия станет инструментом антиреформаторских сил, своего рода оплотом борьбы против руководства КПСС, где плохо ли, хорошо ли, но все-таки задавали тон сторонники реформ. Ведь напор шел со стороны «фундаменталистских» кругов. Ими двигал и сугубо личный интерес. Многие члены ЦК КПСС, неспособные «вписаться» в новые условия, рассчитывали вновь всплыть на поверхность.

Вопрос многократно обсуждался на Политбюро. Энергичным сторонником создания Российской компартии стал Лигачев*, ссылавшийся на то, что движение в ее пользу уже захватило массы коммунистов. В какой-то мере это соответствовало действительности, хотя до сих пор не могу отделаться от подозрения, что кампания в пользу РКП была в значительной мере инспирирована сверху.

Так или иначе, но с выделением компартии России пришлось согласиться. А после того как это решение приняли, «российское движение» оказалось в руках сложившейся к тому моменту контрреформаторской фракции в партийных верхах.

Заключая дискуссию на эту тему в подготовительном комитете, я подчеркнул, что российский вопрос — это сейчас центральный вопрос перестройки. Возник он не на пустом месте, а на почве реальных трудностей в развитии России, допущенных здесь ошибок, да и активизации национальных движений в других республиках. Но на нем спекулируют и Косолапов**, и Ельцин. Встанем на путь российского изоляционизма — погубим и Союз, и Российскую Федерацию. Словом, не лежала у меня душа к этому предприятию, с самого начала я видел, чем оно может обернуться.

Конференция коммунистов России открылась 19 июня 1990 года, всего лишь за две недели до XXVIII съезда КПСС.

* Спустя несколько лет на международной конференции в Генуе я и Лигачев выступили с докладами. Потом каждому задавались вопросы. Я спросил Лигачева: «Ты, Егор Кузьмич, поклоняешься Ленину, но ведь он не допускал и мысли о создании отдельной партии в Российской республике. Почему ты отступил от Ленина?» Ответ последовал в характерном для Лигачева духе: «Чтобы Вас скovyрнуть с поста генсека». ** Бывший редактор журнала «Коммунист», ставший «теоретическим» глашатаем антиперестроечной реакции с позиций неосталинизма.

В выступлении на конференции, а потом и на съезде КПСС я считал необходимым высказать свою позицию по этому вопросу.

— ...Нам нужно хорошо различать все околороссийские шевеления, отчетливо отделить здоровые настроения в пользу создания Компартии России, продиктованные действительными проблемами и потребностями республики, от спекуляции на российских проблемах во имя достижения целей, чуждых и самой России, и партии, и стране.

И еще.

— На XX съезде была сказана правда, которая потрясла нашу страну, весь мир. Мы узнали тогда о сталинщине, которая была оскорблением идеалов, вдохновлявших поколения, двигавших людей на революцию, великие стройки, защиту Родины, восстановление разрушенной страны. Потрясение было огромным. Казалось, естественным следствием должны были стать глубокие общественно-политические преобразования. ...Однако преступления постепенно стали называть ошибками, реформы подменялись совершенствованием той же бюрократической системы, идейные искания заменялись перелицовкой сталинских учебников. А дальше от осуждения Сталина перешли к рецидивам его реабилитации. Неизбежным результатом этого стало политическое бессилие, застой во всех областях.

Дискуссия на этой конференции была сумбурная и во многом скандальная, вплоть до требований отставки всего Политбюро и роспуска ЦК КПСС.

Особенно сильно схлестнулись при выборах первого секретаря РКП. Я предложил Валентина Купцова, бывшего тогда заведующим отделом и членом Секретариата ЦК КПСС и Российского бюро. У меня сложилось впечатление о нем как о человеке ясных убеждений, расположенном к демократическим реформам. Назвал я и Олега Шенина (будущего члена ГКЧП), которого считал тогда сторонником перестройки. Были предложены также кандидатуры Полозкова, Бакатина и другие.

Но впервые предложения, исходившие от генсека и поддержанные представителями ряда делегаций, были отвергнуты. Номенклатура решила поставить у руля человека, который будет твердо отстаивать ее интересы. Избран был Полозков.

Худшие мои опасения подтвердились. Итоги Российского съезда произвели тяжкое впечатление на общество. Возникла «реакция отторжения», особенно со стороны партийных организаций в учреждениях науки и культуры, в инженерно-технической среде. Посыпались заявления о нежелании войти в состав РКП, о выходе из КПСС. Иначе как «полозковской» РКП не называли. Консервативное реноме лидера переносилось на всю организацию.

Впрочем, для меня не было секретом, кто из-за кулис верховодил номенклатурной верхушкой. Было ясно, что с тем же придется столкнуться на XXVIII съезде КПСС.

Я склонялся провести съезд КПСС в назначенные сроки. Его давно ждали, приблизили дату проведения по требованию парторганизаций. Но главное — нельзя было затягивать неопределенное состояние, грозившее перейти в самораспад партии.

Вероятно, свою роль сыграли и опасения, возникшие у коммунистов республик, что численно преобладающая в КПСС российская ее часть будет навязывать им свою волю. Вообще, выделение РКП сыграло такую же роковую роль в судьбе КПСС, какую в судьбе Советского Союза — Декларация независимости РСФСР.

На Пленуме 5-7 февраля 1990 года была одобрена предсъездовская платформа ЦК КПСС «К гуманному демократическому социализму».

Политическая жизнь в партии не затухала и, будучи избранным Президентом СССР, я не собирался «бросать партию на произвол судьбы».

Мое стремление — удержать главные силы партии на позициях перестройки и приглушить, ослабить конфронтацию, которая уже тогда потенциально содержала угрозу конфликта, как это и произошло позднее. Если бы я после образования РКП ушел с поста генсека, реформаторы в КПСС оказались бы в меньшинстве. Многие говорят: «Ну и что? Общество было бы за перестройку!» Это правда. Но я снова и снова хочу повторить: власть еще не перешла из рук партийной номенклатуры, фактически все еще повсюду ходили за распоряжениями и директивами к секретарям райкомов и обкомов. В таких условиях партией как механизмом тоталитарной власти вновь полностью овладела бы консервативная номенклатура. Сознывая свою ответственность, я считал для себя долгом сделать все возможное, чтобы партия, пройдя путь внутренней демократизации, заняла

достойное место в новой политической структуре. На вопрос, удастся ли решить эту задачу, должен был дать ответ досрочно созванный XXVIII съезд КПСС.

XXVIII СЪЕЗД КПСС. С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ

Борьба развернулась уже при подготовке платформы к съезду.

Рыжков высказался на Политбюро за фактическое признание многопартийности и предложил взять на себя инициативу внесения конституционных поправок. Лигачев выступил за сохранение авангардной роли КПСС. Крючков высказался против превращения партии в парламентскую, за сохранение в качестве ее идейной основы марксизма-ленинизма, за «сочетание классовых и общенациональных интересов». Жаркие споры разгорелись вокруг родившейся тогда идеи преобразования КПСС в «Союз коммунистических партий» с учетом предстоящих реформ в СССР.

Возникла идея направить партийным организациям письмо с предложением вести дискуссию на основе предложенной Политбюро платформы.

Письмо после переделок опубликовали. В результате, что называется, «не угодили» ни ортодоксам, ни демократам. Первые ворчали: что это за «письмишко», надо гнать демократов в шею. А интеллигенция расценила письмо как призыв к расправе с инакомыслием. Мол, опять там в Политбюро — за старое... Словом, в глазах демократической части общества это был проигрыш, хотя, по сути дела, письмо стало все-таки меньшим из двух зол. Оно позволило не созывать пленум ЦК, на котором наверняка были бы приняты жесткие меры против «еретиков».

На подготовку съезда влияло то, что происходило в рамках реформирования Союза, — преобразование политической системы, введение института президентства и избрание президента. Вставал и вопрос, как быть с Литовской компартией, объявившей себя независимой от КПСС. Решение приобретало значение прецедента для других компартий союзных республик. В этой связи важно было так сформулировать положения нового Устава, чтобы, с одной стороны, КПСС не превратилась в дискуссионный политический клуб, не разорвалась, как лоскутное одеяло, а с другой — обеспечивалась бы самостоятельность ее республиканских отрядов, демократизация всей структуры.

Острые дебаты шли по вопросам структуры и названия центральных органов партии. Предлагались и «Президиум», и «Исполком», но большинство настояло на сохранении прежнего названия — Политбюро. Стремилась сохранить традицию, причем не хрущевскую, а сталинскую и брежневскую. Полагали, что, сохранив название, сохранят и функции, хотя они должны были быть уже совсем другими. Встал вопрос и о титуле лидера. Я выступал за «председателя», но опять-таки пришлось уступить большинству, пожелавшему сохранить генсека.

Новое, фактически федеративное строение партии придавало иной характер формированию Политбюро — не личностный, а представительский. Первые секретари ЦК компартий республик становились «ex oШсю» членами Политбюро. Вводился пост заместителя генсека. В Политбюро входили бы несколько ведущих секретарей, руководящих отделами — организационным, идеологическим, экономическим, международным. Во многом по тому же принципу должен был формироваться и состав ЦК. Это уже отражало новую роль компартий, их самостоятельность.

Еще до съезда был предreshен уход из состава руководства ряда членов Политбюро, прошедших со мной весь путь с 1985 года или избранных по моей рекомендации позднее. Последние точки над «Ъ» были расставлены на заседании Политбюро в Ново-Огарево 28 июня 1990 года. Я сообщил, что ряд товарищей попросили об отставке, в их числе Зайков, Слюньков, Бирюкова, Воротников, а Медведев и Яковлев сами просили, чтобы их не предлагали в состав руководства ЦК.

Пожалуй, единственное, что оставалось неясным, — будущее Лигачева. Я в своей информации не затронул этого вопроса. сам Егор Кузьмич тоже не стал говорить на эту

тему. Но он высказал мнение, что теперь настала пора разделить посты Президента и Генерального секретаря, и рекомендовал, чтобы я, оставаясь генсеком, оставил пост главы государства. Откровенно говоря, я не сразу сообразил, какой за этим стоял замысел. Ведь с точки зрения интересов партии было нелепым отзывать своего лидера с президентского поста, на который я был избран всего два месяца назад*.

На том же заседании Политбюро обсуждалась и концепция моего доклада. После XXVII съезда рушились прежние теоретические представления, идейная основа деятельности партии нуждалась в коренном обновлении.

Со своими ближайшими сподвижниками я подготовил доклад, стремясь с максимальной объективностью разобраться в ключевых вопросах. В целом работали дружно. Царила атмосфера творчества, свободного обсуждения. Бывали и стычки,

* Меня фундаменталисты провалить не сумели. Шеварднадзе и Рыжков были избраны в ЦК. Яковлева, Медведева, Зайкова, Маслокова я пригласил сотрудничать в Президентском совете и аппарате, в Совмине.

приходилось «разнимать» разгорячившихся. Удалось, как мне кажется, с достаточной четкостью поставить диагноз состоянию общества, обосновать концепцию нового Союза, определить новую роль партии и сказать о допущенных ошибках и просчетах.

Еще перед съездом партии состоялось заседание Совета Федерации — нового органа, в который входили руководители всех союзных республик. Заседание было посвящено проблемам национально-государственного устройства, подготовке Союзного договора. Совет высказался за создание Союза суверенных государств с возможным сочетанием элементов федерации, конфедерации и сообщества. Было условлено создать рабочую группу из представителей всех республик.

О мотивах решения Совета Федерации в докладе на съезде говорилось: «... Все то, что мы пережили и осмыслили за последнее время, подвело к пониманию, что преобразование Союза не может ограничиться лишь расширением, пусть даже значительным, прав республик и автономий. Необходим настоящий Союз суверенных государств. Речь идет, в сущности, об установлении такого национально-государственного устройства нашей страны, которое позволит развязать узлы противоречий, поднять сотрудничество народов на новый уровень, умножить совокупную союзную политическую мощь, экономический и духовный потенциал в интересах всех, кто объединился в великий Союз государств. Тем самым будет надежно обеспечена безопасность страны, повышен ее международный престиж».

Сказано было следующее (тезисно):

— Вопрос сегодня стоит так: либо советское общество пойдет вперед по пути начатых глубоких преобразований, либо верх возьмут контрперестроечные силы. И тогда страну, народ ожидают, давайте смотреть правде в глаза, мрачные времена. ...Перед нами — масса нерешенных проблем, отягощающих повседневную жизнь народа. Но... надо сделать все, чтобы перестройка развивалась как мирная революция, переводя страну в рамках социалистического выбора в новое качество, без потрясений, главной жертвой которых всегда бывает народ. ...При всей остроте кризисных явлений следует исключить возврат к командно-административным методам. Необходима новая модель экономики — многоукладной, с разнообразными формами собственности и современной рыночной инфраструктурой.

А какой мне виделась обновленная КПСС?

— Партия, приверженная общечеловеческим, гуманистическим идеалам, чуткая к национальным традициям и чаяниям и вместе с тем непримиримая к шовинизму, национализму и расизму, любым проявлениям реакционной идеологии и мракобесия;

— партия, освобожденная от идеологической зашоренности, догматизма, стремящаяся играть инициативную роль в политических и идеологических

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

процессах, действуя методами убеждения, развивая отношения сотрудничества и партнерства со всеми прогрессивными общественно-политическими движениями;

- партия, строящая взаимоотношения между своими членами исключительно на основе партийного товарищества, признания права меньшинства на собственную позицию, полной свободы обсуждения и обязательности для всех принятых большинством решений;
- партия, утверждающая во внутренней жизни принципы самоуправления, свободу действий партийных организаций, самостоятельность компартий союзных республик, объединенных единством программных целей и уставных положений;
- партия, открытая для контактов, взаимодействия с коммунистами, с социал-демократами, социалистами разных стран и разной ориентации, с представителями многих других течений современной политической и научной мысли.

XXVIII съезд стал **схваткой реформаторского и ортодоксально-консервативного течений в партии**. Для меня теперь уже было совершенно ясно, что перестроенной реформы КПСС не произойдет, если она не согласится на разрыв с большевизмом. Этому замыслу и был подчинен мой доклад.

Первые четыре-пять дней работы съезда практически вся дискуссия по политическому отчету прошла с перевесом консервативных настроений. Ораторы пропустили мимо ушей отчетный доклад, ограничиваясь формальными ссылками на него. Пафос их выступлений был сосредоточен на обличении руководства за то, что КПСС лишилась монопольного господства. Сетовали, многие искренне, на сложные проблемы в экономике, культуре, межнациональных отношениях, уходя от собственной ответственности за это. Словом, это была до крайности враждебная реакция правящего слоя на реформы.

Поименно объектами нападок фигурировали генсек, Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, иногда Разумовский. Но не поминали ни Воротникова, ни Крючкова, ни Язова, других членов Политбюро, не говоря уж о Лигачеве. А ведь все решения принимались руководством коллективно, более того, получали одобрение пленумов ЦК.

Все свидетельствовало о предварительной «оркестровке», которая велась орготделом ЦК. Пока я и мои соратники пытались осмыслить процессы, сделать выводы для политики, ретрограды «сидели на телефонах», проводили «кустовые совещания», принимали для бесед партийных работников. Это была обычная предсъездовская практика, но на сей раз она использовалась для того, чтобы провести съезд по замыслам контрреформаторского крыла.

Особенно активно действовали Лигачев, сотрудники оргпартотдела, Бакланов — секретарь ЦК по оборонным делам. Их позиции не были для меня секретом. Но казалось невыносимым, чтобы люди, участвовавшие вместе со мной в политике перестройки, вели закулисную работу, настраивая делегатов на «антиперестроенный бунт».

У меня была встреча с секретарями райкомов и горкомов. Просидел с ними четыре часа и почувствовал, что они ведут борьбу за выживание, за сохранение своей власти. А это толкало на реванш, чтобы вернуть партию на старые позиции и похоронить реформы.

Другое крыло — левее реформаторского руководства КПСС. Доклад давал им возможность развернуть свою аргументацию, задать тон дискуссии. Но они не воспользовались этим. В их выступлениях присутствовала крайняя осторожность. Вероятно, их заранее изрядно запугали. К тому же они явно не хотели отказываться в случае раскола партии от своей доли в ее наследстве: зданий, газет, финансовых средств и т.д.

Справедливости ради должен сказать, что в реформаторском духе, притом остро, выступил Ельцин. Он говорил, что нейтрализовать консервативные силы в партии не удалось. Его позиция перекликалась с Политическим докладом, была близка оценкам и выводам реформаторского крыла. Но целью Ельцина было разрушение партии. Его больше не устраивало пребывание в КПСС на вторых ролях. Он рвался к власти и видел себя уже вождем другой, своей партии.

Очень существенным и содержательным было выступление Абалкина. Главное для партии, говорил он, — обновление идейно-теоретического фундамента:

- Опыт показал, что модель, основанная на тотальном огосударствлении экономики, отрицании многообразия форм собственности и хозяйственной деятельности, отрицании рынка, не способна обеспечить высокий экономический и социальный результат. ...Мы должны избавиться от мифов, будто бы можно перейти к процветающей экономике без жертв и испытаний, не внося за это никакой платы. И о том, что якобы переход этот можно осуществить, сохраняя административный контроль над ценами.

Шум, выкрики, захлопывания не смутили Леонида Ивановича. Он сказал все, что хотел.

Уже при утверждении повестки дня XXVIII съезда был поставлен вопрос о персональных отчетах членов Политбюро. Фундаменталистам, горевшим желанием «размазать по стенке» тех, в ком они видели главных виновников, удалось настоять на «отчетах». Но они не смогли навязать выставления оценок, которое задумывалось как «публичная порка» реформаторов.

Отчитались в конце концов все члены руководства, с разным успехом. Одни выиграли в «первом раунде», сумели показать себя с лучшей стороны благодаря искусно подготовленным выступлениям. Другие «набрали очки», отвечая на вопросы. Третьи выглядели бледно.

Но сама «процедура» надоела делегатам. «Может быть, кому-то это доставит удовольствие, — писал в своей записке в президиум съезда Харитонов, — но надо каждому взяться за ум и не превращать съезд в суд толпы. Мы ведь идем к более цивилизованному обществу, а нас зовут в 1937 год».

Утром 10 июля я выступил с заключительным словом, которое готовил всю ночь.

Вот несколько тезисов:

- ... Главное достижение перестройки — **общество получило свободу**. .. Другое дело, что ни партия, ни страна в целом, ни старые, ни вновь образованные движения, ни новая наша власть, все мы не научились пользоваться обретенной свободой.
- .. **Корни кризиса** партии уходят как раз в неумение и нежелание понять, что мы живем и работаем уже в новом обществе — с широкой и практически неограниченной гласностью, невиданной за всю историю свободой. ...Нужна другая, обновленная партия...
- Наша история показала бесплодность попыток вырваться из нужды, в которой находились и государство, и граждане, путем штопания и латания командно-распорядительной системы. Пойдем так дальше — приведем страну к банкротству. Преимущества рыночного хозяйства доказаны в мировом масштабе, и вопрос сейчас только в том, можно ли в условиях рынка обеспечить высокую социальную защищенность. ...Ответ таков: не только можно, но именно регулируемая рыночная экономика позволит так нарастить общественное богатство, что в результате поднимется уровень жизни всех.
- .. Все дело в том, **что** мы понимаем под социализмом. Некоторые товарищи полагают, что если мы запишем сейчас в Программном заявлении ...свою

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

верность старым подходам, то все встанет на свои места. На какие места? Не окажемся ли мы там, где находились более 60 лет с известными последствиями! Идеология социализма — это не учебник, где все расписано по главам, пунктам, правилам и принципам. Она будет формироваться вместе с самим социализмом по мере того, как заново освоим общечеловеческие ценности — не как нечто классово чуждое, а как нормальное для нормального человека. Эти ценности выработывались столетиями, известно, чем для нас обернулось пренебрежение к ним...

— ...Ушло время, когда можно было получать от ЦК своего рода **мандат на управление** районом, городом, областью, республикой и сидеть на этом месте до последнего своего часа независимо от того, как ты ведешь дело и что о тебе думают люди. ...Нельзя вернуть вчерашний день, и никакая диктатура — если у кого-то в голове бродит эта бредовая идея — ничего не решит.

— ...Партия не сумеет перестроиться до тех пор, пока все мы не поймем, что пришел **конец монополии КПСС** на власть и управление. Власть надо завоевывать на свободных выборах и отвечать за ее использование перед избирателями, перед народом.

Продолжались острые дискуссии в комиссиях по резолюциям, при выборах руководящих органов партии. Но в общем итоге съезд не порвал с реформаторским курсом, чего вполне можно было опасаться.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДРАМА В ТРЕХ АКТАХ

Сразу же после моего заключительного слова началось выдвижение кандидатур на пост Генерального секретаря. По поручению Совета представителей делегаций слово предоставили Владимиру Колюте, бригадиру объединения «Химпром» из Кемерово. Он сообщил, что были названы четверо: Гуренко, Ивашко, Лобов, Горбачев. Гуренко и Ивашко сняли свои кандидатуры, Лобов призвал голосовать за Горбачева и Совет предлагает избрать Генеральным секретарем Горбачева Михаила Сергеевича.

Слушая это сообщение, я думал: насколько изменилась обстановка в партии. При выборах Генерального есть уже конкуренты, и никто не боится, что его отправят куда подальше. Что касается моего будущего, то, признаюсь, у меня мелькнула мысль: хорошо было бы, если бы они там взяли да и «отрубили» мою кандидатуру. Психологически я был к этому готов и воспринял бы спокойно, поскольку многие уговаривали меня оставить руководство партией. Но развернувшаяся дискуссия показала, что время для этого не созрело.

Были страстные выступления за мое переизбрание, были и обращения с просьбой снять свою кандидатуру. В конце концов в списке для голосования остались Горбачев и Авалиани, а голоса между нами распределились так: за меня — 3411, за него — 501. Голосование было предсказуемо, но все прошло в согласии с принципами демократии. Мы сумели внедрить их и в этот заповедник тоталитарной системы. Невольно вспомнилось, что после избрания Сталина генсеком на XVII съезде партии в 1934 году стали «вычислять» депутатов, проголосовавших «против». И чтобы «не ошибиться», уничтожили едва ли не весь состав избранного ЦК.

Последовали выборы заместителя генсека. Пост этот приобретал особое значение, поскольку мне поневоле приходилось уделять больше внимания своим президентским обязанностям и вся текущая работа в партии ложилась на плечи зама генсека.

Мы закладывали в Устав новую роль республиканских партий, следовательно, первым критерием становилось представительство одной из них. Раз генсек из России, естественно было избрать замом представителя Украины. Я остановился на кандидатуре В.А. Ивашко. Сторонник реформ, придерживающийся умеренных политических взглядов. Не витает в «теоретических эмпиреях», отдает предпочтение житейскому

здравому смыслу. Скромн, прост в обращении с людьми. Импонировали мне и спокойная, уверенная манера держаться на трибуне, мягкий украинский юмор. Беда Владимира Антоновича оказалась в том, что судьба поставила его перед испытанием, требовавшим сильной воли, способности брать на себя ответственность. Это оказалось ему не по плечу. Метался, поддаваясь влиянию более волевых коллег и окончательно «скис» в роковые дни августа 1991 года.

Выдвинули также Лигачева, Дьякова (первый секретарь Астраханского обкома), Лобова, Бакатина, Янаева, Яковлева, Назарбаева — всего 9 человек. Большинство сняли свои кандидатуры и на обсуждение съезда были предложены Ивашко и Лигачев.

Однако даже часть делегатов, постоянно голосовавшая против Горбачева, отказала Лигачеву в поддержке. Он получил в три раза меньше голосов, чем Ивашко.

Поражение Лигачева означало удар и по линии, которую он представлял. Но одновременно это был сигнал, что отныне фундаменталистские силы намерены действовать в партии открыто, в качестве фракции или правой оппозиции. Каюсь, недооценил я тогда этой опасности. Особенно не могу себе простить, что позволил занять ключевое место в Политбюро — курирование оргпартодела — Шенину. Помню, у меня с ним был разговор после съезда, я, в частности, ему сказал:

— Учти, Олег, у нас в партийной верхушке и аппарате засилье бюрократов, которым плевать на перестройку, судьбу страны. Для них главное — удержаться у власти. Тебе придется очень нелегко с этой публикой. А ее выпроваживать надо, искать и выдвигать молодых, отважных, мыслящих. Без этого и реформы захлебнутся, и партии каюк. Шенин горячо соглашался, рассказывал о своих планах обновления кадров...

Если выборы Генерального секретаря были первым актом драматического столкновения на съезде фундаменталистов с реформаторами, а избрание заместителя генсека — вторым, то третьим стали выборы нового состава ЦК.

Поначалу все обстояло пристойно. Подавляющая часть будущих членов ЦК представлялась делегациями компартий республик, и борьба за эти места прошла еще до съезда. Схватка развернулась вокруг «центрального списка» — это генсековская «квота» для кандидатов «союзного уровня».

Мандатов 75, выдвинуто 85 кандидатов. Среди них были и представители нового российского руководства — Ельцин, Силаев, Хасбулатов. Сразу же после оглашения списка Ельцин заявил, что, в связи с избранием Председателем Верховного Совета РСФСР и с учетом перехода общества к многопартийности, он не сможет, как прежде, выполнять решения КПСС, а обязан подчиняться воле народа и его полномочных представителей. Посему, в соответствии с обязательствами, взятыми в предвыборный период, он и выходит из КПСС. И после кратких реплик по поводу этого заявления Ельцин картинно вышел из зала под редкие выкрики «Позор!». Шел он не спеша, думал, вероятно, что будут аплодировать, а кое-кто двинется за ним. Но эффекта не получилось.

В финале произошло еще одно сражение — ортодоксы потребовали исключить из «списка генсека» 13 человек, вызывавших у них не то что неприязнь, а просто ярость.

Сохранить эти «13» в моем списке было тогда принципиально важным. Мне пришлось несколько раз включаться в дискуссию, которая шла на повышенных тонах, на грани истерии. И в конце концов сделать заявление, которое потом сравнивали с позицией Ленина при обсуждении Брестского мира. На избрании в состав ЦК ряда коммунистов с твердыми демократическими убеждениями удалось настоять.

XXVIII съезд оказался последним в истории РСДРП, РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, но на нем еще не решалась судьба партии. До сих пор идут споры, возможно ли было вообще реформирование такой партии, как КПСС.

Как бы там ни было, в **главных вопросах** XXVIII съезд не поддержал антиперестроечников, принял **Платформу и Устав**, которые означали радикальное изменение самой сущности КПСС и давали ей шансы пойти **по новому пути**.

КАК ВОЙТИ В РЫНОК?

После съезда на первый план вновь выдвинулась экономика. Но борьба шла уже не между сторонниками и противниками вхождения в рынок, ибо открыто против рынка, пожалуй, не выступала ни одна заметная политическая сила. Страсти переместились в иную плоскость — выбора путей перехода к рынку. И одной из самых драматичных страниц перестройки стало расхождение между правительственной программой Рыжкова —Абалкина и программой Шаталина—Явлинского.

Об этом много сказано и написано. Сторонники правительственной программы рассуждают так: будь она принята, страна вошла бы в рынок плавно, без потрясений. А те, кто за программу Шаталина—Явлинского, считали, что прими ее Горбачев, он получил бы мощную поддержку демократических сил и можно было бы одним усилием «перескочить кризис», создать нормальный рынок. В основном суждения высказывались ангажированными сторонами, и, думаю, истина так и не была прояснена.

История правительственной программы весны 1990 года восходит к I Съезду народных депутатов СССР. В принятом им постановлении «Об Основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» ставилась задача прийти к **новой модели экономики**, включая обновление отношений собственности, становление социалистического рынка, невмешательство государства в оперативное управление хозяйственными единицами.

Тогда же создали Государственную комиссию по экономической реформе, и Рыжков предложил назначить ее председателем академика Абалкина. Директор Института экономики Академии наук давно слыл «рыночником» и имел в связи с этим немало неприятностей в брежневские времена. Я, естественно, одобрил выбор.

Был в пользу его назначения и другой веский мотив: без тесного альянса власти и науки не обойтись. Академия и раньше привлекалась к разработке всевозможных программ. В ЦК представлялись проекты, ученые вместе с аппаратчиками готовили на загородных дачах доклады для начальства. Но в «святой святых» номенклатуры — в кабинеты вершителей судеб интеллектуалам, за исключением одиночек, «въезд» был заказан.

Теперь же Рыжков с гордостью говорил, что в его правительстве три или четыре академика и члена-корреспондента, десятки докторов наук, а кандидатов — чуть ли не каждый второй.

Рассматривались **три варианта** реформы. Первый, «эволюционный», предусматривал постепенное преобразование форм ведения хозяйства, умеренные структурные сдвиги. Преимущество отдавалось административным методам. На реформу ценообразования, по крайней мере в обозримом будущем, не покушались.

Второй вариант, «радикальный», включал одновременное снятие всех ограничений для рыночных механизмов, полный отказ от контроля за ценами и доходами, массовый переход к новым формам собственности. По сути дела, это тот вариант, который в 1992 году осуществила команда Гайдара, то есть «шоковая терапия». Так вот, еще тогда было описано, что в наших условиях он сулит развал денежного обращения и галопирующую инфляцию, резкий спад производства, массовую безработицу, значительное снижение жизненного уровня населения и его расслоение, усиление социальной напряженности.

Третий, «радикально-умеренный» вариант предполагал комплекс мер для создания стартовых условий перехода к новому механизму; развитие рыночных отношений при сохранении регулирующей роли государства, контроля за ценами, доходами, инфляцией; сильную социальную поддержку, особенно малообеспеченных слоев населения.

Комиссия Абалкина предлагала сделать выбор в пользу третьего варианта. В середине ноября в Колонном зале Дома Союзов собралась конференция с участием ученых и руководителей экономических ведомств, членов Политбюро и правительства.

Были и мы с Рыжковым. Несмотря на существенные замечания, изложенную Абалкиным программу встретили в целом с одобрением и после доработки она нашла отражение в докладе Рыжкова на II Съезде народных депутатов.

Обсуждение доклада премьера проходило в острой полемике. Ельцин, Попов и другие «межрегионалы» выступили против. Такую же позицию занял академик Арбатов. Депутат Фильпин потребовал «использовать наше право на недоверие правительству, а оно может использовать свое право на отставку». В конце концов Съезд поддержал программу правительства: 1532 голоса — «за», 419 — «против», 44 — воздержались.

Бросалось однако в глаза одно обстоятельство. В докладе Рыжкова не анализировались итоги предшествующего этапа экономической реформы, не упоминались решения, принятые в 1987 году. По чьей вине они остались «за бортом»? Если оказались недостаточными или ошибочными — надо было сказать, в чем именно, извлечь уроки. Если по другим причинам — сказать и о них. А тут просто сделали вид, будто все начинается «с этого самого момента».

Что означала эта фигура умолчания, которая красноречивее чего-либо говорила о неудаче преобразований, намеченных в 87-м, и об ответственности за это не только ЦК, но и Совмина. А где гарантия, что подобное не повторится? Думаю, эта мысль мелькала у каждого и порождала недоверие правительству. Вижу и свою вину в том, что эти вопросы не были, как говорят, поставлены ребром.

Между тем концепция реформы, выдвинутая в 1990 году, во многих отношениях не предусматривала продвижения по сравнению с наметками 1987-го. А в некоторых моментах было даже отступление. Например, сохранялся, хотя и с оговорками, госзаказ. Реформа ценообразования подменялась введением оптовых и закупочных цен с начала 1991 года, а о розничных ценах умалчивалось. Вместо перехода от централизованного распределения к оптовой торговле ресурсами намечалось лишь увеличивать долю продукции, реализуемой предприятиями сверх госзаказа по свободным или регулируемым ценам.

II Съезд проголосовал за доверие правительству, но, поддержав программу, окончательного решения по ней не принял, поручив доработать и «доложить Верховному Совету». Тем самым мы опять теряли время. Экономический кризис в стране вступал уже в острую фазу. Наблюдалось снижение валового внутреннего продукта (ВВП), ускорился процесс дезорганизации потребительского рынка, стал быстро обесцениваться рубль.

Слюньков с тревогой констатировал на Политбюро опасную ситуацию в финансово-денежном хозяйстве и на рынке. Его поддерживал Медведев, считая, что обстановка требует экстраординарных мер. Нужна не частичная, а полная реформа ценообразования, причем безотлагательная.

А в правительстве продолжалось противоборство традиционно-технократической и экономической тенденций. Перетягивание каната не могло продолжаться бесконечно. Нужно было делать выбор. В первую очередь это поняли тот же Абалкин и Маслюков — «технократ», вышедший из «недр» ВПК, человек мыслящий и решительный. Еще в феврале 1990 года в записке, направленной Рыжкову, они предложили приблизить сроки практических шагов на пути к рынку. В марте принято решение о разработке «перехода к планово-рыночной экономике», хотя это надо было сделать еще осенью 1989 года.

Почему же не были употреблены «рычаги влияния», чтобы завершить дискуссию в Верховном Совете и действовать, как того требовала обстановка? Думаю, главную роль сыграла неуверенность в том, что решение парламента позволит быстро оздоровить ситуацию. Представьте: чуть ли не ежедневно к тебе прорываются на прием руководители производства с предостережениями против поспешных шагов. Пресса полна алармистских прогнозов. Рабочие стачками дают понять, что не потерпят покушения на свой и без того невысокий жизненный уровень.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Радикалы точат зубы, предрекая провал «горбачевской реформы». А само правительство пассивно ждет завершения дискуссий в парламентских комитетах и, похоже, радо «затянуть паузу», чтобы не ввязываться в рискованное предприятие.

Дважды эти вопросы обсуждались на совместном заседании Президентского совета и Совета Федерации (14 апреля и 22 мая). И вот академики и директора институтов стали высказываться против недооценки роли централизованного руководства. Эти «отпетые рыночники» испытали на себе давление общественной атмосферы, насыщенной страхом перед неведомым чудовищем — свободным рынком. Самые отчаянные сторонники рынка не удержались от того, чтобы на всякий случай не создать себе «алиби». Если что не так: «А я же говорил!..»

Острые баталии в правительстве вновь развернулись вокруг пересмотра розничных цен. До сих пор затрудняюсь объяснить, почему более чем за полгода до повышения цен Рыжков решил объявить об этом по телевидению. Очевидно, сдали нервы. И этот просчет породил большие трудности в реализации рыночной программы. Прилавки магазинов были полностью опустошены, и волна недовольства прокатилась по стране.

Наконец, в мае 1990 года состоялось обсуждение доклада Рыжкова о концепции перехода к регулируемой рыночной экономике. Этот марафон продолжался несколько недель. Но Верховный Совет снова не стал принимать решение и предложил представить программу к 1 сентября 1990 года, рекомендовав Верховным Советам союзных и автономных республик, местным Советам обсудить концепцию на своих сессиях.

Борьба вокруг перехода к рынку еще более ожесточилась...

Трудности рождения рыночной программы обуславливались не только сложностью самой проблемы, но и растущим отторжением правительства со стороны оппозиции и части общественности. Любой его шаг подвергался издевкам прессы. А тут появился новый фактор — суверенизация республик, без учета которой нечего было надеяться на экономические преобразования. К тому же новое российское руководство старалось перехватить инициативу в гонке к рынку. Начался лихорадочный поиск новых идей и людей, способных удовлетворить «заказ». На этой почве и состоялось «явление Явлинского»...

Кто кого нашел — трудно судить. Мало кому известный молодой экономист был привлечен Абалкиным в комиссию Совмина и участвовал в работе над правительственной программой. Явлинский давал для комиссии и собственные разработки, отличавшиеся большим радикализмом, акцентом на монетаристские методы.

Но вот Явлинский получает от Силаева приглашение войти в российское правительство в качестве заместителя премьера по вопросам экономической реформы. Позднее мне рассказали, что Явлинский советовался с Абалкиным и Рыжковым, получил их согласие. Рассчитывали, что такая «личная уния» экономистов увеличит шанс на сотрудничество между правительствами. Не тут-то было. Явлинский предложил российскому руководству свою программу.

Явлинский попросился ко мне на прием. Не знаю, по поручению Ельцина или по своей инициативе. Скорее, первое. Я выслушал его рассуждения. Они мне импонировали, в особенности признание необходимости **единого подхода** к проведению реформы в рамках Союза.

Тогда и родилась идея объединить усилия. Появился документ за подписью Горбачева, Ельцина, Рыжкова и Силаева, создавалась рабочая группа, в которую вошли Шаталин, Петраков, Абалкин, Явлинский, другие экономисты, полномочные представители правительств союзных республик. Концепцию совместной программы поручалось подготовить не позднее 1 сентября.

В списке рабочей группы первой стояла фамилия Шаталина. По традиции это означало, что он и является руководителем группы. К поручению он отнесся с большим рвением, так что вполне обосновано, что «500 дней» стали называть программой

Шаталина-Явлинского. С ней Станислав Сергеевич связал свой имидж ученого и общественного деятеля.

Он не был «монетаристом», понимал, что не может быть эффективной экономика, основанная на стихии рынка, без определенных функций государственного управления, без экономического союза республик, без союзных государственных структур. Я уверен, Шаталин был за обновление Союза, а не за его развал.

Остается одно. Видимо, почувствовал, что наступил его «звездный час». Ведь принятие программы Шаталина-Явлинского и отторжение программы Рыжкова—Абалкина должны были иметь своим следствием и выбор того, кому поручат осуществление программ. Отсюда и неприязнь к Рыжкову как руководителю правительства, и расхождения с Абалкиным, который по государственной линии курировал реформы. Не случайно Станислав Сергеевич не раз — то в шутку, то всерьез — говорил, что готов принять на себя роль камикадзе и взяться за осуществление своей программы, если ее примут.

Но с союзным Совмином сотрудничества у рабочей группы не получалось. Совместная работа с Рыжковым, Абалкиным и Силаевым над программой так и не была начата. Группа Шаталина-Явлинского продолжала функционировать сама по себе. А правительство Рыжкова-Абалкина занималось собственной программой.

Полемика выплеснулась в печать. В ряде газет началась травля союзного правительства. Обстановка накалялась, и я решил вернуться в Москву до окончания отпуска. А уже 30-31 августа созвал заседание Президентского совета и Совета Федерации. Пригласили и руководителей экономических ведомств, ученых, народных депутатов Союза и Российской Федерации — всего около 200 человек.

Руководители республик, как и следовало ожидать, высказали свое предпочтение программе Шаталина-Явлинского. Но никто из них не выступил против правительства Рыжкова с требованиями его отставки. Ельцин, сославшись на результаты нашей с ним 5-часовой беседы, выразил уверенность, что Верховный Совет РСФСР одобрит программу, предусматривающую заключение экономического союза между республиками, определит и свое отношение к союзному правительству. Но реализовывать совместную программу, по мнению российского лидера, должен был специальный комитет при Президенте, а не правительство Союза.

Словом, дал понять, что российское руководство не находит правительству Рыжкова места в экономической реформе. И снова вспыхнула дискуссия о союзном правительстве. Хасбулатов в присущей ему грубой форме высказался за его отставку. Представители других республик возразили. Взволнованный Рыжков заявил, что вопрос в конечном счете не в правительстве, а в борьбе некоторых республиканских лидеров против Центра и, обращаясь ко мне, сказал: «Сами беритесь за функции правительства, но следующий удар будет против вас».

Хотя преобладающее мнение было в пользу программы Шаталина-Явлинского, высказывались и критические замечания, нащупавшие в ней слабые точки.

Я учитывал перелом, который произошел весной 1990 года в настроениях Рыжкова и особенно Маслюкова в пользу рынка, надеялся, что правительство способно осуществить реформу. А главное — отставка правительства втянула бы нас в новый тур политической борьбы. Это была твердая позиция, несмотря на то, что иной точки зрения придерживались весьма авторитетные люди из моего ближайшего окружения.

Заседание Президентского совета и Совета Федерации не приняло решений. Обмен мнениями закончился констатацией: продолжить работу над программами и попытаться найти пути их сближения до внесения той и другой в Верховные Советы Союза и Российской Федерации. К сожалению, эта договоренность оказалась нарушенной. 3 сентября программу «500 дней» раздали депутатам России и начали ее обсуждение. Центр был поставлен перед совершившимся фактом.

ПОПЫТКА СИНТЕЗА

На следующий день я провел обсуждение двух программ, на которое пригласил их авторов, руководителей правительств республик, ученых. Но это уже был не политический форум, а именно деловое совещание. «500 дней» представил и прокомментировал Явлинский. Сделал он это довольно толково. Ему оппонировал Абалкин. Оба и на этот раз всячески выпячивали различия между документами, их «несовместимость». Представители же республик, склоняясь к поддержке программы «500 дней», считали при этом возможным и необходимым сближение.

К этому времени в научных институтах и в аппарате Президента СССР провели анализ двух программ, и о них сложилось более полное представление. Оно не поколебало моей оценки программы «500 дней» как предпочтительной, но главный предмет разногласий находился за пределами экономики. Программа правительства исходила **не** только **из** экономического союза между республиками, **но и из** сохранения союзного государства с регулирующими функциями. Программа **же** Шаталина-Явлинского, признавая необходимость экономического союза, оставляла **за** скобками проблему сохранения политического союза **республик и** была лишена четкого социального содержания. Непредвзятый анализ показывал, что программа фактически исходит из перспективы прекращения существования Союза как единого государства. Она как бы предопределяла принципиальные решения, которые были предметом переговоров по новому Союзному договору. И принятие ее могло дать сильнейший толчок дезинтеграционным процессам, прежде всего, в политической сфере. Именно политические проблемы оказались камнем преткновения при определении возможности совмещения программ.

Безусловно, программа «500 дней» привлекала неординарностью постановки проблем перехода к рынку, более предметной их проработкой. Но эти достоинства кое в чем перерастали в недостатки. На ней лежала, как выражались некоторые критики, печать «экономического романтизма», а говоря проще, она была недостаточно реалистичной. Проглядывало явное желание представить программу чуть ли не как расписание поездов с указанием, что и в какие сроки с точностью до дней должно быть сделано. Уже тогда вызывала сомнение возможность достижения финансовой стабилизации за 100 дней.

С другой стороны, правительственная программа при всей традиционности, неопределенности формулировок имела некоторые сильные стороны. В ней более обстоятельно была проработана, например, программа социальной защиты населения при переходе к рынку. В конце концов я пришел к убеждению, что ни одна из предложенных программ не может быть принята в том виде, в каком представлена.

Что касается ценообразования, то Рыжков и Абалкин предлагали поэтапную либерализацию цен после осуществления разовой ценовой реформы, т.е. установления более обоснованного уровня оптовых, закупочных, розничных цен и тарифов. Шаталин же и Явлинский предусматривали после некоторых стабилизационных мер приступить к высвобождению цен с начала 1991 года.

Короче, несмотря на ехидное замечание Ельцина: «Горбачев хочет поженить ежа и ужа», — возможности для согласования были.

На совещании 4 сентября я объявил решение: под «арбитражем» академика Аганбегяна сесть двум группам вместе и создать интегрированный проект. Работа над сведением программ шла туго, главным образом, из-за нежелания Абалкина принимать в ней участие. И все же ее завершили и направили в Верховный Совет СССР и российскому руководству. За основу взяли программу Шаталина-Явлинского, но устранялись те ее положения, которые предвосхищали проблемы Союзного договора, —

сняли тезис о верховенстве республиканского законодательства, предусмотрели создание собственной финансовой базы Союза в виде федерального налога и т.д.

Между тем, 10 сентября открылась сессия союзного Верховного Совета, а на следующий день Рыжков выступил там с докладом. И он, и Лукьянов мотивировали это тем, что Верховный Совет РСФСР обсуждает программу «500 дней». Да, россияне нарушили договоренности. Но на неверный шаг ответили столь же неверным действием. Пришлось сделать перерыв в дискуссии. Она возобновилась 17 сентября. 24 сентября Верховный Совет постановил на базе внесенного Президентом проекта, а также двух альтернативных документов и предложений, высказанных в ходе обсуждения, подготовить единую программу перехода к рыночной экономике. Президенту СССР для осуществления этих мер предоставили дополнительные полномочия.

27 сентября и 1 октября я провел два откровенных разговора в Ореховой комнате Кремля о том, как дорабатывать документ. Участвовали Рыжков, Абалкин, Маслюков, Медведев, Примаков, Петраков, Павлов, Болдин, Ситарян, Щербаков. Шаталин появился на короткое время 27 сентября, а 1 октября мне сообщили, что он уехал в США на лечение. В свободной дискуссии все высказались за то, чтобы иметь более сжатый концептуальный документ.

Три недели над этим текстом шла напряженная работа с участием Аганбегяна и Петракова. 15 октября направили в Верховный Совет 60-страничный документ. Республикам давалось право решать, когда и какие конкретные меры осуществлять. А Центр должен был обеспечить общую координацию проведения реформ. Отсюда и название документа: «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». Внешне могло показаться, что страсти поулеглись. Но это впечатление было обманчивым. На деле шло дальнейшее размежевание позиций.

8 и 9 октября Пленум ЦК обсудил задачи КПСС в связи с переводом экономики на рыночные отношения. И вновь обнаружилось, что приверженцы старого никак не могли примириться с изменением роли партии в политической и экономической жизни. А в прессе, в обществе задавали вопрос: почему ЦК рассматривает вопрос, который теперь входит в компетенцию Верховного Совета? В самом деле, мы никак не могли отрезать пуповину от прежней системы.

Лейтмотивом дискуссии на Пленуме было укрепление центральной власти в ее новом варианте. Я и сам все больше задумывался над структурой президентской власти. В становлении президентской власти был сделан лишь первый шаг. Ее возможности отправлять исполнительные функции были во многом иллюзорны. Проблему могло решить создание мощного аппарата управления, но это породило бы еще большую неразбериху в высшем эшелоне. Что касается Президентского совета, то он не мог быть инструментом управления и к тому же «обстреливался» в средствах массовой информации, как «новое Политбюро».

Образование целостной системы распорядительно-исполнительной власти становилось делом первостепенного значения. Я поручил юристам представить предложения. Сочинить записку, выстроить на бумаге конструкцию власти «по вертикали» было не так уж сложно. А вот обсудить этот проект, получить согласие Верховного Совета и республик, принять закон, провести выборы, осуществить кадровые назначения — все это было куда сложнее. Речь шла об одной из крупных составных частей политической реформы, реализация которой требовала не менее двух-трех лет.

Надо учесть, что выстраивание «президентской вертикали» безмерно усложняла суверенизация республик. Долгие переговоры были неизбежны, а время поджимало. Оставлять власть в беззубом состоянии граничило с безответственностью. Единственным выходом было просить у законодателей на время дополнительных полномочий.

А в Верховном Совете России продолжала нагнетаться обстановка. Звучали ультимативные речи, вплоть до угрозы забастовки. 16 октября в конце дня Ельцин в

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

резком, конфронтационном духе обвинил Центр в жесткой линии по отношению к республикам, в стремлении ограничить суверенитет Российской Федерации, сорвать переход к рынку, сохранить административно-командную систему. Не остановился даже перед обвинениями в саботаже (правда, было не очень ясно, кому они адресованы) и предъявил нечто вроде ультиматума: либо принимаются его требования, либо — дележ власти, собственности, вооруженных сил. Были и призывы к людям выйти на улицы.

В тот же день в интервью «Московским новостям» Гавриил Попов приоткрыл «кухню»: если «500 дней» не будут приняты, председатель Моссовета грозил и собственной отставкой. Таким образом, по Кремлю палили из всех «орудий».

Однако обсуждение «Основных направлений» в союзном парламенте проходило спокойно. Выступления радикальных демократов были выдержаны в примирительном, даже, как мне показалось, извиняющемся тоне. Проект программы приняли за основу сразу после моего доклада, «против» проголосовали лишь 12 депутатов при 26 воздержавшихся из примерно 400 членов Верховного Совета. Документ получился достаточно взвешенным, учитывающим — разумеется, в пределах возможного — позиции основных политических сил. Так или иначе программу перехода к рынку приняли, перевернув одну из драматических страниц перестройки.

При голосовании вроде бы произошло объединение депутатов, стоящих на разных позициях. Но результатами были не очень довольны ни те, ни другие. Оказался сильно подорванным авторитет правительства. Усилиями радикальной прессы его стали воспринимать как сборище ретроградов, противящихся спасительному рынку. А Рыжков встал в позу обиженного, объявил первопричиной экономических неурядиц безвластие в стране, в котором повинны оппозиция и политическое руководство.

На заседании Президентского совета 5 ноября обсуждался план мероприятий по переходу к рынку. Вновь разгорелась дискуссия, в ходе которой высказывались критические замечания: одни — в адрес правительства, другие — в адрес Президента.

Я встретился с Ельциным и обсудил создавшееся положение, тем более, что 2 ноября Совет Федерации детально рассмотрел проект Союзного договора и поручил форсировать его подготовку. Он жаловался на «ущемление прав российских властей» — это, мол, главное. Я ответил, что в результате его попыток ослабить Союз, перетянуть одеяло на себя, мы дошли до точки, за которой начинается развал страны. Предложил Ельцину заявить, что он за Союз республик как единое государство, и перенести акценты с одностороннего подчеркивания суверенитета республик на необходимость сохранения Союза. Болезнь суверенизации уже охватывала автономные республики. Подозрения, что я поддерживаю их в борьбе с союзными республиками, смехотворны, заявил я Ельцину. В общем, несмотря на остроту разговора, удалось ослабить напряженность в отношениях.

Едва удалось «нащупать» путь к взаимодействию с Ельциным, как пришлось выдержать атаку депутатов, входивших в группу «Союз», которая, по сути дела, служила парламентским прикрытием консервативной оппозиции. 14 ноября, при открытии сессии Верховного Совета, депутаты отказались обсуждать повестку дня, обрушились с доходившей до истерики критикой на правительство и Президента. Сошлись на том, чтобы пригласить меня и провести дискуссию.

16 ноября я выступил перед депутатами. Но к успокоению это не привело. Дискуссия пошла вразнос, причем начало просматриваться сближение крайностей — фундаменталистов и радикалов.

Мне пришлось использовать заготовки относительно реорганизации высшего звена управления страной. Имелась в виду реорганизация правительства, превращение его в Кабинет министров, работающий под руководством Президента, усиление роли Совета Федерации, придание ему более четкого статуса, создание Совета безопасности и прекращение деятельности Президентского совета.

Закончил я работу над проектом нового своего выступления в Верховном Совете часа в четыре ночи. Утром 18-го позвонил Рыжкову, информировал его о своих намерениях.

Само мое выступление продолжалось не более 20 минут, но реакция на него была иная, чем два дня назад. Ответом на мои предложения стали дружные и, я уверен, искренние аплодисменты. Интересный феномен — столь резкий переход от полного неприятия к горячей поддержке. Наверное, проявилось осознание депутатами нависшей опасности хаоса в стране. Увидели, что дело может пойти слишком далеко, если оппозиции удастся свалить правительство и подорвать Центр. Сыграли свою роль решительный тон и предельная жесткость лаконичных формулировок в моей речи.

Представители республик тоже, по-видимому, поняли, что критика Центра вот-вот перейдет ту грань, за которой начнется его разрушение, и породит обратную реакцию с нежелательными для них последствиями. А в предложениях Горбачева роль республик в системе Союза возрастает.

Одним словом, внесенные мной предложения сняли напряжение, но не устранили противоречий. И это не замедлило проявиться на IV Съезде народных депутатов. Достаточно напомнить о сюрпризе, который был преподнесен при открытии съезда 17 декабря группой «Союз». Я имею в виду «совершенно спонтанное» выступление Умалатовой с предложением включить в повестку дня вопрос о восторге доверия Президенту. В числе 400 депутатов, проголосовавших «за», оказались крайние фланги и Межрегиональной группы, и фракции «Союз». Но Ельцин, Попов, Станкевич и многие их сторонники проголосовали «против».

Напряженным оказалось и обсуждение моего доклада о текущем моменте, поправок к Конституции в связи с изменениями в структуре органов власти. А демонстративное заявление Шеварднадзе об отставке, сделанное без какого-либо предварительного разговора со мной, ошеломило всех. В острой схватке прошло принятие постановления об общей концепции нового Союзного договора, и дело дошло до поименного голосования о сохранении Союза ССР. Тогда-то по моему предложению Съезд и принял решение провести референдум.

События ноября-декабря в определенной степени задержали осуществление «Основных направлений». Правительство не могло заниматься этими вопросами в полной мере, ибо было ясно, что в прежнем виде оно существовать уже не будет. Предстояло решить вопрос о премьер-министре. В ночь с 25 на 26 декабря у Николая Ивановича Рыжкова случился обширный инфаркт.

Все мы, кто вместе работал с ним, были огорчены. По-человечески было жаль Николая Ивановича. Он разделял со мной все заботы по осуществлению перестройки. Да, обозначились расхождения, но я сохранял к нему уважительное отношение. Стремился понять его позицию, переубедить в том, в чем он, по-моему, ошибался. Зная не только сильные его стороны и ценные человеческие качества, но и слабости, я никогда не пытался отгородиться от него, отречься.

Обмен мнениями по вопросу о преемнике Рыжкова на Совете Федерации показал, что наибольшее предпочтение отдается кандидатуре В.С. Павлова, главным образом из-за того, что это финансист-профессионал. Именно такой глава Кабинета и нужен, когда исполнительную власть возглавляет Президент. Знали Павлова и руководители республик. Поддержали эту кандидатуру Рыжков и Маслюков, с которыми я советовался. Ельцин не был в восторге, но сказал, что возражать не будет.

Высказывались и сомнения, особенно в узком кругу. Павлов ничем не проявил себя как политический деятель, и его позиции не ясны. Недостаточно самостоятелен, излишне приспособливается к обстановке. Отмечались импульсивность, необдуманность действий и высказываний. Рыжков говорил, что до него доходили слухи о пристрастии министра финансов к алкоголю. Да, тогда мы допустили ошибку.

КРИЗИС В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

В этот самый переломный момент перестройки разразился международный кризис: Саддам Хусейн неожиданно начал вооруженную агрессию против Кувейта и оккупировал эту вроде «братскую» арабскую страну — члена ООН.

Я был в это время в Крыму в отпуске. Когда получил известие об этом, сомнений, как реагировать, не было ни секунды: осудить и обуздать, заставить уйти, действуя в сотрудничестве с Советом Безопасности ООН.

Решение для нас не простое. Советский Союз был связан с Ираком рядом договоров и соглашений, которые де-факто превращали его в союзника. Если бы подобный кризис разразился до появления нового мышления, до окончания конфронтации, СССР и весь мир оказались бы в опасном положении. Но новая внешнеполитическая ориентация страны позволила ей занять принципиальную позицию: агрессия не должна поощряться, агрессор — кем бы он ни был — не может быть выигравшей стороной в конфликте. И с самого начала и до завершения его я твердо придерживался такой линии. Полагал целесообразным не доводить дела до войны.

Руководство страны сделало максимум возможного, чтобы созданный агрессией международный кризис был урегулирован мирными политическими средствами, чтобы Ирак выполнил требования мирового сообщества и оккупанты покинули бы территорию Кувейта.

С этой целью я не только поддерживал постоянный контакт с президентом США, с госсекретарем Бейкером, но и подолгу беседовал с лидерами всех крупных государств, значимых в мировой политике (с некоторыми — неоднократно). Трижды встречался с представителем Хусейна министром Азизом, однажды даже целую ночь пожертвовал для переговоров с ним, предупреждал, предлагал варианты выхода, убеждал, что Багдаду, уповая на прежние связи с СССР, не удастся расколоть международную коалицию во главе с СБ ООН, что нарвутся на очень серьезные последствия, если не образумятся и не отступят. Немало усилий приложили другие члены руководства, прежде всего Эдуард Шеварднадзе и Евгений Примаков.

Я знал, что Джордж Буш в душе хотел бы воспользоваться случаем и всю военную мощь обрушить на саддамовский режим. Но он готов был и на политический, хотя и бескомпромиссный, вариант урегулирования. Однако Хусейн своими амбициозными, вызывающими действиями, усугублявшими преступную агрессию, «помог» президенту США осуществить силовой вариант.

Кризис в Персидском заливе оказался, по сути, первым серьезным испытанием тех новых отношений, которые стали налаживаться между СССР и США, другими странами Запада. И это испытание, хотя и не идеально, было выдержано.

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Другим, еще более всеобъемлющим и значимым международным событием, пришедшим также на период начинавшегося внутри страны кризиса, было общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Оно проходило в Париже 19-21 ноября 1990 года с участием глав государств и правительств 34 стран, включая США и Канаду.

Не могу не отметить, что мне пришлось вылететь в Париж сразу после своего столь значительного и резкого выступления на Верховном Совете 18 ноября, которое несколько разрядило обстановку.

Что этому Совещанию на высшем уровне непосредственно предшествовало?

Предложения по созданию системы всеобъемлющей международной безопасности были нами переведены на язык конкретных дипломатических документов, в том числе направленных в ООН. Она приняла четыре документа, идущих в русле советской концепции, сформулировала конкретные пожелания о путях реализации содержавшихся в

них положений. К сожалению, впоследствии не все они были осуществлены, а многие оказались просто забыты. Но это было связано с переменами в мире, происшедшими уже после (и в результате) распада СССР.

Общая идея всеобъемлющей безопасности была конкретизирована после 1986 года в двух регионально нацеленных предложениях.

Первое — идея «Общеввропейского дома». Выдвинутая впервые, как уже говорилось, в 1985 году в Париже и затем в апреле 1987 года в Праге. Она была в развернутом виде изложена в моем выступлении в Страсбурге на заседании Совета Европы в 1989 году, а позднее дополнена и детализирована в 1990 году.

1990 год пожинал успехи предыдущего. Уже шла работа по архитектонике будущей Европы. В Париже 23 июня завершился первый этап Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Впервые завязались контакты между НАТО и ОВД, ЕЭС и СЭВ, Европейским парламентом и Верховным Советом СССР. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) предоставила Советскому Союзу статус «специально приглашенного государства». Переданное мне приглашение выступить на заседании ПАСЕ в Страсбурге было логическим результатом такого развития событий.

В своем выступлении я отметил историческое значение признания в международных отношениях свободы выбора. То, что произошло в Восточной Европе, — результат внутренних процессов, а не навязано извне.

Мною был отвергнут взгляд на Европу как на арену конфронтации, расчлененную на «сферы влияния» и чьи-то «предполья». Именно такими стереотипами подогревались подозрения, будто Советский Союз по-прежнему вынашивает гегемонистские замыслы и намерен оторвать США от Европы.

«СССР и США, — заявил я, — являются естественной частью европейской международно-политической структуры. И их участие в ее эволюции не только оправдано, но и исторически обусловлено. Хельсинкский процесс уже начал эту большую работу всемирного значения. Вена и Стокгольм вывели его на принципиально новые рубежи. Этому послужила и идея общеввропейского дома...

Речь должна идти о замене традиционного баланса сил балансом интересов. На смену доктрине "сдерживания" должна прийти доктрина "сдержанности". Задача создания новых структур безопасности вышла на передний план европейского процесса».

В Страсбурге я предложил провести вторую после Хельсинкской 1975 года общеввропейскую встречу в верхах, не дожидаясь намеченного для нее 1992 года. К этой инициативе сначала отнеслись настороженно, но потом подхватили. Решили провести предварительно специальную встречу в Париже, приурочив ее к заключению договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Итак, в Париже собрался высший европейский форум.

Сначала в Елисейском дворце представители 22 государств — членов НАТО и ОВД подписали подготовленный на переговорах в Вене Договор об обычных вооруженных силах в Европе и Совместную декларацию, в которой было заявлено, что подписавшие государства отныне не являются противниками и протягивают друг другу руку дружбы.

Итогом же главного форума СБСЕ стало принятие «Парижской хартии для новой Европы». Под нею поставил свою подпись каждый из 34 руководителей стран-участниц.

Идеи и принципы этого документа — убежден — сохраняют свою актуальность и сегодня. Лучшей политики для Европы пока никто не придумал.

В Хартии дано развернутое изложение принципов и норм европейских международных отношений, отражавших потребности наступившего нового времени. К сожалению, хотя некоторые шаги организационного характера после этого сделаны

* Создавался Совет в составе министров иностранных дел для проведения регулярных политических консультаций, комитет старших должностных лиц, Секретариат СБСЕ, Центр по предотвращению конфликтов, Консультативный комитет.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

были*, реализация намеченных задач в целом не осуществилась. В значительной мере и это стало результатом распада СССР.

Парижская конференция открыла новый, постконфронтационный этап международных отношений в Европе. Предстояло ратифицировать Договор об обычных вооруженных силах в Европе, провести третий этап Конференции по человеческому измерению СБСЕ, подготовиться к «Хельсинки-2». Эпоха, отмеченная двумя мировыми войнами и почти полувекowym ядерным антагонизмом двух военно-политических блоков, уходила в прошлое.

КАБИНЕТ ПАВЛОВА

Возвращаюсь к внутренним делам. 11 января я подписал Указ о назначении премьер-министра и его первых заместителей, а 14 января они предстали перед Верховным Советом СССР и были утверждены.

Формирование Кабинета затянулось еще на несколько недель. А уже неумолимо сказывались последствия хаотичной суверенизации, нарушения хозяйственных связей. Спад охватил не только отрасли группы А, но и производство предметов потребления, которое в предшествующие годы шло по восходящей. Экономика втягивалась в кризис.

Он, по-видимому, был неизбежным. Однако то, что он стал принимать столь острые формы, было обусловлено не только объективными причинами, но и неадекватностью наших действий. Нарастала скрытая инфляция. Бюджет страны начал разваливаться. А Россия — за ней и другие республики — стала проводить в жизнь систему одноканального поступления налогов.

Под Новый, 1991 год российское руководство сократило отчисления Союзу на 100 млрд рублей.

Говоря о причинах кризиса, нельзя не упомянуть и об отказе с 1991 года от системы многостороннего клиринга в отношениях с бывшими социалистическими странами, введении мировых цен и расчетов в свободно конвертируемой валюте. С точки зрения перспективы, такой переход был неизбежным, но как единовременная акция он оказался ущербным и для нас, и для бывших друзей.

Накануне Нового года по предложению правительства я подписал несколько указов по финансовым вопросам. Но, как потом оказалось, там были серьезные изъяны. К примеру, создание внебюджетных фондов стабилизации экономики. Это было, по сути дела, «генерирование» денег из ничего. Они не имели реального покрытия, а потому усиливали инфляцию.

20 января, буквально через несколько дней после утверждения в должности, Павлов реализовал еще одну заготовку — обмен 50- и 100-рублевых купюр на новые. Аргументировалось это тем, что большое количество таких денежных знаков накопилось в руках преступников, ушло за границу. Расчет оказался иллюзорным. Пытаясь найти оправдание этой бесплодной операции, премьер в интервью газете «Труд» сообщил о якобы имевшем место заговоре западных банков, направленном на дезорганизацию денежного обращения в СССР. На первых порах я поддерживал самостоятельность премьера, но постепенно все больше убеждался, что ни по кругузору, ни по глубине понимания вопросов Павлов для такой роли не подходит.

Шум вокруг «заговора западных банков» слился с кампанией, направленной против моего указа от 26 января «О мерах по обеспечению борьбы с экономическим саботажем и другими преступлениями в сфере экономики». Было очевидно, что ослабление власти подстегнуло преступность. В государственных органах разрасталась коррупция. И то, что укрывалось от глаз общественности в период застоя, становилось, благодаря гласности, известным. В печати появлялись статьи о злоупотреблениях ряда высших должностных

лиц, в том числе руководителей республик, министерств, партийных деятелей. Все это вызывало негодование, требовало принятия решительных мер.

Этим я и руководствовался, подписывая указ. И мне кажется, шум, поднятый против этого указа, был инспирирован при прямом участии возникавшей тогда мафии, которая напугала и нашу Фемиду, не пожелавшую выглядеть душителем свободного бизнеса.

В начале 91-го неотложной задачей стала реформа розничных цен. Откладывать ее было уже невозможно. Благоприятный момент — 1988— 1990 годы — упустили, и приходилось делать это в резко осложнившейся обстановке. Собственно, переход к новой системе цен уже начался — ввели новые закупочные цены на зерно и мясо, новые преysкурранты оптовых цен во внутрипромышленном обороте. Срочно нужны были новые розничные цены, чтобы вывести из-под удара предприятия, выпускающие конечную продукцию.

Но надо было добиться согласия республик. Переговоры шли непросто. Прибалтийские республики вообще ушли от подписания соглашения. Трудности возникли и с Россией. Соглашение подписали Хасбулатов и Силаев, наверняка с согласия Ельцина. Но он вдруг стал отрещиваться, объявил реформу цен не отвечающей интересам России. Так соглашение и вышло за подписями всех высших должностных лиц республик, только от России стояла подпись заместителя Председателя Верховного Совета.

Каковы же итоги реформы цен, к которой так долго шли? На прилавках магазинов, опустошенных в предшествующий период, появились мясо, молоко, кондитерские изделия, многие товары широкого потребления. Правда, этот «просвет» быстро закрылся. Центральное правительство уже не владело в должной степени финансовыми рычагами, перешедшими в руки республик. Так и не удалось установить действенного контроля за ростом денежных доходов, равно как и за использованием дохода, полученного от повышения цен. Республики сорвали перечисление средств в фонд социальной поддержки населения. И дело было не только в нежелании. Значительную часть этих средств пустили на непредусмотренное повышение зарплаты. Начиналась самовольщина, грозившая обесценить любые попытки регулирования.

Надо сказать, что тогдашняя реформа не имела ничего общего с «шокотерапией». Сохранялись действующие цены на медикаменты, некоторые виды тканей, обуви, трикотажные изделия, игрушки, бензин, керосин, электроэнергию, газ, уголь, а также на водку. На большую группу товаров народного потребления устанавливались пределы повышения цен. Расширили круг товаров, реализуемых по регулируемым розничным и договорным ценам, — к середине 1991 года на их долю приходилось до 40 процентов товарооборота. Это облегчало переход к свободному ценообразованию, страна могла избежать одноразового высвобождения цен, если бы последовательно проводились намеченные меры по финансовому оздоровлению.

Но главный недостаток реформы в том, что она осуществлялась как бы вне общего контекста экономических преобразований.

НЕ ОТСТУПАТЬ ОТ ВЫБОРА

1991-й год начался, можно считать, с вильнюсских событий, которые, теперь уже совершенно ясно, были провокацией, чтобы подставить Президента. Не только дискредитировать его власть в стране, но и подорвать его авторитет за рубежом, где поверили в его политику «нового мышления», отвергавшего применение силы в политических, гражданских конфликтах.

Развернута была яростная, клеветническая, разрушительная атака на центральную власть, на союзную государственность как таковую. Не только события в Прибалтике, но и все, что исходило от союзной власти, подавалось исключительно под одним углом

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

зрения — как происки засевавших в Кремле реакционеров. Наиболее одиозные публикации и речи на митингах содержали прямой призыв к насильственным действиям.

14 января по итогам своей поездки в Таллинн Ельцин дал пресс-конференцию. Заявил, что руководители четырех республик — России, Украины, Белоруссии и Казахстана, не дожидаясь Союзного договора, заключат четырехстороннее соглашение. А чтобы никто не питал иллюзий относительно решительности российского руководства, добавил, что «защитить суверенитет без российской армии нам, видимо, не удастся».

Большого безрассудства, если не сказать безумия, трудно представить. Я вынужден был уже на другой день на заседании Верховного Совета СССР осудить это заявление. Ельцин тогда не рискнул приступить к осуществлению своих угроз в отношении создания «собственных» вооруженных сил, но активность радикал-демократов выплескивалась через край.

Любой акт союзных властей, все указы Президента с ходу дискредитировались. Особенно это коснулось мер, направленных на поддержание общественного порядка. Речь идет об указе от 29 января «О взаимодействии милиции и подразделений Вооруженных Сил СССР при обеспечении правопорядка и борьбы с преступностью».

Само содержание указа вроде бы давало основания для той трактовки, с какой выступала часть средств массовой информации. Слишком много натерпелись наши люди в прошлом от правового беспредела. Поэтому даже намек на усиление карательных функций правозащитных органов встречался с опаской. Но я не видел ничего предосудительного в том, что военнослужащие городских гарнизонов будут помогать милиции поддерживать порядок. Не в первый раз и не только у нас призывают на помощь армию, когда полицейские не в состоянии справиться с преступниками. Я, конечно, не мог предполагать, что указ этот будет дискредитирован нелепыми и провокационными действиями на местах. Выведенные на улицы Ленинграда бронетранспортеры вызвали возмущение и дали повод утверждать, что указ направлен не против преступников, которых таким способом не ловят, а против демонстраций оппозиционно настроенных масс.

Уже тогда оба фланга — реакционный и радикальный — начали планировать свою «стратегию»: одни имели целью восстановление сверхцентрализованного государства, другие — развал Советского Союза. Именно **в феврале**, по признанию С. Шушкевича, **была разработана** «заготовка», которая послужила основой документа, принятого в Беловежской Пуше. И тогда же, **в феврале**, **А. Тизяков, будущий член ГКЧП**, начинает сочинять проекты документов о введении чрезвычайного положения.

Ходырев, когда стал министром в российском правительстве Маслюкова, хвастался как одной из своих самых больших заслуг тем, что перед Апрельским пленумом 91-го года вел переговоры с командующими военных округов о свержении Горбачева. Вот чем занимались партия и мое окружение! Почему я их не разогнал? Если бы мы устроили такую свалку, мы бы не смогли продвинуться до того, к чему мы уже подошли, — до положения, когда обратного пути нет. Поэтому маневры приходилось делать невероятные. Демократы орали: Горбачев пошел вправо! Другие орали: Горбачев пошел на сделку с леваками и прочими радикалами! Хорошо все же, что были «края» и можно было маневрировать. И использовать и тех и других. Протащить страну через этот этап. Если бы была затеяна свалка в тот момент, это бы раскололо страну, сорвало бы все, и, вообще говоря, было бы безумием.

В то время в моем распоряжении не было точных сведений обо всех этих интригах. Хотя кое-что подсказывала интуиция: ведется подкоп под само союзное государство — быть ли ему вообще. Я считал, что вопросы, затрагивающие судьбу всего народа, нельзя решать без его участия. Верховный Совет поддержал мое предложение **о референдуме**. 16 января последовал президентский указ, назначивший его на 17 марта.

Вокруг формулы всенародного опроса было много споров. Допускаю, формулировочно, стилистически можно было еще шлифовать постановку вопросов. Хотя

трудно представить себе идеальный вариант, отвечающий вкусам всех движений и социальных слоев. Мне представляется, что противники референдума уцепились за принятую в конце концов формулу, прикрывая свое нежелание выйти на совет с народом.

Ельцин и его сторонники понимали, что позитивный исход референдума даст Президенту козыри для продолжения курса на сохранение и преобразование Союзного государства. Это шло вразрез с их планами, угрожало самой возможности захвата ими власти в стране. Отсюда — ярость, с какой радикалы набросились на референдум. Это была уже не артподготовка, это было объявление войны.

19 февраля Ельцин выступил с заявлением по телевидению, потребовав отставки Президента СССР и передачи всей власти Совету Федерации. Его речь была переполнена оскорблениями в мой адрес. Руки дрожали. Видно было, что он не вполне владел собой и с усилием читал заготовленный текст. А 9 марта, выступая в Доме кино, Ельцин заявил, что Горбачев «обманывает народ и демократию», и призвал своих сторонников «объявить войну руководству страны, которое ведет нас в болото». 10 марта в Москве прошел митинг «в поддержку Ельцина, шахтеров, суверенитета России».

III Съезд народных депутатов РСФСР открылся в накаленной обстановке. Митингующие в канун Съезда угрожали «идти на штурм Кремля». Во избежание беспорядков в день открытия Съезда в столицу были введены дополнительные силы милиции и внутренние войска. Противостояние достигло опасной черты. Это поняли обе стороны и действовали соответственно.

29 марта Съезд продолжил работу. Ельцин воздержался от прямой конфронтации, выступил за диалог с Центром. Однако через весь его доклад шло рефреном противопоставление двух курсов — линии «ДемРоссии»* и якобы ретроградной политики союзного руководства.

Прения были жесткими. Сторонникам Ельцина пришлось изрядно потрудиться, чтобы дело не кончилось смещением шефа. Выручил его Александр Руцкой, заявивший о создании депутатской группы «Коммунисты за демократию» и о своей поддержке Председателя ВС РСФСР. Более того, Ельцин получил поддержку из того угла, откуда вряд ли мог ее ожидать: лидер РКП Полозков заявил, что отвергает упреки в адрес фракции коммунистов, якобы требующей отставки Ельцина.

С приближением референдума политическая активность родила новые организации. В конце февраля провозгласили создание «Движения за великую единую Россию» во главе с Прохановым, Стародубцевым, Полозковым. Тогда же при ведущей роли Аркадия Вольского сформировался «Научно-промышленный союз». Несколько партий объединились в избирательный блок «Демократический конгресс».

При всем многообразии позиций обозначились главные «за» и «против» сохранения

* Избирательный блок, созданный в январе 1990 года для проведения избирательной кампании по выборам народных депутатов РСФСР.

Союза ССР.

26-28 февраля я был в Белоруссии. Хотел разобраться с обстановкой в зоне чернобыльской аварии. Но я использовал поездку и для оценки ситуации в стране и выводов из нее.

В выступлениях на встречах с представителями научной и творческой интеллигенции Белоруссии, с руководителями городов и районов, предприятий и учреждений, ветеранами войны и труда я обращал внимание на опасные сепаратистские тенденции. Все позитивное, что заложено в процессе демократизации, в повышение самостоятельности предприятий, республик и регионов, — все это вне рамок уравновешенной системы превратится в свою противоположность.

То, что происходит, — это не происки Центра, а результат сложнейшей борьбы политических сил. А она стала особенно жесткой, когда перестройка подошла к этапу перераспределения власти и собственности.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Указав на опасности и справа, и слева, я тогда впервые высказал мысль о значении политического **центризма**, способного предложить обществу реальный путь выхода.

Центр для меня, говорил я, не геометрическая середина между двумя точками. Промежуточная позиция была бы мертва. **Центр, в моем понимании, — это направление, ставящее целью преобразовать общество на новых началах, но не на основе противопоставления одной его части другой, не на основе конфронтации, тем более объявления врагом другой стороны, а на основе сплочения подавляющего большинства народа.**

Хватит нам противостояния «белых» и «красных», «черных» и «синих». Центристская позиция не приемлет **ни возврата к сталинизму, ни авантюризма радикалов, пытающихся одним махом загнать страну в рынок.** Центристская политика — это линия на согласие и учет существующих в обществе интересов. Тогда я допускал возможность реформирования КПСС и считал, что для этого она должна определить свою позицию как по отношению к консервативным течениям, выступавшим за социализм без демократии, так и к либерально-буржуазным, выступающим за демократию без социализма.

Таково в основном содержание моих выступлений в Белоруссии. Там, как мне кажется, они нашли понимание. Но центральная печать пропустила их мимо ушей.

1 марта началась **вторая крупная забастовка шахтеров**, одним из требований которых была отставка Президента СССР. Выступления шахтерских коллективов сыграли роковую роль в судьбе Союза, ничто так не подорвало позиций Центра. Дело, конечно, не только и не столько в экономическом ущербе от простаивания шахт в Кузнецком бассейне, Тюмени, на Печоре и т.д. Еще болезненнее отозвались на положении в стране психологические и политические последствия стачки. Идеологи радикал-демократов коварно использовали шахтеров как таран против союзной государственности.

За неделю до референдума публиковались опросы общественного мнения. И поскольку их результаты были не слишком благоприятными для радикалов, они «подстраховались», включив в бюллетень для населения России вопрос об учреждении поста Президента РСФСР. Свой вопрос к референдуму «прицепил» и Верховный Совет Украины.

15 марта я выступил по телевидению с **обращением к гражданам** страны. Нужно было найти верные слова, обращенные к уму и сердцу людей. Учесть и то, что одна и та же мысль по-разному может быть воспринята в России, в Средней Азии и на Кавказе. Конечно, одно выступление в таких случаях мало что решает, но, думаю, свою позитивную роль оно сыграло.

И вот референдум состоялся. Несмотря на бешеные усилия радикал-демократов, вопреки сомнениям скептиков, **люди высказались за сохранение и обновление союзного государства. Причем не только в общесоюзном масштабе, но и в каждой из республик, где референдум состоялся.** 76 процентов населения страны, 71,3 процента населения России сказали Союзу «да». Столь же впечатляющими были результаты референдума на Украине и в Белоруссии. Думаю, без таких итогов голосования не могло быть и встреч в Ново-Огарево, создавших предпосылки для преодоления кризиса.

Сказалось это и на наших отношениях с Ельциным. Он готовился к выборам на пост Президента России и был заинтересован, чтобы со стороны Союза, моей, как Президента СССР, была проявлена лояльность. Что ж, я придерживался нейтральной позиции, хотя, не хочу скрывать — симпатии мои были не на его стороне. Граждане России имели право свободно решить, кто из кандидатов им по душе. Рейтинг у Ельцина был высок, и мало кто сомневался, что он одержит победу. Немалое значение при этом имел точный выбор кандидата в вице-президенты. Руцкой, бесспорно, сильно помог Ельцину, обеспечив голоса части избирателей, продолжавших ориентироваться на сохранение Союза.

В те весенние месяцы я не раз беседовал с Ельциным. Мы обсуждали весь комплекс возникавших вопросов, и встречи проходили, как правило, в приемлемой атмосфере. Но оказываясь перед телеэкраном или микрофоном, в Верховном Совете или выступая в Доме кино, Ельцин по-своему интерпретировал наши беседы.

В последующие месяцы не обошлось без «стычек». Далеко не все в окружении Ельцина были настроены миролюбиво. А некоторые взвинтили себя настолько, что продолжали, где можно, выступать с обличениями Президента. Но у меня сложилось впечатление, что все-таки в их «мозговом центре» в то время возобладала линия на некоторое, пусть временное, «перемирие». Вот, мол, проведем шефа в российские президенты, а там посмотрим.

Отдавая себе отчет в шаткости этого замирения, я все же считал необходимым использовать передышку, чтобы довести, наконец, до практических результатов затянувшуюся работу над проектом Союзного договора. Мне казалось важным связать российское руководство обязательствами, которые ему было бы нелегко нарушить. Так родилось то, что получило затем название — Ново-Огаревский процесс.

Экономическая реформа оставалась главным полем борьбы за спасение и перестройки, и самого нашего государства. 22 апреля Павлов довольно удачно доложил на сессии Верховного Совета антикризисную программу. Чем больше я углублялся в сопоставление экономических программ — союзной и российской, тем больше убеждался, что в них немало общего. Опыт истекших месяцев показал, что конфронтационные методы лишь увеличивают опасность распада страны. Это послужило для меня лишним доводом к тому, чтобы пойти друг другу навстречу.

В этой связи особую значимость приобретала антикризисная программа. К ней постепенно подключались республики и, несмотря на трудности, работу над ней завершили. 5 июля как Президент я утвердил ее, и она вышла в свет под названием «Программа совместных действий Кабинета министров СССР и правительств суверенных республик по выводу экономики страны из кризиса в условиях перехода к рынку».

ЛИТОВСКИЙ СИНДРОМ

С Литвой связано много драматических страниц истории России. Так случилось и на этот раз. По существу на «литовском полигоне» разыгрывалось будущее страны.

Состав населения республики давал меньше всего оснований для опасений утратить национальную идентичность (4/5 — литовцев, только 1/5 — русские и другие). Но «Саюдис» строил свою пропаганду на тезисе: если останемся в составе СССР, литовцам грозит превращение в меньшинство на земле предков, как это, мол, почти уже случилось с эстонцами и особенно латышами. Нет нужды говорить, что это предостережение находило живой отклик, собрав под знамена «Саюдиса» не только национальную интеллигенцию, но и значительную часть простого народа. «Саюдису» удалось овладеть сознанием подавляющей части общества. Туда уже съехала постепенно и компартия Литвы, поставившая вопрос о выходе из КПСС.

Крайне важным было разобраться, что происходит в республике, какие настроения господствуют, можно ли переубедить сторонников отделения. С этой целью и была предпринята моя поездка в Литву в январе 1990 года.

Встречали нас повсюду доброжелательно, но тема бесед фактически была одна — отделение Литвы от СССР. Я делал ставку на диалог — с кем бы ни вел разговор.

Не раз приходилось мне встречаться с людьми образованными, вполне доброжелательными, которые тем не менее никак не откликнулись на самые безупречные доводы, потому что были одержимы решимостью действовать в соответствии с тем, что стало для них символом веры.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

К тому времени практически всеми средствами массовой информации владел «Саюдис». А если людям изо дня в день твердят, что обособившись они станут жить в несколько раз лучше, то через некоторое время это становится «идефикс» всего населения.

Но не хочу ни в коем случае и упрощать дело. У представителей интеллигенции Литвы были свои основания добиваться независимости. Да, все мы не жили при настоящей федерации, но кто мог дать гарантию, что она непременно будет. Один из моих собеседников так прямо и рубанул:

— Вы, Михаил Сергеевич, останетесь у руководства еще девять лет, а там мало ли кто придет, и не вернут ли нас в прежнее состояние!

Допуская отделение в принципе, я надеялся, что развитие экономической и политической реформы будет опережать процедуры «отделенческого процесса». В Верховном Совете СССР на подходе решение вопросов о земле, собственности. На очереди закон о разделении компетенции союзных и республиканских органов. Ошутив реальные блага федерации, люди, убеждал я, перестанут быть одержимы идеей полной независимости. Словом, я уезжал из Литвы со смешанным чувством тревоги и надежды.

Не прошло и двух месяцев, как «Саюдис» победил на выборах в Верховный Совет. Не дожидаясь второго тура голосования, его руководители ночью 11 марта собрали депутатов, открыли сессию и приняли Акт о независимости Литвы, провозгласив, что на территории республики законы СССР больше не действуют.

Вскоре открылся III Съезд народных депутатов СССР (тот, на котором я был избран Президентом). Съезд объявил решения Верховного Совета Литвы недействительными до принятия закона, определяющего порядок выхода из Союза.

На Съезде председатель Госплана СССР Маслюков предупреждал, что разрыв экономических связей, который станет неизбежным следствием намерения правительства Литвы изменить структуру своей промышленности, вызовет потери для хозяйства самой Литвы и других республик порядка 14 млрд рублей. Литовское руководство, находясь в состоянии эйфории и полагаясь на поддержку Запада, пропустило все это мимо ушей.

В это время я не раз беседовал с председателем Совмина Литвы Прун-скене. В литовском руководстве она отличалась более взвешенным подходом, старалась, как и Бразаускас, искать приемлемые развязки. Будучи неплохим экономистом, Казимира Яновна отдавала себе отчет, что, и добившись независимости, Литва остается нашим соседом и ее будущее зависит от сохранения истинно дружеских отношений с Москвой. Но ориентация Прунскене вызвала недовольствие идеологов «Саюдиса». Во время встречи 7 января 1991 года она призналась, что ее могут просто «снять». Фактически на правительство Прунскене «валили» плачевные для республики результаты политики Ландсбергиса.

Верховный Совет Литвы принял одно за другим вызывающие постановления, ущемляющие граждан нелитовской национальности. В Вильнюсе отважились на это, потому что получили заверения о поддержке от российского руководства.

Атмосфера накалялась. Искрой для взрыва послужило повышение розничных цен. Оно вызвало недовольство трудящихся всех национальностей. Выдвигались экономические, а затем и политические требования: долой правительство, долой Ландсбергиса! Рейтинг его упал до нуля. Было известно, что депутаты уже обсуждали вопрос о его замене на посту Председателя. Спасение ему пришло, можно сказать, от «противной стороны». Не было бы кровавых событий 13 января — по-другому бы повернулась его карьера.

«Компартия на платформе КПСС» (Бурокаявичюс) была готова любой ценой противодействовать разрыву с Союзом. Эта решимость питалась уверенностью в том, что высшее руководство Союза не допустит ухода Литвы.

Президент СССР занимал позицию, соответствовавшую Конституции СССР и постановлению Съезда народных депутатов: использовать все политические средства,

чтобы предотвратить выход республики. А если это не удастся и народ Литвы на референдуме выразит свою волю отделиться — совершить «развод» по закону и обеспечить в будущем нормальные отношения сотрудничества между СССР и литовским государством.

Сегодня, когда пытаются дать оценку событиям 13 января 1991 года в Вильнюсе, и политики, и исследователи нередко впадают в крайность, игнорируя сложный контекст, в котором произошла вильнюсская трагедия. 8 января перед зданием правительства состоялась массовая демонстрация протеста против повышения цен. В тот же день Прунске-не ушла в отставку. 9-го в литовской столице вновь собралась мощная демонстрация, потребовавшая немедленного введения президентского правления.

Из республики шли тревожные телеграммы с просьбой «навести порядок». Но и в этой ситуации идти на крайнюю меру я по-прежнему не считал себя вправе. 10-го обратился к Верховному Совету Литовской ССР и призвал восстановить действие Конституции СССР, предотвратить нагнетание обстановки.

Но всякий компромисс был губителен для Ландсбергиса. Действуя по принципу «чем хуже, тем лучше», он спровоцировал создание 11 января Бурокаявичусом и К° Комитета национального спасения. Борьба перешла в режим «лоб в лоб».

Язов, Крючков и Пуго доложили, что ими принимаются меры на случай, если в Вильнюсе начнутся столкновения сторонников «Саюдиса» и коммунистов и станет неизбежным введение президентского правления. В телеграмме генерала Варенникова, прибывшего в Вильнюс 10 января, ставился вопрос о президентском правлении. 12 января положение в Литве обсуждалось на заседании Совета Федерации. Докладывал Пуго.

Я констатировал, что до кровопролития остался шаг. Ельцину я пожелал воздержаться от заявлений, которые могут лишь подтолкнуть литовское руководство к более агрессивной позиции. Подчеркнул, что причины нарастающего в Литве недовольства не сводятся к ценам. Речь идет и о судьбе многих тысяч людей — и литовцев, оказавшихся в положении изгоев, и русских, и поляков, и других.

Решили направить в Вильнюс делегацию Совета Федерации. В тот же день, 12-го, я сделал заявление, что кризис будет разрешен политическими методами. Но еще до приезда делегации, в ночь с 12 на 13 января, советскими военными был осуществлен захват телевизионной башни и радиостанции, приведший к гибели людей.

Едва получив известие о событиях в Вильнюсе, я связался с Крючковым и потребовал объяснений. Председатель КГБ сказал, что ни он, ни Пуго (тогда министр внутренних дел) приказа о силовой акции не отдавали. Решение принималось на месте. Кем именно, нужно, мол, еще выяснить. Я прервал Крючкова, сказав, что погибли люди и за это власти несут ответственность. Позвонил Язову:

— Как могло случиться, что использовали войска, кто дал санкцию?

— Мне доложили, — ответил он, — что это приказ начальника гарнизона.

Трудно было поверить, что этот человек мог сделать это без согласия министра. Но тогда я доверял Язову. Кстати, на другой день, отвечая на вопросы в Верховном Совете СССР, Пуго заявил, что взятие под охрану имущества КПСС в Вильнюсе было осуществлено в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, но ни Президент, ни кто-либо из Центра не давал указания о применении армейских подразделений.

Механизм, который привели в действие в ночь на 13 января — вооруженный захват башни и радиостанции, — тогда не был раскрыт. Но, как говорится, все тайное становится явным. Уже после прекращения своей деятельности на посту Президента СССР от ветеранов подразделения «Альфа» я получил книгу — «Альфа — сверхсекретный отряд КГБ». Вот что там написано:

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

«7 января 1991 года сотрудники группы — заместитель начальника группы "А" подполковник Головатов Н.Б., начальник 4-го отделения майор Мирошниченко А.И. и старший оперуполномоченный 1-го отделения капитан Орехов И.В. находились в командировке в городе

Вильнюсе для проведения рекогносцировки и других подготовительных мероприятий по планированию чекистско-войсковой операции с участием сотрудников группы "А"».

Итак, планировалась «чекистско-войсковая операция». Могут сказать, что это делалось на случай, если события примут чрезвычайный характер. Пусть так. Но 12 января Совет Федерации принял решения, предусматривающие политические меры для разрядки ситуации. Остается предположить, что руководители силовых структур не согласились с этими решениями и, сговорившись, пошли на авантюру. Главный расчет был — сделать это до приезда делегации Совета Федерации, поставить Президента перед фактом.

В ходе расследования августовского путча 1991 года Прокуратурой РСФСР были обнаружены документы, относящиеся к событиям в Вильнюсе. В так называемой «Справке по итогам командировки в г. Вильнюс» есть запись: «После принятия инстанциями решения о проведении операции в ночь с 12 на 13 января был произведен боевой расчет сил и средств» и т. д.

Значит, были «инстанции»? Но если Президент и Совет Федерации высказались за политическое решение, то какие же это были инстанции?

Худшие мои опасения в связи с событиями в Литве скоро подтвердились. Дело не только в том, что после кровопролития 13 января все усилия предотвратить выход Литвы да и других прибалтийских республик из состава Союза оказались тщетными. Произошел поворот в общественном мнении страны. Люди спрашивали: «Стоит ли удерживать прибалтов силой, проливать кровь? Раз уж они так хотят стать независимыми, Бог с ними, пусть уходят».

Через неделю после Вильнюса последовали кровавые столкновения в Риге. События развивались по схожему сценарию, что и в Вильнюсе, но не дошли до столь драматической развязки.

Повторяю: есть все основания полагать, что вооруженное столкновение в Риге было спровоцировано.

Сепаратистские партии, пришедшие к власти, действовали своевольно, опираясь на поддержку российского руководства. Сразу после вильнюсского столкновения Ельцин вылетел в Таллинн, где подписал документ о признании Россией суверенитета прибалтийских республик.

Российские сепаратисты — не правда ли, многозначительно! — всячески подталкивая прибалтов к отделению, использовали вильнюсский и рижский инциденты для атаки на союзный Центр. 20 января в Москве состоялась демонстрация протеста в связи с событиями в Вильнюсе, на митингах стали требовать отставки Горбачева.

Пресса объявила союзный режим преступным и выступила с яростными нападками на Президента СССР. Появилось в «Московских новостях» заявление Абуладзе, Амбарцумова, Бовина, Голембиовского, Заславской, Петракова, Попова, Рыжова, Станкевича, Старовойтовой и Шаталина, потребовавших отставки Горбачева — человека, благодаря которому они и появились на политической сцене в роли «властителей дум».

В те дни я встретился не только с Горбуновым и Рубиксом, но и с Арнольдом Рюйтелем, председателем Верховного Совета Эстонии. Это вдумчивый, серьезный руководитель, сумевший удержать от крайностей эстонских сепаратистов, не менее агрессивных, нежели их литовские и латышские партнеры. Решили назначить делегации для обсуждения с представителями прибалтийских стран всего комплекса вопросов.

22 января я выступил по телевидению с заявлением о событиях в Литве, подчеркнув, что они никоим образом не являются выражением линии президентской власти. Указав на недопустимость использования военной силы, я обратил внимание на необходимость устранить источники конфликтной ситуации, восстановить конституционный порядок. В тот же день Прокуратура СССР заявила, что любое несанкционированное использование военной силы будет расследовано и виновные будут наказаны.

НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ С ЯПОНИЕЙ

Продуманной политики на японском направлении у нас не было.

Существовало желание начать все «по новой». Эти слова я повторял японским собеседникам, не чувствуя еще значимости, какую придают в Японии проблеме южнокурильских островов. В первых беседах даже обсуждать этого вопроса не хотел, считая послевоенное территориальное решение окончательным и бесповоротным.

По формуле А. Громыко, проблемы не существовало, она была решена «в результате мировой войны», и потому острова по праву принадлежат Советскому Союзу, у которого, мол, хоть он и большой, «лишних земель нет». То обстоятельство, что мои собеседники из Японии прямо или косвенно его поднимали, было одной из причин откладывания моего визита.

А собеседников было много, и фигуры эти были крупные: премьер-министр Я. Накасонэ, председатель ЦИК Социалистической партии Японии Т. Дои (6 мая 1988 года), вновь Накасонэ, уже не в качестве премьера, министр иностранных дел Уно (5 мая 1989 года), несколько раз посол Эдамура (очень умный и образованный дипломат высшего класса), Икэда (мыслитель-гуманист, лидер религиозно-просветительской организации «Сокко-Гаккай»), Итиро Одзава (генсек правящей Либерально-демократической партии), бизнесмены и деятели культуры.

Благодаря этим контактам я знакомился ближе с Японией и «вживался в тему», овладевая проблемами наших отношений.

Концепцию визита предварительно обговорили с членами советского руководства: вести переговоры, нацеленные на коренное улучшение отношений с Японией. В столичных средствах массовой информации позиции разделились довольно четко: одни — за то, чтобы отдать острова и не тянуть с этим. Другие — не отдавать ни в коем случае. Дальневосточники в большинстве были против уступок в территориальном вопросе, но расширение связей с Японией поддерживали однозначно. По дороге я на два дня остановился в Хабаровске. Там я возложил венок на кладбище японских военнопленных — в знак примирения и желания подвести черту под давней враждой. Этот шаг был высоко оценен японским народом.

16 апреля наш самолет приземлился в аэропорту Ханэда. Прозвучал 21 залп артиллерийского салюта. Официальная церемония с участием императора и императрицы состоялась на территории отведенной нам резиденции. После этого мы отправились в императорский дворец, где состоялась примерно часовая беседа.

Визит оказался напряженным: выступление в парламенте, беседы с премьер-министром, встречи с правительственными и деловыми кругами, с партийными лидерами, учеными, молодежью, с тысячами людей на улицах. И в ходе всего визита атмосфера была предельно доброжелательной.

Переговоры с премьер-министром Кайфу велись в течение трех дней. Я предложил такую «формулу» переговоров: это — встреча представителей двух великих народов, двух великих держав. Кроме того, мы соседи, и надо думать, как будем жить дальше. Раньше в отношениях было все просто: вы констатировали свою позицию, мы — свою, и все оставалось на месте. Нужен другой подход. Кайфу после рассуждений о соприкосновении истории двух народов, взаимовлиянии в области искусства и литературы подробно изложил проблему «северных территорий». Я тоже сделал исторический обзор и обобщил сказанное так:

— Жизнь подведет нас к справедливому решению всех проблем, включая территориальную, которая стоит на пути заключения мирного договора. Мы

ГЛАВА IV • КРИЗИС И СРЫВ ПЕРЕСТРОЙКИ (1990-1991 ГОДЫ)

понимаем, что в Японии существует общественное мнение. Свое общественное мнение, однако, существует и у нас, и его мы тоже ни в коей мере не можем игнорировать. Только расширяя сотрудничество, мы можем изменять ситуацию, настроения в обществе, создать новую атмосферу и выйти на баланс интересов. Пусть поработает история, близкая и далекая...

Премьер-министр Кайфу настаивал на том, чтобы подтвердить договоренность 1956 года о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан, а в ходе переговоров по мирному договору решить вопрос о передаче и двух других островов — Кунашира и Итурупа.

Выдержали шесть раундов переговоров. Все время расширяли и обговаривали круг проблем — от экономических, культурных, «соседских» до международных и роли наших двух стран в глобальном контексте. Но разговор все равно возвращался японцами к «ключевой» для них проблеме — об островах. Я повторял в различных словесных вариантах свою аргументацию.

При обсуждении проекта итогового Коммюнике жестко спорили, как упоминать в нем Декларацию 1956 года. Я не хотел связывать себя прямой ссылкой на этот документ. И предложил компромиссный вариант: «Начиная с 1956 года было положено начало новому процессу, ознаменованному восстановлением дипломатических отношений и прекращением состояния войны». Выступил вместе с тем против увязки торгово-экономического и иного сотрудничества с «успехом переговоров по мирному договору», считая единственно эффективным «обратный» подход.

В конце концов, премьер-министр согласился на мою формулу упоминания 1956 года, сказав при этом, что «делает рискованный для себя шаг».

Подписание итогового Коммюнике и еще пятнадцати документов по конкретным направлениям было торжественным. Потом — поездка на скоростном поезде в Киото, где состоялась встреча с деловыми кругами.

Из Киото прибыли в Нагасаки — второй после Хиросимы город, подвергшийся американской атомной бомбардировке. Запомнилась впечатляющая встреча здесь с населением. Весь город вышел нас встречать. Несколько километров мы ехали, а потом шли по живому коридору. В «парке Мира» поклонились жертвам ядерной бомбардировки.

В результате апрельского визита «лед тронулся».

Не могу не отметить, что по набору идей и даже по конкретным предложениям, которые были выдвинуты в ходе того визита, ничего нового ни при Ельцине, ни при Путине не придумали. С несущественными нюансами работала та «философия» развития двусторонних отношений, начало которой было положено тогда. Давайте сотрудничать — по всем направлениям, давайте содействовать знакомству наших народов — на всех уровнях, давайте обсуждать и договариваться по тем вопросам, по которым ситуация в данный момент позволяет, давайте менять всю атмосферу восприятия обоими народами друг друга — осуществлять визиты, не прерывать политического диалога — и так приближаться к решению всех проблем в согласии и в интересах обеих стран.

Японцы всерьез восприняли итоги визита и склонны были, не откладывая, наполнять их конкретным содержанием, прежде всего в экономической их части.

Это я почувствовал, когда три месяца спустя встретился с премьером Кайфу в Лондоне во время «большой семерки». Уже после путча приезжали в СССР и министр иностранных дел, и несколько крупных делегаций бизнесменов с серьезными намерениями и с предложением конкретных масштабных проектов.

По пути домой из Японии я решил задержаться на сутки в Южной Корее. Президент Ро Дэ У настойчиво приглашал это сделать. И было бы неправильно этим не воспользоваться, не попытаться дать еще один импульс отношениям с этой удивительной страной, совершившей у себя экономическое чудо, продемонстрировавшей редкостный

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

динамизм. Республика Корея уже стала заметной величиной в АТР и международном сообществе.

Первая встреча с президентом Южной Кореи Ро Дэ У произошла, как я уже писал, в июне 1990 года в Сан-Франциско в гостинице «Фермонт». После этого отношения с Южной Кореей стали быстро набирать темп. В декабре 1990 года Президент Ро Дэ У совершил официальный визит в СССР.

19 апреля наш самолет через 40 минут полета от Нагасаки приземлился на острове Чеджудо у юго-восточного побережья Кореи.

При неоднозначных оценках деятельности Ро Дэ У, при непростых его отношениях со своим народом, эта личность замечательная — с решительным характером государственного деятеля, уверенного в себе, но отнюдь не претенциозного. Ро Дэ У был среди немногих деятелей его уровня, которые не стали выжидать, к чему поведут перемены у нас, а энергично взялся за налаживание отношений с нашей страной.

Ко времени нашего приезда в совместной с корейскими бизнесменами проработке было уже 48 крупных проектов промышленно-технологического плана, в том числе по освоению природных ресурсов Дальнего Востока и Сибири. Шла речь также о соглашении по сотрудничеству в области рыболовства, об открытии прямого морского сообщения с Южной Кореей. Словом, и на этом направлении был создан задел на будущее.

Ро Дэ У беспокоила ядерная программа Северной Кореи и ее отказ присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия. Я заверил президента, что с нашей стороны не будет сделано ничего такого, что способствовало бы появлению этого оружия на севере Кореи.

Заботой Ро Дэ У была и проблема вступления Южной Кореи в Организацию Объединенных Наций. Препятствием являлось упорство Пхеньяна, считавшего, что принятие обоих корейских государств в ООН означало бы закрепление раскола нации. Я так не думал. Напротив, полагал, что членство в ООН облегчило бы поиск мирного, цивилизованного сближения двух частей нации и восстановление общего государства. Поэтому обещал президенту поддержку в Совете Безопасности ООН.

Пользуюсь случаем, чтобы еще и еще раз отвергнуть гнусную клевету, которая до сих пор «гуляет» в связи с этой моей встречей с Ро Дэ У. Речь идет о сумме в 100 тыс. долларов, которую в благотворительных целях передал Раисе Максимовне президент Южной Кореи. Им было сказано (привожу почти дословно), что ему известно, что Президент СССР и его жена гонорары и полученную Нобелевскую премию (более одного миллиона долларов) направили на строительство медицинских учреждений в зоне Чернобыльской АЭС и других местах. И что он с супругой жертвуют свои личные деньги на благотворительные цели. Было решено эту сумму, предложенную Ро Дэ У, направить в Брянскую область в помощь пострадавшим от чернобыльской аварии.

Деньги были переданы Валерию Болдину (тогда зав. Общим отделом ЦК КПСС, фактически начальник канцелярии Президента). После путча, при аресте Болдина, они были обнаружены в его сейфе.

Госдума РФ обратилась с просьбой в Генпрокуратуру разобраться в этом деле. 1 апреля 2003 года я встречался по этому вопросу с заместителем управления Генпрокуратуры по расследованию особо важных дел Николаем Атмоньевым. Никаких претензий ко мне не было предъявлено. Чей заказ выполняют Караулов и другие, я догадываюсь. Ну а метод старый — ложь должна быть грандиозной.

НОВО-ОГАРЕВСКИЙ ПРОЦЕСС

Если меня и моих единомышленников референдум 17 марта укрепил во мнении о необходимости завершения преобразования государственного устройства страны, то

консерваторы решили, что он дал мандат на сохранение Союза в прежнем виде. Они игнорировали тот факт, что избиратели голосовали за сохранение Союза именно в связи с его преобразованием, что проект нового Договора о Союзе суверенных государств был уже опубликован.

Партийных руководителей в Центре и на местах заботило другое — после отмены статьи 6 Конституции люди из партийной номенклатуры еще оставались де-факто у власти, так сказать, по инерции. Но без конца продолжаться это не могло. Сформировалась оппозиция, появились другие партии, наступавшие на «владения» партчиновников.

Все это порождало озлобленность против меня. 2 апреля в Ленинграде конференция Всесоюзного общества «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы» потребовала моей отставки с поста генсека. Ко мне на стол ложились десятки и сотни депеш от парткомов разного уровня, в ультимативной форме ставивших вопрос о неотложных мерах по спасению социалистического строя, вплоть до введения чрезвычайного положения. 22 апреля при обсуждении доклада Кабинета министров о выходе из кризиса депутаты, с подачи Павлова и при сочувствии Лукьянова, начали муссировать тему введения чрезвычайного положения в стране или в решающих секторах экономики. Снова мне пришлось вмешиваться и возвращать парламент к нормальной работе*.

Именно тогда президентский «мозговой центр» пришел к выводу о нарастании угрозы со стороны реваншистских сил. Единственным рациональным ответом на это было, если говорить несколько упрощенно, соглашение центристов с демократами. **Ново-огаревский процесс** был намного более сложным явлением. И начался он с моей встречи с Ельциным.

В результате длившейся почти весь день беседы мы передали в печать текст совместного обращения. Правда, уже на другой день Ельцин выступил на пресс-конференции, где попытался представить соглашение как свою победу. Ну что по этому поводу можно сказать? Коммюнике свидетельствовало о другом — о том, что достигнут разумный компромисс, способный создать основу для сотрудничества.

В связи с этим я принял решение форсировать подготовку Союзного договора, собрав для этой цели руководителей союзных республик. То, что позднее получило название «1+9», или в просторечии «десятка», было, мне казалось, эффективным способом завершения работы над договором. Причем отнюдь не за спиной и без ведома союзного и республиканских Верховных Советов.

10 апреля я собрал Совет безопасности. Проинформировал о состоявшемся накануне заседании Совета Федерации, обсудившем антикризисную программу, некоторые международные вопросы. Там-то и появилась идея о желательности проведения мной доверительной встречи с руководителями союзных республик.

Это был шаг к зарождению ново-огаревского процесса, позволившего приступить к реализации курса на «центризм». В те дни я не раз советовался со своим окружением и укреплялся в убеждении, что только механизм, отражающий **реальное соотношение политических сил**, обеспечит возможность реформ. А они, в свою очередь, будут содействовать объединительным тенденциям. В таком политическом механизме нуждались и антикризисная программа, и Союзный договор.

* Здесь, пожалуй, подходящий случай признаться и в других ошибочных кадровых назначениях, которые сыграли роковую роль. В первую очередь, это относится к Янаеву, которого я буквально навязал Съезду на должность вице-президента. Хочу сразу же отвести подозрение, будто Горбачев ориентировался на серость, на фоне которой сам выглядел бы более эффектно. Это ерунда. Среди моих соратников много талантливых людей. К уж чего-чего, а конкуренции я никогда не опасался. До сих пор не могу простить себе, что не пригляделся к Янаеву как следует, не прислушался к столь ясно выраженному мнению депутатов.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Не скрою, мои размышления в немалой мере стимулировались тем, что назначенная на 23 апреля встреча с руководителями девяти республик должна была пройти накануне пленума ЦК КПСС 24 апреля. Надо было определиться с программой действий и выйти с ней на пленум, вынудив критиков слева и справа публично занять позицию по отношению к тому, что было, по сути дела, программой национального спасения.

23 апреля встреча Президента с руководителями высших государственных органов России, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Туркмении и Таджикистана состоялась. Она была проведена недалеко от Москвы, в Ново-Огарево (почему потом и появилось выражение «ново-огаревский процесс»). Открывая встречу, я охарактеризовал сложившуюся обстановку как тяжелейшую. Для выхода из нее нужны неординарные, согласованные эффективные действия. Надо отложить в сторону расхождения, касающиеся в общем-то частных вопросов, и тем более личные симпатии и антипатии. Поставить выше всего интересы страны. Таков наш долг, таково бремя ответственности. Сейчас важно сформулировать документ — краткий, понятный людям, которые увидели бы, что руководители намерены действовать решительно и согласованно. Это сразу успокоит общество, разрядит грозную атмосферу.

После обмена мнениями все участники встречи поддержали предложенную идею. Сразу же был разработан и принят общий документ — «Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса». Главным средством стабилизации объявлялось скорейшее заключение Союзного договора. Указано, что государства, объединенные в Союз, предоставляют друг другу режим наибольшего благоприятствования, а с остальными республиками будут строить отношения на основе общепринятых международных правил. Подтверждалось намерение продолжать реформы. Президент СССР и главы республик призвали трудящихся прекратить забастовки, а все политические силы — действовать в рамках Конституции.

Перед пленумом ЦК организаторы сформировавшейся в КПСС оппозиции усилили наступление. 16 апреля в Смоленске собрались партработники из городов-героев. Участвовали в основном первые и вторые секретари партийных организаций Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Бреста, Керчи, Мурманска, Новороссийска, Одессы, Севастополя, Смоленска, Тулы. Официальный повод — подготовка к 50-летию начала Великой Отечественной войны. На самом деле организаторы встречи использовали ее для мобилизации сил в поддержку требований об отставке Горбачева.

Накануне пленума вопрос об отставке генсека вышел на поверхность на пленумах Московского городского и Ленинградского областных комитетов КПСС. Примечательно, что эти требования смыкались с призывами лидеров «ДемРоссии».

Та часть Политбюро, которая пыталась использовать генсека для введения чрезвычайного положения и восстановления диктата КПСС, знала об этих инициативах, если не сказать большего.

Короче, ретроградные силы в КПСС решили превратить апрельский пленум в своего рода разбор персонального дела генсека и предъявить мне ультиматум. Был изготовлен даже проект постановления о положении в стране, в котором, по сути дела, выносился «смертный приговор» курсу реформ и отвергалась антикризисная программа правительства, уже принятая Верховным Советом СССР.

Зная обо всем, я решил сразу внести ясность, дать оппонентам понять, что капитуляции от меня им не дожидаться, что защищать взятый курс буду бескомпромиссно. Открывая Пленум, я сказал: «Не только на словах, но и на деле предпринимаются попытки сбить страну с пути реформ, либо бросив ее в еще одну ультрареволюционаристскую авантюру, грозящую разрушить нашу государственность, либо вернуть в прошлое, к чуть подкрашенному тоталитарному режиму. Думаю, не надо объяснять, что имеются в виду планы левых и правых радикалов. Оба эти направления —

губительны. И самая большая опасность нынешнего момента в том, что они сейчас сошлись, несмотря на, казалось бы, непримиримую взаимную враждебность».

Ошеломляющее впечатление произвела публикация Ново-огаревского заявления. Рвущихся в бой, вероятно, попридержало и мое вступительное слово. Но ненадолго. Ночью, видимо, они держали совет, и на другой день обойма ораторов, распавшая зал, надела на генсека. Особенно грубо выступил Гуренко, заявивший: «Со страной сделали то, что не смогли сделать враги». Он потребовал «законодательно закрепить за КПСС статус правящей партии», восстановить прежнюю систему расстановки руководящих кадров, контроль партии над средствами массовой информации. Трудно было поверить, что можно в такой степени оторваться от жизни.

Не отставали от него Прокофьев, Гидаспов, Малофеев (первый секретарь компартии Белоруссии). Последний прямо потребовал от Президента ввести чрезвычайное положение. Собственно говоря, к этому вели и другие: пусть он, Президент, либо вводит «ЧП», либо уходит. После самого развязного из таких выступлений — кажется, это был Зайцев из Кузбасса — я взял слово и сказал: хватит демагогии, ухожу в отставку.

У меня спрашивали: решил я так под влиянием раздражения, вызванного нападками, или это заранее обдуманый шаг? Как ни странно, в какой-то мере верно и то и другое. Конечно, не обошлось без эмоций, возникло желание сразу же покончить с этой бузой. А с другой стороны, повлияло и то, что я заранее не исключал такой развязки. Что ж, подумалось тогда, вероятно, настал «момент истины».

Во время перерыва собралось Политбюро. Меня стали уговаривать взять заявление обратно. Я отказался и ушел в свой кабинет. В Политбюро продолжались дебаты. А тем временем в зале вокруг Вольского, Лациса, Бакатина, Грачева стали собираться члены ЦК, решительно возражавшие против отставки Горбачева. Таких набралось, кажется, 72 человека. Они составили заявление, в котором утверждали, что ЦК в данном составе не в состоянии руководить партией, и требовали созвать срочно съезд КПСС.

Спустя полтора часа по предложению Политбюро Пленум большинством голосов (13 «против» и 14 воздержавшихся) снял с рассмотрения вопрос о моей отставке. Обстановка несколько разрядилась. Пожалуй, наиболее верную оценку происшедшего дал в своем выступлении Назарбаев: «Мы имеем дело с попыткой похоронить идею обновления общества и государства, вернуть нас к командной системе, тоталитарному строю».

Постановление Пленум принял сбалансированное. В заключительном слове я сказал, что диалог по вопросам теории и политики партии еще предстоит в связи с обсуждением проекта партийной программы. Партия должна меняться вместе с обществом, если хочет сохранить влияние на него, а общество живет уже по-иному, в условиях укрепляющейся демократии. Оценить это правильно многим партийным работникам мешает ностальгия по монополии КПСС на власть. Понятны и трудности, которые переживают партийные организации. Но это не основание затевать вселенскую драку. Оптимальная линия — политический центризм, ставка на интересы большинства. Партия должна сосредоточиться на реализации антикризисной программы, так она может завоевать авторитет у народа. И в заключение я призвал со всей ответственностью отнестись к Ново-огаревскому заявлению руководителей Союза и девяти республик.

Так провалилась попытка заставить меня отступить от реформ. Не строю иллюзий. Многие из членов ЦК проголосовали против моей отставки не из симпатии ко мне. Будучи прагматиками, они сознавали, что партия в таком случае лишит себя окончательно возможности влиять на политику. Но все чаще я задумываюсь: а не лучше ли было мне уже тогда уйти? Вероятно, лично для меня такое решение было предпочтительнее. Но я не считал себя вправе уже тогда «бросить партию» и, видимо, допустил ошибку.

ЦЕЛЬ БЛИЗКА

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Попытки партийной номенклатуры сорвать демократические преобразования вызывали разочарование в массе коммунистов. В 1990 году из партии ушло почти 2,5 миллионов человек. А по состоянию на 1 июля 1991 года в КПСС числилось 15 миллионов членов. То есть за полтора года партия сократилась более чем на 4 миллиона (22 процента). Более половины вышедших из КПСС делали это по идеологическим соображениям. И каждый четвертый говорил о нежелании оставаться в одних рядах с недостойными людьми, прямо указывая на партчиновников.

Сознавая свою ответственность перед миллионами коммунистов, я считал необходимым форсировать принятие новой Программы КПСС. Съездовская комиссия, сидевшая несколько месяцев в Волынском, представила уже пять вариантов, но все они оставались в рамках изживших себя идей и принципов. Тогда в работу включился я сам и мои помощники. Итогом стал документ, вынесенный на июльский Пленум ЦК 1991 года.

Проект Программы опубликовали во второй половине июля, а 25-го собрался Пленум.

Из множества вопросов программного значения я выделил один, на котором, можно сказать, спотыкались многие поколения сторонников социализма, — **соотношение социализма и рынка:**

— В прошлом эти понятия считались у нас несовместимыми на том основании, что рыночные отношения противоречат распределению по труду и на них якобы основана эксплуатация человека человеком. В действительности рынок сам по себе не определяет характера производственных отношений, он был и остается с древнейших времен единственным механизмом, позволяющим объективно и в какой-то мере без вмешательства бюрократии измерить трудовой вклад каждого производителя.

...Рыночная экономика позволит стране стать органичной частью мирового хозяйства. Для этого нужно иметь общие правила предпринимательской деятельности, свободу обмена товарами, устойчивую валюту, а главное — правовое государство и гражданское общество. Только обеспечив все эти условия, мы сможем занять достойное место в мировом разделении труда.

.. Давно уже настало время признать, что эпоха, когда у народных масс не оставалось иного средства поправить свое положение как штурмом Бастилии или Зимнего дворца, ушла в прошлое. Я предложил созвать следующий съезд в ноябре-декабре 1991 года и принять на нем новую Программу партии.

Дискуссия была острой, жесткой. Но как бы то ни было, Пленум поручил редколлегии доработать проект, что она и сделала без серьезных потерь. Заканчивая работу Пленума, я сказал о необходимости проявлять широту взглядов и терпимость к инакомыслящим. Общество не хочет конфронтации, оно вздохнуло с облегчением, когда разнесся призыв поставить **выше всех партийных споров интересы народа**, Отечества, государства. Улавливая эту общую тенденцию, важно овладевать курсом реформ, цивилизованным подходом к политике.

На фоне этих событий большой неприятностью явился скандал, спровоцированный Павловым и «силовыми» министрами на сессии Верховного Совета 17 июня. Премьер заявил, что у Кабинета нет прав оперативно решать различные вопросы. Это относится к таким насущным проблемам, как уборка урожая и формирование программы на 1992 год. Павлов попросил предоставить Кабинету министров право законодательной инициативы и более широкие полномочия.

Страсти еще более накалились после выступления председателя планово-бюджетной комиссии Кучеренко, выдержанного в драматических тонах. Этого как будто и ждали ястребы из группы «Союз». На трибуну один за другим стали подниматься Алкснис, Блохин, Коган, Чехов, Сухов. Они почувствовали, что можно вновь поставить старую

пластинку, которую не доиграли на осенней сессии Верховного Совета и III Съезде народных депутатов, что можно поспекулировать на противопоставлении премьер-министра и Президента.

Подлило масла в огонь и замечание Лукьянова, что «надо отделить оперативно-распорядительную деятельность Кабинета министров от деятельности самого президента, его указов». Тут был уже не намек, а прямое согласие с тем, что Верховный Совет вправе лишить Президента части полномочий.

Обсуждение перекинулось в «большую политику» — потребовали заслушать руководителей министерств обороны, внутренних дел и КГБ, сославшись... на предварительную договоренность! И когда в 16 часов началось закрытое заседание, министры, особенно Крючков, вышли с развернутыми, **заранее подготовленными выступлениями**. Именно тогда КГБ запустил в оборот термин «агенты влияния», пугая депутатов массивированным давлением со стороны западных спецслужб. В таком же алармистском стиле, с требованием предоставить им более широкие, даже чрезвычайные полномочия выступили министр внутренних дел Пуго и министр обороны Язов.

Только два года спустя из статьи Г. Попова стало известно о его встрече с американским послом Мэтлоком и передаче через него — вроде бы для Ельцина, находившегося в то время в США, — информации о начавшемся заговоре реакционных сил в Москве. Конечно, информация предназначалась Бушу, который, по мнению Попова, и предотвратил заговор. Что можно сказать по этому поводу? Г. Попов таким образом хотел себя представить в роли спасителя, что не соответствовало истине.

На том злополучном заседании Верховного Совета 17 июня меня не было. С утра я участвовал в работе Учредительного съезда Крестьянского союза. Во второй половине дня проводил заседание Подготовительного комитета, на котором предполагалось подписание проекта Союзного договора для передачи его в Верховный Совет СССР и верховные советы республик.

Вечером у меня состоялся крутой разговор с Янаевым, Павловым и Лукьяновым по поводу каши, которую они заварили. Павлов признал ошибку, объясняя свое поведение тем, что, дескать, вопросы эти он не раз поднимал в разговоре со мной, что взвинчен развалом экономики, бюджета, что все ускользает из рук, — хотя в докладе уверял, что правительство контролирует положение. Янаеву я указал на его пассивность на Верховном Совете. Ознакомление со стенограммой сделало для меня ясным, что Лукьянов вел **двойную игру**.

21 июня, когда Верховный Совет собрался на очередное заседание, я выступил с «разгромным» (как потом говорили) отпором ораторам 17-го числа.

Как же все-таки оценить то, что произошло в Верховном Совете СССР между 11 и 21 июня? Несомненно, это была новая атака на Президента со стороны реваншистских сил. Во всем видна была скоординированность их действий. Но «разведка боем» провалилась.

Тем не менее варианты Союзного договора продолжали обсуждаться и в правительстве. От премьера Павлова и руководителей министерств и ведомств поступали замечания. Конечно, не все предложения принимались, но в целом против Договора никто не высказывался.

Точно так же обстояло дело и с политическими движениями. Ни одна солидная группировка не выступала — по крайней мере, открыто — с осуждением проекта. Многие связывали с Договором надежду на нормализацию политической ситуации. Что касается КПСС, то проект неоднократно обсуждался в Политбюро. Последний его вариант был рассмотрен на Пленуме 25-26 июля и получил принципиальное одобрение.

10 июля на торжественном заседании Верховного Совета РСФСР состоялась инаугурация Ельцина. С моей стороны была проявлена полная лояльность. Думалось, что, достигнув цели, Президент России и его команда займутся управлением республикой, отложат разрушительные амбициозные планы.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

В июле же началась реализация антикризисной программы. Много с ней маялись — уж слишком ответственным было это решение. Много слышали хулы — и от тех, кто цеплялся за прежнюю хозяйственную систему, и от тех, кто рвался ее в одночасье обрушить. Но в конечном счете выработали все-таки вариант, одобренный республиками. И он стал не только программой Кабинета, но и правительств союзных республик.

Давно замечено, что в переломные моменты истории время конденсируется, сжимается. Месяцы, недели, даже дни по их значению и последствиям становятся равными иным столетиям. Такой стала у нас вторая половина 1991 года. А пружиной действия — борьба вокруг трех вопросов.

Это — целостность страны и судьба союзного государства: быть ему и дальше или распасться.

Это — судьба перестройки, экономических и политических реформ, начатых в 1985 году: найдут ли они продолжение? Если да, то какую цену придется заплатить за переход к более эффективной системе.

Это — власть: кому, каким социальным силам, партиям, лидерам предстоит встать у руля на новом этапе нашей истории?

В итоге всего пережитого к исходу июля удалось вплотную приблизиться к рациональному решению этих коренных вопросов.

Я далек от намерения утверждать, что мы подошли к решению на все времена. Но в соответствии с проектом Союзного договора судьбоносная для страны проблема решалась оптимальным образом, позволявшим избежать конфликтов и вносить изменения правовым путем, а не силой оружия.

ВЫХОД НА «СЕМЕРКУ»

Здесь уместно сказать о том, как свою антикризисную программу мы хотели вписать в контекст постепенного включения своего народного хозяйства в мировую экономику. Конкретно речь идет об установлении связей с «большой семеркой».

Перестройка внутри требовала отказа от автаркии, которой так или иначе была подвержена советская экономика. Об этом я говорил на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1988 года, затем в беседе 18 января 89-го с представителями «Трехсторонней комиссии», готовившей доклад об отношениях между Востоком и Западом (Д. Рокфеллер, В. Жискард д'Эстен, Я. Накасонэ, Г. Киссинджер).

Я обратился с письмом к президенту Миттерану. Зная о том, что на очередной ежегодной встрече «семерки» в Хьюстоне (США) главной темой будет положение в СССР и странах Восточной Европы, я направил послание участникам встречи. Осенью 1990 года в беседах с представителями Запада я постоянно подчеркивал: преодоление кризиса, реформа экономики — это наша задача, и никто не решит ее за нас. Но в создании у нас здоровой экономики заинтересован и Запад. Мне возражали: реформа в СССР идет недостаточно быстро, экономика еще недостаточно «рыночна», а это, мол, сужает возможности встречного движения со стороны Запада.

На эту тему у меня был очень откровенный разговор с Бейкером 15 марта 1991 года в Москве.

К весне 91-го идея приглашения Президента СССР на «семерку» в Лондон получила поддержку Коля, Миттерана, Андреотти. Благоприятно отнесся к ней и Мейджор, к которому с 1 июля переходило председательство в «семерке». Активно поддержала Тэтчер, когда мы встретились в Москве в конце мая.

Ситуация была непростой, особенно из-за позиции США. Но в первой декаде мая британские газеты сообщили о желании Мейджора пригласить Горбачева в Лондон. Большой резонанс вызвало и мое выступление 5 июня в Осло с Нобелевской лекцией,

где, в частности, было прямо сказано о необходимости разговора на «семерке». И уже в середине июня я получил формальное приглашение на лондонский саммит.

Но подготовку к нему мы начали заранее. В середине мая на Совете безопасности СССР, когда обсуждалась записка Кабинета министров о вступлении в Международный валютный фонд, я поднял вопрос о возможном участии в лондонской «семерке». Со мной согласились.

В конце мая я подписал распоряжение о подготовке материалов к лондонской встрече. Координацию поручили Медведеву, привлекли специалистов и ученых: Аганбегяна, Абалкина, Примакова, Ситаряна, Яременко, Ясина, Кокوشина, Обминского, Ожерельева, Геращенко, Московского, министров финансов СССР и РСФСР Орлова и Лазарева, зам. министра экономики Грибова. Для отдельных консультаций приглашались Федоров, Гайдар и др.

Рабочей группой в Вольнском были также учтены программы «Согласие на шанс» Аллисона-Явлинского, предложения Жака Аттали (Европейский банк реконструкции и развития), Брукингского института (США), Института экономических исследований (Германия), Института международных отношений (Франция), Королевского института международных отношений (Великобритания), исследовательского института «Комура» (Япония).

Результаты работы были представлены для рассмотрения руководителям республик на совещании в Ново-Огарево 8 июля. Оно прошло в обстановке взаимопонимания. Опасения насчет того, что Горбачеву на лондонской встрече будут предъявлены неприемлемые жесткие требования, были сняты. Все руководители республик, начиная с Ельцина, поддержали мою позицию, и Президент СССР получил мандат на встречу.

Послание лидерам «семерки» с приложениями я направил 11 июля.

Буквально накануне встречи я получил письмо от Буша:

— Я хочу подчеркнуть, — писал он, — что мои коллеги по «семерке» и я едины в желании увидеть успех реформ в Советском Союзе. Внедрение рынка, демократизация не только в ваших интересах, но и в интересах всего мира... Мы также знаем, что судьбу реформ определяют не посторонние, а сами советские люди... ...Одновременно я хочу начать расширять наши взаимные усилия для достижения прогресса в конкретных секторах, где вы можете довольно быстро и отчетливо продемонстрировать результаты. Я знаю, насколько важно иметь некоторые доказательства успеха в самом начале.

Министр сельского хозяйства Эд Мэдиган продолжает работу, начатую миссией по вопросам продовольствия, которую я посылал к вам в мае. Мы работаем с вашими людьми, выбирая подходящее время для визита заместителя министра Дональда Этвуда с группой наших ведущих специалистов в области оборонной промышленности... Этим летом мы направили несколько групп для работы с правительственными и хозяйственными деятелями вашего сектора энергетики, для того чтобы помочь вам разработать стратегию для привлечения капиталовложений в энергетику.

В предстоящие месяцы я буду работать вместе с Вами, чтобы найти другие области, где мы можем помочь, и я надеюсь на Ваши предложения о том, где мы можем сказать свое слово. Михаил, я с нетерпением жду нашей встречи в Лондоне. Таково, с большим подтекстом, даже элементами нажима, письмо Буша. За ним просматривалась особая позиция администрации США, и это проявилось на лондонской встрече. С учетом сомнений лидеров некоторых стран «семерки» мое участие мыслилось как специальная встреча, проводимая как бы за пределами главного заседания. Я не стал придавать значения этой «детали», понимая, что формула «7+1» и без превращения ее в «восьмерку» будет доминантой лондонской встречи. Так оно и произошло.

Мы прибыли в Лондон 16 июля.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Утром 17 июля я беседовал с Бушем. С президентом США мы окончательно согласовали договор по СНВ. Потом в знаменитом Ланкастер Хауз состоялась торжественная встреча с «большой семеркой».

Открывая встречу, меня приветствовал Мейджор. Он назвал встречу исторической, сказав, что мое послание было изучено. Но есть вопросы, по которым ждут пояснений: о планах приватизации и либерализации экономики, путях решения проблем бюджетного дефицита, цен; о проблеме финансов в отношениях между Центром и республиками; об особенностях нашего будущего рынка.

Свое выступление я начал с того, что назвал лондонскую встречу символом происходящих перемен в международных отношениях. То, что было немислимо еще два-три года назад, теперь стало совершенно естественным и логичным.

Наша концепция включения страны в мировую экономику исходит из необходимости радикальных перемен в СССР и встречных шагов со стороны Запада. Раскрывая формулу «нового качества» экономического сотрудничества, я привлек внимание к пакету предложений по конкретным программам. По ходу выступления фактически ответил на заданные мне вопросы.

Развернулось обсуждение, временами острое, но, безусловно, деловое и доброжелательное.

Я поблагодарил всех участников встречи за атмосферу, в которой она происходила, — очень открытую и в то же время ответственную и заинтересованную. В заключение отметил: важно, что мы скажем миру о нашем диалоге. Это была действительно совместная мозговая атака. Мы здесь думали вместе, и, я считаю, прорывы налицо.

Подводя итоги встречи, Мейджор сказал:

- Это был откровенный, непринужденный разговор, а не набор формальных речей. Задавались непростые вопросы, на которые были даны ответы. В итоге разговора у нас у всех есть единое намерение **работать вместе**, чтобы содействовать интеграции Советского Союза в мировую экономику.

Достигнутые договоренности были сформулированы Мейджором в следующих пунктах:

- Мы договорились о желательности предоставления Советскому Союзу **особого ассоциированного статуса** в международных экономических организациях (МВФ и Всемирный банк) в качестве шага к интеграции в эти структуры.
 - Мы просим **все международные экономические организации** наладить тесное сотрудничество с Советским Союзом и предоставлять ему консультативную и экспертную помощь в переходе к рыночной экономике.
- Мы намерены оказывать Советскому Союзу различную техническую помощь и интенсифицировать сотрудничество в осуществлении **проектов** в области **энергетики, конверсии, продовольствия, транспорта**.
- Отдавая отчет в том, что, как отметил Президент Горбачев, произошло разрушение экономических связей между Советским Союзом и его соседями, мы будем содействовать восстановлению этих связей, доступу на советский рынок товаров и услуг из этих стран.
- Данная встреча **не является одноразовым** событием. Мы создадим своего рода механизм, в рамках которого председатель от имени «семерки» будет поддерживать тесный контакт с советской стороной. При этом участники считают целесообразным, чтобы до конца года я в качестве председателя посетил Советский Союз и затем доложил «семерке» о том, как идут дела. — И наконец, мы договорились о том, что в нынешнем году наши министры финансов и малого бизнеса посетят Советский Союз и обсудят вопросы, связанные с экономическими преобразованиями в СССР...

На следующий день у нас состоялись обстоятельные беседы с премьер-министром. Мейджор предложил направить в Москву британского министра финансов Н. Лэмонта. Подтвердил также, что намерен сам в качестве координатора приехать в Москву до конца года.

Итак, к августу 1991-го начался **демонтаж барьеров** на пути нашей интеграции в мировую экономику.

ДЖОРДЖ БУШ В МОСКВЕ

В конце июля в СССР прибыл президент Соединенных Штатов с ответным визитом. Мы должны были подписать договор об СНВ. Встреч было несколько: одна утром 30 июля, потом переговоры в расширенном составе, обмен мнениями в ходе рабочего завтрака и беседа в Ново-Огарево 31 июля. Все эти встречи отличала высокая степень взаимного доверия и взаимопонимания.

Наиболее важной была беседа в Ново-Огарево в неофициальной обстановке, «без галстуков», без протокола. В беседе этой, которая заняла первую половину дня, участвовали только Бессмертных и Черняев, Бейкер и Скоукрофт.

Для меня главным было обсудить перспективы формирования системы всеобщей безопасности. Я отметил приобретения — результат совместных усилий по изменению всей международной ситуации к лучшему. Теперь пора было думать и о **новой концепции стратегической стабильности**. В прошлом это понятие сводилось в основном к военному аспекту. Теперь следовало бы включить в это понятие компоненты политической и экономической стабильности. Особенно в условиях, когда все больше сказывается дестабилизирующее воздействие на мир межнациональных, а в ряде случаев и религиозных конфликтов.

Мы вызвали своими действиями крупные перемены, сказал я, и хотим, чтобы они продолжались. Однако существует проблема — как удержать этот процесс в мирных, легальных рамках, не допустить, чтобы его захлестнула стихия, чреватая хаосом и внутри, и вовне государств.

Другой момент — появление влиятельных центров силы наряду с двумя ядерными сверхдержавами: достаточно бросить взгляд на европейский континент. Геополитический фактор Китая и Индии будет нарастать. Вместе — это два миллиарда человек. Древнейшие народы, в которых проснулась воля проложить себе свой путь... В АТР большие перемены могут быть связаны с тем, что Япония не будет довольствоваться ролью только великой экономической державы.

Я назвал также проблему ресурсов, окружающей среды, демографические процессы. Все они, хотя и в разной степени, порождают вопрос: какую роль сыграют наши страны в новых обстоятельствах.

Буш счел важным еще раз заявить, что США хотели бы видеть Советский Союз сильным, экономически крепким, способным к коренным изменениям в демократическом духе. Обратившись к проблеме Европы, он сказал:

«Наш выбор — сохранить свою вовлеченность в Европе. Мы и впредь будем поддерживать процесс СБСЕ, разумеется, с участием СССР».

Говоря о перспективах советско-американских отношений, Буш подтвердил, что выбор его администрации — «поддержка политики Горбачева», несмотря на давление, которое оказывают на него дома.

В связи с предстоящим его визитом в Киев Буш заверил меня: ни он, ни кто-либо из сопровождавших его лиц не допустят ничего такого, что могло бы быть понято как

11 августа, за несколько дней до отъезда на отдых в Крым, я принял министра финансов Великобритании Н. Лэмонта. Он выразил надежду, что начатое в Лондоне будет продолжено и приведет к интеграции СССР в мировую экономическую систему, подчеркнул значение политического урегулирования в Союзе для осуществления экономических и финансовых программ.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

поддержка сепаратистских тенденций. Например, Ландсбергис активно добивался того, чтобы по пути домой Буш «заехал» в Вильнюс. Он не станет этого делать. Вместе с тем, на его, Буша, взгляд, лучше всего, если бы мы нашли возможность отпустить на волю прибалтийские республики.

Как и во время предыдущих встреч, важное место заняли экономические проблемы.

Я поставил перед Бушем вопрос, как обойти «испытательный срок» при вступлении СССР в Международный валютный фонд. Нам важно воспользоваться его услугами именно сейчас. Из его рассуждений я понял, что на серьезную поддержку со стороны США рассчитывать не следует: не все от них (США) тут зависит. Сошлись на том, что обсуждение всех этих вопросов продолжим на уровне министров финансов.

Обсуждая тему дальнейшего демонтажа сверхвооружений, согласились возобновить 30 сентября 1991 года переговоры по проблеме ПРО и космоса, провести встречу экспертов по биологическому оружию; поддержали создание двух рабочих групп — по проблемам сдерживания, предсказуемости и стабильности не только с военной точки зрения, но и в связи с ситуацией в регионах, чреватых потенциальными конфликтами. По вопросу нераспространения оружия массового уничтожения и соответствующих технологий подтвердили обоюдную решимость завершить работу над конвенцией о ликвидации химического оружия.

Министры проинформировали нас о текущей работе в области ограничения вооружений: возобновлении переговоров по «открытому небу»; интенсификации переговоров «Вена-1 А», с тем чтобы завершить их до марта 1992 года, т.е. до совещания «Хельсинки-2».

Детальному обсуждению подверглось в Ново-Огарево положение на Ближнем Востоке. Ближайшей целью наших усилий было обеспечить созыв мирной конференции. Я сообщил, что мы готовы возобновить дипломатические отношения с Израилем, как только договоримся о начале международной конференции. Можете, сказал я Бушу, передать это израильтянам.

Серьезный разговор был о Югославии.

Поскольку эта проблема должна была получить отражение в официальном документе, я предложил найти формулировки, из которых было бы ясно, что единственным путем решения межнациональных проблем должен стать конституционный процесс, и которые содержали бы ссылку на принципы СБСЕ, предполагающие нерушимость межгосударственных границ. Буш, в принципе, не возражал. Тем не менее некоторые из его высказываний, как мне показалось, свидетельствовали о том, что среди западноевропейцев набирают влияние силы, взявшие курс на перекройку карты Европы, и что они оказывают давление на президента США.

В Кремле нас ждала церемония подписания Договора по стратегическим наступательным вооружениям, вынашивавшегося более девяти лет. Подписание состоялось во Владимирском зале. Выступая, Буш, в частности, сказал: «Мы скрепляем тем самым создающиеся между нашими странами новые возможности, которые обещают дальнейшее продвижение на пути обеспечения прочного мира».

Вспоминаю сейчас об этом визите президента США с некоторой горечью. Думали о будущем. И не предполагали, что произойдет всего через три недели. Говоря о множестве актуальных проблем, мы вместе с тем как бы подводили итог пройденного пути. Эти годы вывели мировую политику на принципиально новый исторический рубеж, когда она стала вершиться как общая политика держав, совсем недавно считавших себя смертельными врагами и в этой своей вражде готовых столкнуть весь мир к катастрофе. В этом смысле встречу президентов СССР и США в Ново-Огарево 31 июля 1991 года можно считать «звездным часом» нового мышления и соответствующей ему внешней политики.

Когда мы с Бушем, прощаясь у выхода из Кремлевского дворца, пожимали друг другу руки, наступил уже август — трагический август 91-го.

Все, казалось, «сошлось» в июле 1991-го. Как бы завершили путь, пройденный с апреля 1985-го. Складывались предпосылки, чтобы вытащить страну из кризиса и продвинуть демократические преобразования. Поэтому 4 августа я уехал в отпуск, не сомневаясь в том, что через две недели в Москве будет подписан Союзный договор.

Но я продолжал держать в поле зрения работу по подготовке акта подписания Договора.

Продолжались нападки на Договор слева и справа. С одной стороны, Президента страны обвиняли в том, что он, подписывая такой Договор, делает уступку сепаратистам. С другой — не менее яростные атаки велись на Президента России за согласие подписать Договор, который якобы сохранял всеилие Центра и «господство коммунистической номенклатуры». Особенно активны были Ю. Афанасьев, Е. Боннэр, другие.

Разговаривая с Ельциным 14 августа по телефону, я почувствовал его неуверенность. Он спросил, вижу ли я, каким атакам он подвергается. Не меньшим нападкам подвергаюсь и я, сказал ему в ответ. И если недовольны и крайне правые, и крайне левые, то это свидетельствует, что мы стоим на правильном пути. Завершая, я сказал:

— Борис Николаевич, мы не должны ни на шаг отступить от согласованных позиций, с какой бы стороны их ни атаковали. Нужно сохранять хладнокровие и продолжать подготовку к подписанию.

В общем, мы попрощались на хорошей ноте. Хотя у меня не ушло ощущение, что Ельцин чего-то не договаривает.

Это потом стало известно, что некоторые ближайшие соратники Ельцина действительно «наседали» на него, готовили какие-то условия для согласия на подпись под Договором. Во всяком случае, на одном из мероприятий еженедельника «Московские новости» Старовойтова в кругу единомышленников «раскрыла секрет»: Президент России вряд ли подписал бы Договор в таком виде, как намечалось на 20 августа.

Но все это запоздалые суждения. Тогда у меня была уверенность, что Договор подпишем. Попытаться сорвать этот акт, зная позицию народа, выраженную на референдуме, — значило пойти на слишком большой риск. Другое дело, что сейчас, на «временной» дистанции, можно сказать, что Ельцин обдумывал такой вариант. На протяжении нескольких месяцев — об этом рассказал Назарбаев — Ельцин вел закулисные разговоры об альтернативном соглашении «четверки» — России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Разговоры то затухали, то возобновлялись — эта идея, видимо, не покидала российского Президента, и не только его.

Впрочем, можно лишь гадать, как действовал бы Ельцин. Я склоняюсь к тому, что чутье предостерегало его от срыва подписания Договора. Что же касается оговорок, попытки таким путем затормозить вступление его в силу, — этого исключать нельзя.

ПУТЧ

Что подтолкнуло людей, которые остались в истории как путчисты, на явную авантюру?

30 июля я встретался в Ново-Огарево с Ельциным и Назарбаевым. Мы решили перед моим отъездом в отпуск обсудить некоторые шаги, которые, видимо, придется сделать после подписания Союзного договора. Уже была назначена дата его подписания. По мнению Ельцина и Назарбаева, раз мы вышли на проект Союзного договора, а он содержит в себе конституционные нормы, в том числе порядок избрания союзного президента, то сразу после подписания надо провести выборы. С их предложением я согласился. Тогда они подняли другой вопрос (наверное, между собой условились): рекомендовать на пост президента Горбачева. А в связи с этим, мол, просим вас снять свои заявления о том, что вы не претендуете на пост президента в обновленном Союзе... Вы. мол. этим нам угрожаете. шантажируете.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Это была реакция на мое заявление в ходе обсуждения проекта Союзного договора: если руководители республик считают, что, борясь за сохранение Союза и союзного центра, я тяну на себя, то я готов подписать бумагу, что не буду участвовать в выборах. Для меня важнее Союз, а не собственный интерес. Доказательство тому: я же сам реформировал крупнейшую власть генсека, добился разделения властей, свободных выборов. Это и есть Горбачев. Я готов не участвовать в выборах, лишь бы, как говорится в песне, «жила бы страна родная».

Ельцин и Назарбаев были за приведение структуры союзных органов в соответствие с новым Договором не мешкая, ибо дезинтеграционные процессы в обществе опасно нарастают. Договорились все это обсудить с руководителями других республик.

Перешли к вопросу о кадрах, какие тут возможны изменения после заключения Союзного договора. Договорились о том, что нужен новый председатель правительства: Павлов оказался неудачным. Нужно менять Крючкова и министра обороны: они в возрасте и могут пойти на «заслуженный отдых». Возник разговор о Назарбаеве, чтобы его сделать премьером. Назарбаев сказал: я пойду только в том случае, если это будет реальная работа, а не просто так, в качестве мальчика для битья.

Разговор шел серьезный. Ельцин все время выбегал: не слушает ли кто? У него чутье, как сказал один из бывших послов США: «Он обладает инстинктом животного, которое очень хорошо чувствует опасность». Спрашиваю его: «Что ты мечтаешь, Борис Николаевич?». Он отвечает: «Ну, мы ведь о таких вещах говорим». И он был прав. Мы просидели целый день. И все это было записано по указанию Крючкова - председателя КГБ.

Я знаю возможности спецслужб и уверен: такая запись сохранилась. Но то, что эти люди пошли на ГКЧП, есть следствие не только записи нашего разговора. Это результат и того, что в открытой политической борьбе у них это не получилось. Хотя попыток было много. Когда же они увидели эту запись и узнали, что речь идет о том, что у Павлова нет перспективы, что у Крючкова, Язова и других завершается карьера, они и пошли на сговор. Крючков предъявил эту пленку, и они решили действовать. До этого ему было трудно спровоцировать других. А тут появился такой вот «материал». Ни о какой заботе о Союзе речь не шла. Союз мог быть сохранен только тем новым договором, который мы готовились подписать. Их волновали только шкурные интересы. Заявления гэкачепистов, будто ими двигало патриотическое чувство, — демагогия. Не скажу, что им была безразлична судьба государства. Но они отождествляли его с прежней системой, а действовали, дабы сохранить за собой «посты».

Информация, поступившая ко мне в Крым, носила все более тревожный характер. Меня не покидало ощущение, что надо возвращаться в Москву. Поэтому я торопил всех, кто был связан с подготовкой подписания Договора. Уже был заказан самолет. Шахназарову, который отдыхал в санатории «Южный», рядом с Форосом, я высказал 18-го свои последние пожелания. Это был последний мой разговор по телефону. Связь отключили. Я обнаружил это без десяти пять вечера, а наш разговор с Шахназаровым, как зафиксировано, закончился в 16:32.

Около пяти часов мне вдруг сообщили, что в «Зарю» (моя резиденция) прибыли Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников, Плеханов. Я удивился и сказал озадаченному начальнику охраны, что никого не приглашал. Оказывается, стража пропустила визитеров, поскольку с ними были Плеханов и Болдин, т.е. главный начальник «девятки» — всех служб охраны Кремля и правительства и зав. Общим отделом ЦК, фактически начальник президентской администрации. В других случаях без моей санкции никаких непрошенных визитеров дальше ворот не пустили бы.

Я решил связаться с Москвой, переговорить с Крючковым, и вот тут-то и обнаружил, что все телефоны, в том числе стратегический, отключены, даже аппарат городской АТС. Я вышел на веранду, где Раиса Максимовна читала газеты, журналы, и сказал, что на даче появились незваные гости и непонятно зачем. Все это серьезно...

Визитеры вели себя бесцеремонно. Пригласив их в кабинет, я спросил, с чем явились. Бакланов сообщил, что создан Комитет по чрезвычайному положению. Страна катится к катастрофе, другие меры не спасут, и я должен подписать указ о введении чрезвычайного положения. То есть, по сути, приехали с ультиматумом.

Бакланов перечислил состав ГКЧП, причем назвал в числе его членов Лукьянова. Сказал, что Ельцин арестован, хотя тут же поправился: будет арестован по пути из Алматы в Москву. Заговорщики явно хотели таким способом дать мне понять, что все уже у них в руках.

Я категорически отверг все их домогательства.

«Не хотите сами подписывать указ о введении чрезвычайного положения, передайте свои полномочия Янаеву, — предложил Бакланов. И добавил: — Отдохните, мы сделаем "грязную работу", а потом вы сможете вернуться». «Или подайте в отставку», — добавил Варенников. И это произнес генерал Президенту страны, Верховному Главнокомандующему Вооруженных Сил. За одну эту фразу он подлежал военному суду.

— Не рассчитывайте. Вы — преступники и ответите за свою авантюру!

На этом разговор закончился. Когда они уходили, не сдержался и обругал их «порусски».

Нередко мне задавался вопрос: почему Горбачев не задержал их, у него ведь была вооруженная охрана?

Прежде всего, я рассчитывал, что мой отказ принять ультиматум отрезвит зачинщиков заговора. Не раз я удерживал людей от опрометчивых шагов, и оставалась надежда, что и на сей раз моя твердая позиция окажет свое воздействие. Кроме того, попытка задержать их была безнадежна. Заговорщики предусмотрели, казалось, все. В Форосе наглухо изолировали Президента. Отключили связь. Добавили еще две линии охраны вокруг дачи и со стороны моря. Запретили выход кого бы то ни было из дачи и допуск на ее территорию². Это был и фактически, и формально арест Президента, узурпация власти.

Путчисты понимали, что мой отказ ставит их в положение преступников. Пытаясь каким-то образом придать своим действиям «легитимный» характер, они изобрели ложь, будто Горбачев болен, находится в тяжелом состоянии и не может выполнять функции Президента. Позднее врачи рассказали, что у них вымогали документальное свидетельство о моей болезни.

Потерпев неудачу с Президентом, заговорщики сникли. «Хрущевский вариант» не прошел, и этим объясняется их нерешительность в дальнейшем. Сильнейшим ударом по их замыслам стало твердое противодействие Президента РСФСР, Верховного Совета России, многих генералов и офицеров, московских и петербургских властей, видных общественных деятелей, народных депутатов, москвичей.

Все это предопределило провал переворота. Правы аналитики, усмотревшие в этом и более глубокие причины: общество в большинстве своем уже не хотело возвращения к прежним порядкам. Созданные в результате перестройки демократические институты, несмотря на свою хрупкость, выдержали испытание.

Три августовских дня были пережиты мной и моей семьей на пределе человеческих возможностей³. Хорошо, что все так быстро завершилось. Но ведь по-разному могло

²В следственных материалах по делу ГКЧП перечислены меры, принятые заговорщиками для изоляции Президента: полностью отключена связь всех видов; заблокирована вся территория, для чего представителю ГКЧП Генералову дополнительно были подчинены 79-й пограничный отряд и 5-я отдельная бригада пограничных сторожевых кораблей; взяты под арест и круглосуточную охрану автоматчиков все транспортные средства; самолет ТУ-134 и вертолет, находившиеся в распоряжении Президента в Бельбеке, угнаны; на вертолетной площадке на территории дачи поставлен пост охраны транспортных средств; то же самое сделано при въездах на дачу; отключена связь личной охраны Президента с подразделениями погранвойск вне дачи.

³ Подробно это описано в дневнике Раисы Максимовны и воспроизведено в мемуарах «Жизнь и реформы».

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

обернуться. Никуда не денешься от того, что по проведенным позднее опросам около 40 процентов все-таки сочувствовали гэкачепистам. И руководители республик, за исключением России, колебались. Да и со стороны руководства многих зарубежных государств реакция была выжидательной: им ведь была послана из МИДа информация о перемене власти в Кремле.

Путч потерпел поражение, но, случись это годом раньше, не исключая, исход мог быть иным. Вот, пожалуй, самый убедительный аргумент в пользу политики перестройки.

Внимательно слушая по карманному радиоприемнику «50ш» радиоголоса, я уже 20 августа почувствовал, что ситуация складывается не в пользу путчистов. Это нашло подтверждение с прилетом в Форос главарей заговора: Крючкова, Язова, Лукьянова. Прибыл и Ивашко.

Все потребовали встречи со мной. Я велел охране, уже зная, что они едут, занять позиции в доме и около него, быть готовыми открыть огонь при попытках войти на дачу без моего разрешения. Лукьянов и Ивашко убеждали охрану, что они не имеют ничего общего с путчистами, и повторили это мне, когда я в конце концов этих двоих все-таки принял.

Я выдвинул требования: никаких бесед, пока не будет включена связь. Переговорил по телефону с Ельциным, Назарбаевым, Дементеем, другими руководителями республик. Связался с Бушем.

Начал отдавать распоряжения. Прежде всего отстранил Язова от должности, возложил обязанности министра обороны на Моисеева и обязал его обеспечить посадку в Бельбеке самолета, которым летела в Форос группа во главе с Руцким. Дал указание начальнику правительственной связи отключить все телефоны у членов ГКЧП. Коменданту Кремля — взять под охрану Кремль и изолировать всех оставшихся там путчистов.

Прибыла российская делегация. Тогда-то я по-настоящему понял, что свободен.

С Лукьяновым и Ивашко я беседовал в присутствии Бакатина, Примакова и Черняева, сказал, что они — те два человека, которые могли сорвать путч или, во всяком случае, обнажить его преступный характер.

С Язовым и Крючковым я решил не встречаться. По возвращении из Фороса они и другие гэкачеписты были задержаны, начались допросы. Меня знакомили с их показаниями: они признавали, что пошли на преступление, хотя каждый старался преуменьшить свою вину, выгородить себя.

Тогда же я получил письмо от Крючкова, написанное от руки, — всего одна страница, три абзаца. Приведу последний без изъятий (ксерокопия находится в деле о ГКЧП):

«Уважаемый Михаил Сергеевич! Надо ли нас держать в тюрьме: одним под семьдесят, у других со здоровьем. Нужен ли такой масштабный процесс? Кстати, можно было бы подумать об иной мере пресечения. Например, строгий домашний арест. Вообще-то мне очень стыдно! Вчера прослушал часть (удалось) Вашего интервью о нас. Заслужили или нет (по совокупности), но убивает. К сожалению, заслужили.

По-прежнему с глубоким человеческим уважением

22.8.91 В.

Крючков»

Итак, я вернулся в Москву в 2 часа ночи 22-го. 23 августа я отправился в Кремль. По пути в кабинет сказал корреспондентам фразу, которую потом так часто цитировали и по-разному толковали: «Я приехал из Фороса в другую страну и сам уже не тот, кем был, другой человек». Это было первое спонтанное впечатление от происшедшего. Тогда я еще не осознавал масштаба трагедии.

Многое оставалось неизвестным, и было просто невозможно сразу переварить всю обрушившуюся на меня информацию. Рабочие дни проходили в бесконечных

совещаниях, принятии неотложных решений. А поздно вечером я увозил домой несколько тяжелых портфелей, до утра читал докладные записки, депеши послов, сводки телеграфных агентств. Постепенно складывалась связная картина событий.

Я узнал, что некоторые из тех, кого в первый день после возвращения в Москву утвердил в должностях, готовы были служить «и нашим и вашим». Пришлось пересматривать решения. Допущенные промахи объяснялись незнанием всей суммы фактов. Многое ведь открылось лишь через месяцы, а кое-что и сейчас не до конца выяснено.

Узнал я и о позорной позиции большинства Секретариата ЦК, многих партийных органов на местах, поддержавших ГКЧП. Сразу хочу сказать, что в этой сложнейшей ситуации зрелыми политиками и честными людьми проявили себя секретари ЦК Галина Семенова, Андрей Гиренко, Егор Строев. Не выдержал испытания Центральный комитет, по сути, солидаризовавшийся с ГКЧП, хотя многие его члены выступили с осуждением путча. Сложили с себя обязанности члены Политбюро и вышли из состава ЦК Назарбаев, Каримов, другие руководители компартий республик.

После путча я выслушал столько критики, отчасти справедливой, но отчасти несправедливой. И не мог оставить без ответа вопросы: не следовало ли быстрее, более решительно и более широко пользоваться своей властью для обуздания сил, потом прибегших к путчу? Нельзя ли было императивно, опираясь на властные полномочия, усилить свою собственную центристскую позицию по отношению к радикалам с обеих сторон?

Уже тогда я сказал на заседании Верховного Совета СССР, что чувствую и принимаю свою ответственность за то, что как Президент я не сделал всего того, что было необходимо, чтобы предотвратить путч, не допустить его вообще. Очевидно, нужно было больше заботиться о создании гарантий против такой опасности, не только ослаблять позиции номенклатуры, но и своевременно создать действенные механизмы, которые исключали бы возможность использовать армию и органы безопасности в подобных действиях. Задают до сих пор вопрос — можно ли было вообще и с помощью каких конкретных мер изменить тогда ситуацию к лучшему? Одно могу сказать: не существовало никакого простого, мною не замеченного рецепта, который улучшил бы положение посредством применения насилия. Главное, что сделало невозможным для путчистов вернуть все назад, в обстановку до перестройки, — это была новая общественная и политическая атмосфера в стране и новая международная обстановка, свободная от худших форм конфронтации холодной войны. Все это было достигнуто на основе реализации политики перестройки.

Уже в сентябре в печати стали появляться публикации, авторы которых высказывали подозрение, будто я был в «сговоре» с путчистами. Самое отвратительное — мерзопакостная, гнусная ложь о тех событиях, которая и сегодня производится как неосталинистами, так и нашими доблестными «демократами».

Политическая слепота и корыстный интерес привели членов ГКЧП к действиям, которые для сепаратистов и крайних радикалов открыли все шлюзы. Они получили мощный аргумент в пользу дезинтеграции Союза. Гэкачеписты столкнули камень, повлекший селевой поток.

Ельцин не решался открыто пойти против Союза до тех пор, пока ему такой подарок не приподнесли гэкачеписты. Они, как говорится, подали ему яичницу на блюдечке с голубой каемочкой прямо в постель. За две недели после путча все союзные республики заявили о своей независимости. **Процесс децентрализации**, который уже шел и который новый Договор должен был закрепить правовыми рамками, **превратился в дезинтеграцию**. Все, что произошло в те трагические августовские дни, оттолкнуло от Москвы, от исторической столицы многие народы, спровоцировало националистические страсти.

КТО КОГО ПРЕДАЛ?

Я человек не мстительный и не сторонник того, чтобы руководителей путча, людей, в большинстве своем пожилых, нездоровых обрекли на физические лишения. Судебный процесс, который намеренно затягивался, был прекращен со ссылкой на амнистию в феврале 1994 года⁴. Но история все равно вынесет заговорщикам обвинительный приговор. Даже если согласиться с тем, что у них на первом месте стояло не стремление сохранить свои посты, что ими руководили не шкурные и групповые интересы, а забота об Отечестве, последствия их авантюры оказались катастрофичными.

Осмысление событий августа 1991 года выводит нас на глубины российской истории, на понимание различий между подлинным и мнимым патриотизмом, между подлинным и мнимым демократизмом, на проблему изначального трагизма истории, со всеми ее упущенными шансами, невосполнимыми утратами.

Заключение Договора было единственной реальной альтернативой развалу страны, но оно было сорвано. Это дело рук ГКЧП. А творцы переворота до сих пор пытаются убедить россиян в своем патриотизме. Власти и некоторые СМИ им в этом помогают. И не забывают по случаю вешать им ордена! Усаживают в президиумы торжественных собраний, выказывают публично особое президентское внимание то к одному, то к другому участнику ГКЧП. На этом фоне не очень логично выглядят официальные сожаления насчет распада Советского Союза.

Подписание Договора обеспечивало разумный политический баланс между интересами республик и союзного Центра. Сохранение, обновление, реформирование Союза было моей главной политической, если хотите, нравственной задачей.

После трагических августовских событий руководству СССР предстояло проделать анализ причин того, что произошло. Путч подорвал позиции Президента СССР, авторитет союзной власти.

А ведь к этому моменту, как я уже писал, мы вышли на новую программу партии, подошли к этапу глубинных реформ. Были прояснены вопросы собственности и рынка. Однако ситуация обострилась до предела. Многие начали искать выход на путях дезинтеграции Союза, используя различные национальные чувства и недовольство на этой почве. Ельцин начал звать под знамена России. Чтобы союзные предприятия уходили к нему, он обещал им сбросить 10 процентов налога. Люди стали задумываться: может быть, будет лучше с Ельциным?

И как тут не вспомнить события 1990 года, запалом которых стало решение Верховного Совета РСФСР о суверенитете, о верховенстве законов России на ее территории. Тут одна из первопричин дезинтеграции Союза.

Суждения насчет того, что толчком к распаду Союза стали национальные конфликты в Прибалтике, Закавказье, Средней Азии, — все это попытки задним числом оправдать безответственные действия Ельцина и его демороссовских сторонников по развалу СССР.

Вместе с тем я отдаю должное и Верховному Совету России, и Ельцину за их действия во время путча. Ради чего — сейчас это не имеет значения. События так быстро происходили, что порой трудно понять, что здесь было личное, для собственного спасения, а что имело иной смысл. Ведь он мог пойти на сговор с гэкачепистами. Они ему это предлагали, но он не поддавался.

Трагедия для меня лично состояла в том, что, нанеся 18 августа решающий удар по путчистам, отклонив их ультимативные требования, я сам терял шанс сохранить власть и тем самым продолжить начатые реформы.

⁴Ельцин и фракция КПРФ в Верховном Совете России договорились об амнистии гэкачепистам и прекращении расследования накануне событий 3-4 октября 1993 года, приведших к расстрелу Верховного Совета РСФСР.

Но даже если бы я точно знал, что произойдет со мной после поражения ГКЧП, что нас ждет распад СССР, беловежские соглашения, бесконечное предательство соратников, я бы все равно не пошел на сговор с гэкачепистами. Изменить демократии, выбрать насилие для меня означало духовное да и, наверное, политическое самоубийство.

Два слова о судьбе КПСС после путча. Я решил сложить с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС и рекомендовал Центральному комитету самораспуститься, предоставив партийным организациям самостоятельно решить, что им делать.

По этому поводу мне пришлось выслушать немало упреков. Я до конца, даже в ущерб своему положению Президента, оставался на посту генсека. Если кто кого и предал, то не я партию, а ее руководство и большая часть номенклатуры — своего лидера и вместе с ним — страну.

Мои опасения по поводу позиции российских властей в отношении коммунистов были не напрасными. Запрет партии пагубно отразился на миллионах ни в чем не повинных ее членов, в большинстве своем поддерживавших реформы. И уж категорически не могу согласиться с попытками очернить всю историю партии, изобразить злодеем ее основателя, отказать КПСС в заслугах перед Родиной, раздуть шум вокруг мнимых миллиардов долларов, вывезенных в зарубежные банки, очернить и преувеличить стократно нашу помощь иностранным компартиям и т.д. Недостойные все это были кампании, и хорошо, что Конституционный суд не дал развернуться очередной «охоте на ведьм».

Надо видеть случившееся и в более широкой исторической перспективе. Распад КПСС на определенном этапе был неизбежен. Я был за то, чтобы сделать это демократическим путем — провести в ноябре 1991 года съезд, на котором осуществить размежевание. Принятый вариант программы, по данным некоторых опросов, поддерживали не менее 1/3 членов партии. Остальные разошлись бы по другим политическим образованиям.

Но то, что все это произошло в крайне болезненной форме и нанесло огромный нравственный ущерб миллионам членов партии, — целиком на совести путчистов и тех, кто их поддержал.

Не беру на себя задачу обличать — пусть окончательный приговор вынесут историки. Но об одном человеке, бывшем моем университетском товарище, которого я выдвинул на второй по значению пост в государстве и который сыграл пагубную роль в заговоре, — о Лукьянове, стоит сказать.

Все, чем я располагаю, позволяет утверждать — соберись высший законодательный орган в самом начале авантюры, он, несомненно, занял бы позицию в защиту конституционного строя, решительного осуждения гэкачепистов. Лукьянов лучше, чем кто-либо, это знал. Да, четкой законодательной разработки механизма созыва парламента в экстремальных условиях не было. И Лукьянов воспользовался этим: действовал по букве закона о чрезвычайном положении, назначив созыв «не позже, чем через неделю». А Верховный Совет РСФСР собрался немедленно!

Августовские события обнаружили ахиллесову пятую созданной нами демократической системы — слабость представительных органов. Ведь что получилось? Лукьянов, играя свою игру, затянул созыв Верховного Совета. С. Алексеев испугался — и Комитет конституционного надзора, который он возглавлял, начал бормотать что-то себе под нос, когда это было уже вполне безопасно. Иначе говоря, во всех основных институтах демократии решающая роль у нас по-прежнему принадлежит руководителям, все зависит от их личных качеств. И ведь Маркс был прав, сказав, что не личности должны быть гарантом против законов, а законы против своеволия личностей.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ. КАК ВОСПРИНЯЛИ ПУТЧ ЗА РУБЕЖОМ

Демократические завоевания перестройки и новые отношения с внешним миром преопределили провал путча. Из всех разговоров, в первые часы и дни после возвращения из Фороса в Москву — с Бушем, Миттераном, Колем, Мейджором, Андреотти, Малруни, Хоуком, Кайфу, Мубараком, другими главами государств и правительств — я убедился, никто путчистов не одобрил. Кроме Каддафи и Хусейна.

В начале сентября в соответствии с ранее намеченным планом состоялась Московская гуманитарная конференция в рамках СБСЕ. Возникли сомнения — проводить ее у нас или перенести в другую страну. Было много неясностей. Но консультации с правительствами европейских государств, США и Канады показали: все — за проведение конференции в Москве в намеченный срок. Нам дали понять, что видят в этом долг солидарности.

В выступлении при открытии конференции я сделал упор на тех аспектах защиты прав человека, которые особенно высветила сложившаяся у нас ситуация.

Проведение в Москве представительного международного форума дало возможность встретиться со многими друзьями и партнерами.

Ключевое значение имела состоявшаяся 11 сентября беседа с Бей-кером. За три года наши отношения стали такими, что можно было начинать разговор без околичностей и предисловий. И он получился широким по охвату вопросов — политических и экономических. В этот же день я встретился с министрами иностранных дел: Дании — У. Эл-леманом-Енсенем, Норвегии — Т. Столтенбергом, Швеции — С. Ан-дерссоном, Финляндии — П. Вяряюненом и специальным помощником министра иностранных дел Исландии Т. Олафссоном. Со всеми речь шла о содействии в решении неотложных проблем с продовольствием, медикаментами, в финансовых вопросах. Мы рассчитываем, напомнил я, на поддержку «методом быстрого реагирования».

Во всех беседах с приехавшими тогда в Москву деятелями, я подчеркивал, что будущий Союз Суверенных Государств должен стать восприимчивым всего позитивного, что было в предшествующие годы сделано СССР на международной арене.

Позднее, в конце октября, в Мадриде, во время Международной конференции по Ближнему Востоку, я много беседовал со своим другом Фелипе Гонсалесом. Он рассказал, как действовал, узнав о путче. Действительно он сыграл большую роль, добиваясь от Буша и других лидеров занять более решительную и активную позицию против путчистов.

Между прочим, Гонсалес поделился и своей тревогой: «Михаил, у меня в те дни сложилось впечатление, что Запад воспринял происшедшее как неизбежное и был готов смириться. Я это настроение ощутил даже среди своих ближайших сотрудников. Отсюда делаю вывод, что политические лидеры Запада не имеют сегодня уверенности в способности

Советского Союза сохраниться и поэтому исходят из двух возможных вариантов, включая распад СССР. Меня, — признался Фелипе, — это очень гнетет».

Он не мог скрыть своего возмущения «школярской», как он выразился, близорукой позицией некоторых своих коллег по НАТО.

ПОПЫТКИ ВОЗОБНОВИТЬ РЕФОРМЫ. АГОНИЯ СССР

Перевоорот до основания потряс страну. А тут еще Президент России вошел в раж: я уже возобновил свою деятельность, а Ельцин продолжал выпускать указы общесоюзного значения. Это еще больше побуждало республики отгородиться от союзного Центра.

Пришлось решительно вмешаться. И конечно, сепаратисты чувствовали себя на коне, настал их час.

Все-таки нельзя было сдаваться. За мной стоял референдум 17 марта. За сохранение целостности страны говорила вся ее многовековая история. Такой выбор диктовали насущные потребности населения, безопасность государства и граждан. Меня особенно ободрили данные опросов жителей Москвы, Киева, Алма-Аты, Красноярска, проведенные в начале октября. Они показали, что за полгода настроения в поддержку Союза не ослабли. Так, если 17 марта в РСФСР, Украине, Казахстане за Союз голосовали 73 процента принявших участие в референдуме, то осенью в крупных городах тех же республик за Союз высказались 75 процентов опрошенных. В Москве число сторонников Союза возросло за полгода с 50 до 81 процентов, и это свидетельствовало, что 17 марта часть москвичей голосовали не столько против идеи Союза, сколько под влиянием тогдашней антигорбачевской пропаганды. И очевидно, реальная угроза распада Союза вызвала резкий всплеск «профсоюзных» настроений в столице. Это было характерно и для большинства областей России. В Киеве итоги опроса были не столь впечатляющи, тем не менее более половины высказались за Союз. В Алма-Ате на референдуме «за» было 94 процента, а в октябре — 86.

Словом, не было сомнений в том, что народ не хочет разрушения страны. Но ключи к решению вопроса находились в руках национальных элит и политических лидеров. А здесь дело обстояло сложнее.

Наиболее последовательно отстаивал Союз Нурсултан Абишевич Назарбаев. Мы часто и долго беседовали с ним на эти темы. Чувствовалось, что для него это не вопрос калькуляций, а дело принципа, вытекающего из убеждений.

Похожие позиции занимали лидеры среднеазиатских республик — Каримов, Акаев, Ниязов и Искандеров, представлявший тогда Таджикистан. Другое дело, как потом сложилась судьба каждого из них. Но когда решалась судьба Союза, эти деятели проявили ясное понимание той истины, что разрушение Союза нанесет колоссальный ущерб их народам. Вовсе не хочу сказать, что они всякий раз безоговорочно поддерживали предложения, исходившие от союзных органов. Все они стремились избавиться от тягостного сверхцентрализма, добивались, что вполне естественно, большей самостоятельности. Но я бы сказал, не теряли при этом здравого смысла.

После путча властный механизм был настолько разлажен, что никакие даже самые оптимальные решения не имели шансов быть проведенными в жизнь. «Осваивая» суверенитет, республиканские власти все чаще игнорировали распоряжения центральных министерств. В Центре же нарастала чехарда в связи с тем, что власть раздвоилась между Кремлем и Белым домом. Занятая внутренней междоусобицей, столица теряла рычаги контроля над экономикой. А это, в свою очередь, побуждало «места» все больше полагаться на самих себя.

Возникла идея включить республиканских лидеров в Совет безопасности, а затем решили вместо этого учредить Государственный совет — временная мера. И уже с первых «послепутчевых» встреч в Ново-Огарево речь зашла о необходимости возобновления работы над Союзным договором. В сентябре казалось возможным дать ему второе рождение и на сей раз довести до подписания.

Мы сознавали, что теперь уже трудно рассчитывать на участие в обновленном Союзе всех республик. Поэтому решили воплотить идею, которая еще с середины 90-го года активно обсуждалась: наряду с Союзным договором предложить республикам Экономическое соглашение. Рассчитывали, что экономические узы помогут преодолеть недоверие к союзным структурам.

Понимая всю опасность новой ситуации для демократических преобразований, я рассматривал возобновление работы над Союзным договором как главный приоритет. Этим определялись все мои действия в ходе чрезвычайной сессии Верховного Совета

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

СССР, созванной сразу после путча и принявшей решение о проведении внеочередного Съезда народных депутатов СССР.

На Съезд надо было выходить с общей позицией Президента и руководителей республик. Так, в ночных дебатах родились идея и сам текст Заявления — его подписали главы 10 союзных государств, а в разработке участвовала и Грузия — отсюда известная формула «10(11)+1».

По данному поводу было немало спекуляций, некоторые договаривались до того, что Горбачев и лидеры республик совершили будто государственный переворот. Чепуха! Все сентябрьские решения были приняты самим Съездом, иначе говоря, конституционно. Был сохранен высший законодательный орган — Верховный Совет. И наконец, вся реорганизация была предпринята не по прихоти лидеров, а как вынужденная мера, продиктованная последствиями путча и новыми реальностями.

Удалось достичь общей точки зрения по вопросу об организации власти в переходный период. Был выработан соответствующий документ.

Этот документ и стал стержнем дискуссии на V Внеочередном съезде народных депутатов СССР 2-5 сентября. Проходил он бурно, не обошлось и без острых столкновений. Страсти разгорелись. Ряд депутатов обвиняли президиум в недемократичном ведении Съезда. Для подобных обвинений были причины. Президиуму приходилось вести заседания жестко — в противном случае у нас получился бы отечественный вариант «долгого парламента», чего нельзя было допустить. И дело тут было не в процедурных вопросах. Часть депутатов не хотела понять, что сохранить СССР в прежнем его облике было уже невозможно. Единственным способом спасти целостность страны после путча стало заключение Договора о Союзе Суверенных Государств. Большинство это осознало. Закон об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период, другие решения были приняты голосами 3/5 — 4/5 состава депутатов.

Другой вопрос — насколько эффективны они оказались. Увы, последующие месяцы показали, что созданная система не выдержала испытаний. И не в силу каких-то пороков ее конструкции, а прежде всего потому, что она не отвечала концепции, выношенной окружением Президента России.

Верилось, однако, что, миновав послепутчевский «турбулентный» период, начнем уже на новой основе собираться в государственное целое. Надежду на это подкрепляли и данные социологических опросов. На вопрос, как вам представляется устройство СССР в будущем, народные депутаты ответили так: несколько самостоятельных государств — 15 процентов, конфедерация — 27, федерация — 46, другое — 3 процента.

Иная точка зрения, однако, преобладала в российском руководстве — хотя и сохранялась в тайне. И очень скоро оно начало подтачивать и разрушать только что узаконенную Съездом концепцию переходного периода.

Последствия путча усугубили кризис народного хозяйства. Началось расстройство основных систем жизнеобеспечения, прежде всего это коснулось продовольствия и топливно-энергетической сферы. Критической точки достигли валютные трудности. Поступления средств по ранее согласованным кредитам в дни путча оказались замороженными. Полностью прекратилось предоставление краткосрочных кредитов на финансовых рынках. Необходимо было срочно разблокировать предоставленные ранее кредиты и изыскать до конца года дополнительно 5-8 млрд долларов.

В сложившейся ситуации проблема экономической поддержки реформ со стороны Запада приобрела срочный характер. Западные партнеры понимали это, но продолжали колебаться. В сентябре-ноябре 1991 года, несмотря на занятость внутренними делами, я чуть ли не каждый день, чаще по вечерам, встречался с зарубежными деятелями, стремясь побудить их к конкретным шагам. Среди моих собеседников в те месяцы — Мейджор, Коль, Миттеран, Буш, Андреотти, Гонсалес, министры иностранных дел и финансов стран «семерки», других стран Европы, парламентарии, крупные бизнесмены.

Надо отдать должное британскому премьеру Мейджору (он в это время был и координатором «семерки») — он первый из западных руководителей 1 сентября прилетел в Москву, чтобы обсудить пути реализации лондонских договоренностей.

Я сразу выделил главное: нужна более существенная и открытая поддержка со стороны западных стран. В конкретном плане речь шла о нашем импорте, который пришлось бы свернуть без отсрочки текущих платежей, о проблеме обслуживания внешнего долга, содействии переходу к конвертируемости рубля, о структурной перестройке через осуществление крупных международных инвестиционных проектов, о помощи в развитии частного сектора и подготовке кадров для рыночной экономики.

Мейджор сказал, что западные политики с тревогой обсуждают положение в СССР. Но заверил меня, что они заинтересованы в успехе реформ. Вновь назвал те сферы — продовольствие, медикаменты, консультации экспертов и т.д., — где США и Великобритания готовы оказать помощь в оперативном порядке и намерены побуждать к этому других участников «семерки».

В беседе с глазу на глаз речь шла о контроле над ядерным оружием и о подозрениях относительно продолжения работ по биологическому оружию. Я обещал провести дополнительное расследование, поручив его новым людям. Задал он еще один вопрос, который я не считаю себя вправе воспроизводить, приведу лишь свой ответ:

- Можете исходить из того, что сотрудничество Горбачева и Ельцина — это реальность. Такая реальность, что если она будет подорвана, то это будет губительно. И между нами есть понимание, что наше взаимодействие вступило в новую фазу.
- Нам очень хотелось бы, — реагировал он, — чтобы в новых обстоятельствах у вас сложились правильные рабочие взаимоотношения. И кажется, это происходит.

Думаю, началом осени можно датировать признаки сдвига в отношении содействия нашей стране. Но давался этот сдвиг нелегко. Французы, немцы, итальянцы проявляли больше понимания. Это следовало из бесед с Береговуа, Андреотти, Геншером, Дюма, Де Микелисом, Вайгелем и многими другими деятелями, с которыми мне пришлось встречаться в тот период. Состоялся разговор по телефону с Колем. Канцлер сообщил, что в конце недели намечена «принципиально важная» встреча заместителей министров финансов стран «семерки» и просил принять статс-секретаря Х. Келлера. Очень важно, сказал Коль, чтобы до встречи он мог условиться о ряде аспектов.

Разумеется, все, с кем тогда пришлось вести переговоры, хотели быть уверенными, что помощь не уйдет в песок, не станет жертвой «войны» между Центром и республиками. Характерны слова Де Ми-келеса 9 сентября: «Для меня абсолютно ясно, что отсутствие у вас координирующего центра в переходный период грозило бы провалом всех планов».

Король Саудовской Аравии Фахд, получив мое послание, переданное специально направленным мной в Эль Риад Примаковым, прислал в Москву своего личного представителя принца Бендера бен Султана, которого я принял 19 сентября. Он сообщил о готовности Саудовской Аравии ускорить осуществление договоренностей о кредите, а также оказать помощь в удовлетворении наших потребностей в продовольствии и медикаментах.

В сентябре начала вырисовываться программа партнерства со странами «семерки» в решении наших неотложных проблем.

5 октября я встретился с президентом Всемирного банка Л. Престоном. Он рассказал о проекте содействия аграрной реформе, которую обсуждал в Москве с хозяйственными руководителями. Речь шла об участии Банка в модернизации агробизнеса, создании инфраструктуры, охватывающей хранение, транспортировку и переработку. Было подписано соответствующее соглашение.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Потребности в кредитной и гуманитарной продовольственной помощи я обсуждал с министром сельского хозяйства США Э. Мэдиганом.

Многоплановая работа с зарубежными партнерами не оставалась безрезультатной. 12 ноября Мейджор сообщил мне, что в «семерке» и Европейском Сообществе (ЕС) удалось согласовать программу срочной помощи в объеме 10 млрд долларов. Сообщение это поступило буквально на следующий день после окончания Римской сессии Совета НАТО, где также обсуждалась ситуация в Союзе, о чем меня информировал 13 ноября Ваттани — советник Андреотти, направленный им в Москву. Предложения «семерки» о помощи обуславливались готовностью суверенных республик, включая Россию, принять на себя обязательства СССР по внешней задолженности и проявить «сдержанность» в отношении формирования собственных вооруженных сил.

В Москву прибыли специальные представители «семерки», так называемые «шерпы». Я принял их 20 ноября. К этому времени они провели переговоры на уровне союзного и республиканских правительств. Переговоры шли трудно, но в итоге выяснилось, что 8 или 9 республик готовы подписать меморандум о договоренности без каких-либо оговорок. Уикс проинформировал меня о том, что пакет западных предложений включает семь взаимоувязанных элементов.

К этому времени была достигнута договоренность о предоставлении нашей стране статуса ассоциированного члена Международного валютного фонда. В 20-х числах ноября в Москву приехал исполнительный директор МВФ Камдессю. Мы обсудили возможную роль фонда в содействии нашей экономической реформе. От имени Советского Союза я подписал протокол о вступлении СССР в МВФ в качестве ассоциированного члена. При этом имелось в виду, что в скором времени нам будет предоставлен статус полноправного члена.

Спустя несколько дней я получил послание от Джона Мейджора, которое 2 декабря мне принес посол Р. Брейтвейт. В нем перечислялись обязательства «семерки» по оказанию продовольственной и медицинской помощи, интеграции Союза в мирохозяйственные связи.

У нас есть такая достаточно устоявшаяся «теория», что крах СССР стал результатом западного заговора, а на Западе вторят: это результат целенаправленной стратегии по развалу советской империи. У многих же ответственных, серьезных политиков того времени была просто паническая боязнь распада Советского Союза хотя бы по той простой причине, что иметь дело с одним понятным Горбачевым лучше, чем с дюжиной новых непредсказуемых лидеров.

Так что несомненно, абсолютно и определено: развалили Союз мы сами. Во-первых, перестройщики запоздали с реформированием Союза, реформированием партии, создали сложную ситуацию в экономике, и народ начал уходить от их поддержки и открыл дорогу для других сил, которые использовали эти слабости реформаторов на полную катушку. А вот что касается руки Вашингтона, то это все вообще выдумки. Запад боялся распада ядерной сверхдержавы, он мог столкнуться с такой ситуацией, которая вообще весь мир могла бы поставить на грань...

МАДРИДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ

В ситуации агонии Советского Союза, которую я изо всех сил старался остановить, пытаясь оживить союзный организм, приблизилась оговоренная заранее дата созыва Международной конференции по Ближнему Востоку (конец октября). Дж. Буш, понимая мои обстоятельства, буквально упрашивал меня не отказываться от поездки в Мадрид, где конференция собиралась. Без Президента СССР, считал он, «все сорвется». Мы с ним были «сопредседателями» конференции.

Ближневосточный конфликт — застарелый и запутанный. Он занимал в советской внешней политике особое место. И до 1985 года Москва ориентировалась на его мирную развязку. Однако логика холодной войны и состязание с США в поставках оружия срывали эти усилия. Опасность военного взрыва сохранялась.

Очень скоро я пришел к убеждению о необходимости порвать со стратегией «контролируемой напряженности», которая фактически лежала в основе нашего и американского курсов в регионе. Для того чтобы в конце туннеля показался хоть какой-то свет, нужно было брать курс на компромиссное урегулирование.

Отсутствие официальных связей с Израилем, естественно, обращало меня к стороне, более доступной. Я имею в виду прежде всего сирийцев и палестинцев. И начал я с того, что стал убеждать их ориентироваться на мирное урегулирование, а не конфронтацию с Израилем, ясно давая понять, что мы не настроены рассматривать Ближний Восток как поле схватки с американцами. Эту линию я проводил и во встречах с сирийскими деятелями, включая президента Хафеза Асада.

Мы делали все возможное, чтобы подвинуть и палестинцев на реалистические позиции, что практически означало не только признание государства Израиль, но и перспективу мирного сосуществования с ним, отказ от милитаристских подходов. Нашей миротворческой работе помогла, безусловно, и нормализация отношений с Египтом. В 1988-1991 годах я дважды встречался с президентом Египта Хосни Мубараком и с удовлетворением пришел к выводу, что буду иметь в его лице союзника.

Но мы прощупывали подходы и к другой стороне конфликта. 14 сентября 1990 года я впервые принял израильских министров И. Модай и Ю. Неемана.

Я считаю, что, несмотря на различные перипетии и срывы мирного процесса в дальнейшем, Мадридская конференция явилась все-таки поворотным моментом в истории долгого и опасного регионального кризиса. Там впервые лицом к лицу евреи с арабами, палестинцами, на высшем уровне объяснились и — перед лицом мирового сообщества — обе стороны взяли на себя обязательство искать мирный выход из своей противоестественной вражды.

Там впервые за многие десятилетия руководители СССР и Израиля (премьер-министр Шамир плюс целая группа его министров) встретились, очень быстро нашли общий язык и положили начало возрождению дружеских отношений между нашими странами и народами.

Дипломатические отношения между СССР и Израилем были восстановлены.

Во время моего пребывания в Мадриде произошла одна знаменательная встреча. Король Испании Хуан Карлос пригласил нас с Бушем на «дружеский ужин», в котором участвовал и Фелипе Гонсалес.

Больше всего их интересовало положение в СССР. Это был четырехчасовой откровенный, мужской разговор. Гонсалес говорил:

- Действия путчистов — пример того, когда люди разрушают то, что якобы хотят спасти. Никто так не способствовал центробежным тенденциям в СССР, как они. А между тем Европе и миру нужен Союз. В Европе создаются две основные окружности — одна на Западе, тяготеющая к ЕС, другая должна быть на Востоке. Это нынешний Советский Союз, Союз Суверенных Государств, за который Вы выступаете. Если второй окружности не будет, не будет важной опоры стабильности в Европе и в мире. Образуется опасный вакуум.
- Нас всех, — сказал Дж. Буш, — волнует будущая судьба Союза. Но как следует воспринимать речь, с которой только что, 28 октября, выступил Ельцин? 5

Моим собеседникам, людям рационально мыслящим, просто трудно было понять действия некоторых руководителей республик, особенно Украины. Мнение сводилось к тому, что в современных государствах понятие самоопределения нельзя доводить до

5 См. стр. 348.

абсурда. До какой степени делиться? До самоопределения поселка? Тогда я был еще убежден и заверял участников этой необычной встречи, что шанс для нового Союза еще есть.

СУДЬБА СОЮЗНОГО ДОГОВОРА

Итак, 5 сентября Съезд народных депутатов СССР по предложению Президента страны и руководителей республик принял решение о создании Союза Суверенных Государств и ускоренной подготовке откорректированного проекта Договора. По согласованию между членами Госсовета я и Ельцин взяли на себя разработку проекта.

10 сентября состоялась наша с ним встреча. 16 сентября вопрос рассматривался на заседании Госсовета, причем восемь республик (РСФСР, Беларусь, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан) заняли позитивную позицию. На том же заседании рассмотрели проект Договора об экономическом сообществе. После того как 18 октября восемь суверенных государств, включая Украину, его подписали, он был направлен в республиканские парламенты. Появились основания считать, что ново-огаревский процесс удалось реанимировать.

Темпы подготовки Союзного договора зависели от старта. Когда по поручению Госсовета мы с Ельциным начали готовить обновленный проект, его команда попыталась положить в основу свой текст. Достаточно было беглого прочтения, чтобы понять, что речь в нем не идет ни о федеративном, ни даже о конфедеративном государстве. Дело вели к образованию сообщества типа ЕС, но с еще более ослабленными функциями центральных органов.

Я без обиняков заявил Ельцину, что на такой базе ничего путного не получится. После некоторых колебаний Президент России согласился возобновить работу на основе доавгустовского проекта — разумеется, с учетом «российского» варианта. В рабочую группу вошли Шахназаров, Кудрявцев, Топорнин, Батулин — это со стороны Центра, а Ельцин уполномочил Шахрая, Станкевича и Котенкова.

Сразу возобновились споры по поводу распределения полномочий между союзными и республиканскими органами власти. В конечном счете пришли к согласию не фиксировать в Договоре распределение полномочий, а предусмотреть «сферы совместного ведения». А потом — заключить специальные многосторонние соглашения — об экономическом союзе, совместной обороне, государственной безопасности, внешней политике, научно-техническом и в области образования и культуры сотрудничестве, о защите прав человека и национальных меньшинств, о взаимодействии в сфере экологии, энергетики, транспорта, связи и космоса, по борьбе с преступностью.

Обновленный вариант Договора датирован первым октября. Но пока в Москве трудились над проектом нового Договора о Союзе, с грифом «Сугубо конфиденциально» Ельцину в Сочи направили документ — «Стратегия России в переходный период». Многие из того, что происходит теперь, своими корнями уходит в эти «теоретические изыскания», которые велись ельцинским «мозговым центром». Вот характерный пассаж:

«Объективно России не нужен стоящий над ней экономический центр, занятый перераспределением ее ресурсов. Однако в таком центре заинтересованы многие другие республики. Установив контроль за собственностью на своей территории, они стремятся через союзные органы перераспределять в свою пользу собственность и ресурсы России. Так как такой центр может существовать лишь при поддержке республик, он объективно, вне зависимости от своего кадрового состава будет проводить политику, противоречащую (подчеркнуто мною — М.Г.) интересам России».

Из двух формул объединения — «экономический союз плюс немедленная политическая независимость» или «экономическая независимость плюс временное политическое соглашение» — авторы записки безоговорочно рекомендовали избрать

Существование этой концепции в окончательном отказе России от роли «ядра» мировой державы. Не знаю, кто непосредственно исполнял эту бумагу, но, читая ее, легко было угадать влияние ведущих идеологов «ДемРоссии». Именно такие взгляды они проповедовали и сумели навязать Ельцину. Мне они представляются в корне порочными.

Упрекая своего лидера за то, что якобы «утрачены плоды августовской победы», авторы выдавали свою потаенную мысль: возникшую угрозу распада Советского Союза они воспринимали как «победу», а не как трагедию.

Разве Россия не несет ответственности за судьбу народов, с которыми бок о бок шла веками, за будущее огромных пространств, которые она осваивала? Впрочем, ожидать нравственного подхода от людей, которые ставят во главу угла сугубо эгоистический интерес, бесполезно. Не только моральный долг, но и экономический интерес России заключались в том, чтобы не порывать с республиками. Целостный народнохозяйственный механизм — это живая реальность. А территориальные вопросы, демографические проблемы, права человека, судьба науки и культуры, наконец, экология и безопасность?!

Ознакомившись с запиской, я был встревожен и при очередной встрече с Ельциным завел с ним «концептуальный разговор». Он соглашался с моими аргументами и, как мне показалось, был искренен. Впрочем, как я уже говорил, много раз бывало так: поговоришь с ним, убедишь, условишься, как действовать, а на завтра под чьим-то иным влиянием он поступает прямо наоборот. Такова уж его натура. Так было и на сей раз.

28 октября на Съезде народных депутатов РСФСР Ельцин выступил с программой реформ и требованием для себя особых полномочий, — с той самой речью, которая так удивила Буша, испанского короля и Гонсалеса при моей встрече с ними в Мадриде, о чем я упоминал выше. Меры, предложенные Ельциным, подрывали Договор об Экономическом сообществе. Его заявление о намерении объявить Госбанк СССР Российским, сократить на 90 процентов численность МИД СССР, распустить 80 министерств и т.д. буквально ввергло в шок. Правда, после разговора с Силаевым российский Президент отрекся от покушения на банк, которое напугало республики и привело в смущение Запад.

Перед заседанием Госсовета я встретился с Ельциным, считая, что назрел, как говорится, мужской разговор:

— Ты меняешь политику, уходишь от всех договоренностей. А раз так, теряют смысл и Госсовет, и Экономическое соглашение. Тебе не терпится взять вожжи в свои руки? Раз этого хочется — правь в одиночку. Скажу тебе и другим лидерам: я вас подвел к независимости, теперь, похоже, Союз вам больше не нужен, живите дальше, как заблагорассудится, а меня увольте. Но и ответственность ложится на всех вас.

На заседание Госсовета 4 ноября Ельцин, демонстрируя свою независимость и неуважение к партнерам, опоздал. В присутствии тележурналистов я сделал вступление, прозвучавшее тревожным колоколом: снова разворачиваются политические игры. Страна задыхается, а Госсовет раскалывается. Нужны согласованные действия республик. Поскорее заключить Договор и уже сейчас подумать, как быть с МИД, МВД, Минобороны. Без решения ключевых вопросов государственности не решим и экономических проблем.

Большая часть моего выступления проходила уже в присутствии Ельцина, оно ему было явно не по душе. Он сидел насупившись, делая вид, что все это его мало волнует. На заседании возникла напряженная обстановка. На мое приглашение обменяться мнениями никто не откликнулся. Только Назарбаев сказал:

— Нам все ясно. Важно, что у вас с Борисом Николаевичем был разговор и достигнуто взаимопонимание. — Ельцин кивнул.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Как я представлял себе тогда обновленный Союз? Не просто конфедерация как союз государств, но конфедеративное союзное государство, в том смысле, что здесь общие институты сохраняются: и парламент, и президент, избираемые народом. То есть это должно было быть нечто большее, чем конфедерация.

Деньги в этом Союзе были бы едиными. Армия была бы единой. За союзным центром оставались общие для всех стратегические вопросы. Республикам отходило все, кроме внешней политики, и то в ее общих проявлениях: внешняя политика как стратегия, принципы связей с другими государствами, основные международные договоры... Гражданство было бы двойное: гражданин республики и одновременно гражданин Союза. И взять в это новое государство все лучшее, что было при Советской власти, не отказываясь от того, за что мы миллионами жертв заплатили, не отказываясь от достижений, которых мы добились в науке, в образовании, в культуре и так далее...

Ельцин вынужден был дать формальное согласие на то, чтобы завершить доработку текста Союзного договора и парафировать его на следующем заседании. Сообщение о заседании содержало важную констатацию — 14 ноября согласованный проект Договора будет парафирован.

Но 14 ноября на Госсовете вновь развернулся острый спор о том, что нужно народам, населяющим нашу огромную страну: союзное государство или союз государств? Четырехчасовая дискуссия завершилась согласием в том, что это должно быть **конфедеративное союзное государство**.

Основное время члены Госсовета потратили вновь на обмен мнениями по поводу статуса будущего Союза. Рассматривались три варианта. Первый — просто союз суверенных государств, не имеющий своего государственного образования. Второй — союз с централизованной государственной властью — федеративный, даже конфедеративный. И третий — союз, выполняющий некоторые государственные функции, но без статуса государства и без названия. Обсуждалось несколько компромиссных решений. В конце концов участники сошлись на том, что будет **Союз Суверенных Государств** — конфедеративное государство, выполняющее функции, делегированные государствами — участниками договора.

Казалось, было сделано все, что в человеческих силах, чтобы сохранить союзное государство. Но пришлось одолеть еще один этап. Я имею в виду заседание Госсовета в Ново-Огарево 25 ноября. Ельцин вновь потребовал заменить формулу «Союзное государство» на «Союз государств» и заявил об отказе парафировать текст до рассмотрения его Верховным Советом РСФСР. Ссылка эта была уловкой.

Будучи, не скрою, крайне раздраженным этим вероломством, я взял себя в руки и начал урезонивать Ельцина, настаивая на выполнении решений, согласованных всего десять дней назад. Но уже начинало срабатывать новое соотношение сил. Сначала Шушкевич, затем и некоторые другие, не желая вступать в ссору с российским лидером, заколебались. Тогда я заявил:

— С меня достаточно. Участвовать в развале Союза не буду. Оставляю вас одних, решайте. И помните, что на вас падет вся ответственность за судьбу страны.

Несмотря на попытки остановить меня, я встал и ушел в свой кабинет на первом этаже. Через полчаса спустились Ельцин с Шушкевичем. Скрывая досаду, что пришлось все-таки и на этот раз отступить, они вручили мне текст сообщения о заседании, согласованный оставшимися наверху. Взяв в руки сообщение, я убедился, что оно приемлемо, и ограничился лишь небольшими поправками, которые «парламентеры» приняли.

Тут же в Ново-Огарево состоялась пресс-конференция.

Журналисты спросили меня, сохраняется ли возможность подписания Договора в начале декабря. Я ответил: в начале декабря нет, а к середине, к 20-м числам, вполне вероятно: предстоит работа в комитетах, в Верховных Советах, потом дебаты и

одобрение, формирование полномочных делегаций, которым будет поручено доработать текст и подписать его.

БЕЛОВЕЖСКИЙ СГОВОР

Я уже понимал, что Президент России хитрит, тянет время — значит, у него есть другой план. Поэтому перед его встречей в Минске с Кравчуком и Шушкевичем прямо спросил, с чем он едет. Мой подход: есть проект Договора, Украина может присоединиться к нему или к части из его статей. И Ельцин вдруг проговорился: может, мол, встать вопрос об иной форме объединения.

Когда же я узнал, что в Минск направились Бурбулис и Шахрай, мне все стало ясно.

Я знал и до этого об инициативе Бурбулиса покончить с Союзом. Знал, что напугало Бурбулиса в моих действиях. Из президентского аппарата ко мне поступил меморандум Бурбулиса, представленный Ельцину. Этот документ появился, когда после провала путча началось восстановление союзных структур и их обновление, когда завязалась подготовка экономического договора. Возглавлял эту работу Явлинский. Договор подписали, в том числе и Украина. В добавление к нему было разработано еще 20 подписываемых законов. Там речь шла о банках, о социальной политике, о финансах и т.д. Возник комитет Силаева по экономике, где сотрудничали Явлинский, Лужков и Вольский. Возникло объединенное министерство иностранных дел, обороны и т.д.

Я стал форсировать разработку нового Союзного договора. Тут тоже дело шло к подписанию. Тут-то и развивает лихорадочную активность

Бурбулис, увидевший, что разыгрывается не его сценарий — дело идет не к развалу, а к укреплению союзных начал.

Все это было в конце сентября — начале октября. Ельцин тогда был в Сочи. Бурбулис со своим меморандумом уехал туда и пробыл там две недели. Он ломал Ельцина на свой лад, внушая ему, что хитроумный Горбачев уже отобрал наполовину плоды «нашей августовской революции», «нашей победы». Горбачев, мол, на идее нового Союза завоевывает на свою сторону республики. А им это выгодно, хотя они должны все просить у России.

Бурбулис в Сочи убедил Ельцина. Тем не менее тот, вернувшись в Москву, не мог круто отойти от подготовки нового Союзного договора. Он был связан той Запиской, которая была подготовлена группой «10+1». Там было все: Союзный договор, Экономический договор, единые вооруженные силы, единая внешняя политика, территория, гражданство и т.д. Ельцину пришлось бы тогда все это опрокинуть и брать всю ответственность за срыв на себя. После очередного заседания Госсовета 14 ноября в Ново-Огарево я всех их вытащил на экраны телевизора, и все они высказались за Союз.

Словом, в ноябре 1991 года шли одновременно два процесса: в Ново-Огарево одно делаем, а за спиной творится что-то совсем другое — самое настоящее **предательство**, вроде бы уже скоординированное. И заводилой были прежде всего Ельцин и Украина. Не знаю, насколько уже и Белоруссия (Шушкевич) участвовала в этом. Назарбаев был всегда за Союз.

В «разбегании» республик решающую роль играли их политические элиты, руководители. Им очень хотелось реализовать свои амбиции. Это в каком-то смысле несостоявшиеся в прошлом люди. И все хотели вкусить власть. Думали о народе? Полноте! Если бы были мысли о народе, то понимали бы, что нельзя разбегаться.

Много позже, лет пять спустя, имела место дискуссия на телевидении. Были там Шахназаров, Шушкевич, Бурбулис. Этих двоих спрашивают: что же в 1991 году нужно было делать, если с СНГ ничего не удалось? Отвечают: наверное, все-таки **«более правильным был бы мягкий горбачевский союз»**. И это через пять лет после того, как все разрушили и угробили страну.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Возвращаюсь к беловежскому предательству. Спрашиваю Ельцина перед его отъездом в Минск: о чем вообще будете говорить? Он отвечает: «У меня есть общие вопросы с белорусами. Я хочу их решить. Заодно переговорю с украинцами. Сюда (в Москву) Кравчук ехать не хочет, а туда прибыть согласен».

- О чем вместе будете вести речь в Минске? Мы ведь в понедельник должны встретиться в Москве, приглашаем Кравчука, — спрашиваю его опять.
- Поговорим с белорусами, послушаем Кравчука и т.д.
- Давай, Борис Николаевич, договоримся, что на встрече в Белоруссии вы не выходите за рамки того, что есть в Союзном договоре.
- А Кравчук может на договор не пойти: он же теперь независимый (после референдума 1 декабря).
- Тогда предложите ему стать ассоциированным членом.
- Но он и на это может не согласиться.
- В таком случае будем все решать здесь, в Москве, в понедельник.

Вот такой доверительный разговор состоялся, от которого Ельцин и сам не отказывается.

После отъезда Ельцина проходит день, другой — никто мне ничего не докладывает. Звоню министрам: они ничего не знают. Звоню Шапошникову, он знает. Из Беловежья, оказывается, с ним уже разговор провели. Что происходит? Он извивался как уж на сковороде. Он давно уже был «в контакте» с Ельциным. Понимал, что сохранение единых вооруженных сил связано с сохранением Союза, так что не был очень зависим от Ельцина. Из Беловежья ему позвонили, сказали, что готовится заявление трех участников соглашения и предусматривается сохранение единых вооруженных сил, а значит, и его на посту министра. Мне об этом разговоре сам он ничего не сказал, но сразу перезвонил в Белоруссию и сказал, что Горбачев свирепствует. Звонит мне Шушкевич:

- Михаил Сергеевич, я звоню вам по поручению всех.
- А почему ты мне звонишь?
- Мне поручили это Ельцин и Кравчук. Борис Николаевич разговаривал с Бушем: ему доложил, а мне поручили переговорить с Вами.
- Это же стыдоба. Вы звоните американскому президенту, минуя президента Союза, и за моей спиной договариваетесь. Где Борис Николаевич? Дайте ему трубку.

Ельцин взял трубку и начал что-то нудить, язык подозрительно заплетался... Вкратце передал содержание соглашения. Я оборвал его: «Утром в понедельник встретимся и будем разговаривать. Я должен прочитать, что вы там сотворили».

Назарбаев летит в Москву для участия во встрече. На ней должны были быть я, Назарбаев, Ельцин и Кравчук. Ельцин передал из Белоруссии, что Кравчук не придет, беловежские участники поручили ему (Ельцину) проинформировать меня. Ельцина разъярило то, что, когда он пришел, я его стал расспрашивать в присутствии Назарбаева. Он пишет об этом: «Горбачев начал устраивать мне допрос». Для Ельцина всегда была важна не суть, а то, как он выглядит. А здесь его, как мальчишку, допрашивают. Капризничал и нервничал.

Перед встречей я позвонил Ельцину:

- Ты что задерживаешься, я жду.
- Я приеду, но как насчет моей безопасности: гарантирована она или нет?
- Ты с ума сошел. Пока я в Кремле, тебе ничто не угрожает.

Итак, под Минском, в Беловежской Пуще, в охотничьем уголье состоялась встреча трех президентов: России, Украины, Беларуси. И вопреки тому, о чем мы договорились

на Госсовете СССР, в нарушение данных обещаний, Ельцин поставил подпись под документом, ликвидирующим Советский Союз.

Признаюсь, у меня оставались сомнения, вел ли Ельцин все эти месяцы двойную игру или все-таки в последний момент проявил «слабину», сдался под напором своих советников и Кравчука, да еще в «теплой обстановке». Не верилось, что человек способен на такое коварство. Но встречаясь в 1993 году с членами депутатской группы «Смена», я узнал от одного из депутатов, входившего в прошлом в круг рьяных сторонников Ельцина, следующее...

После возвращения из Минска в декабре 91-го Президент России собрал группу близких ему депутатов, всего около 40 человек, с тем чтобы заручиться поддержкой при ратификации минских соглашений. Его спросили, насколько они законны с правовой точки зрения. Неожиданно Президент ударился в пространные рассуждения, вдохновенно рассказывая, как ему удалось «навесить лапшу» Горбачеву перед поездкой в Минск, убедить его, что будет преследовать там одну цель, в то время как на деле собирался делать прямо противоположное.

— Надо было выключить Горбачева из игры, — добавил Ельцин.

Президент России и его окружение принесли Союз в жертву неудержимому желанию воцариться в Кремле.

Свое отношение к минскому соглашению я выразил в Заявлении Президента СССР, опубликованном 10 декабря:

«Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов. Неправоммерно и опасно также заявление о прекращении действия общесоюзных правовых норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе. Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным советом СССР».

Поскольку в соглашении провозглашалась «иная формула государственности», я заявил о необходимости созвать съезд народных депутатов СССР.

Но это уже невозможно было сделать. Республики дали команду своим депутатам, и они в Москву не поехали бы. Шла уже «другая игра». Всю армию я уже не контролировал. Но если бы я мог опереться на какую-то часть армии, была бы гражданская война и большая кровь. Не говоря уже о том, что такая моя попытка могла бы быть расценена как цепляние за власть.

Мне до сих пор задают вопрос: Вы уверены, что после Беловежья использовали все полномочия Президента для сохранения Союза?

Да, решительно все — политические. Почему не применил силу, не арестовал участников Беловежского сговора? Может, стоило в тот момент «стать Сталиным» и решить все, как говорится, одним махом? Нет, такое не могло прийти мне в голову, потому что это уже был бы не Горбачев. Тогда и не надо было ничего начинать. Если бы, не дай Бог, я уловил себя на том, что готов пойти на насилие, чтобы удержать власть, не думая и не смущаясь, во что это может вылиться... тогда, я думаю, не нужен был бы такой Союз, умытый опять кровью.

Если бы я пошел на крайнее обострение, не знаю, чем бы все кончилось, могло бы кончиться расколом страны, армии, милиции — всего — и гражданской войной. Этот путь для меня был закрыт.

Наконец, я в тот острейший момент не терял надежду на Верховные Советы России, Украины и Белоруссии. Это ведь были новые органы, избранные на свободных выборах в 1990 году. На них лежала ответственность за реализацию воли народов, выраженной на

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

референдуме. Но депутаты Верховных Советов России, Украины, Белоруссии почти поголовно проголосовали за развал СССР.

Не выдерживают критики утверждения, будто у «героев» Беловежья не было выбора, что Украина «уходила» и идея Союза лишилась всякой перспективы. Это ложь. Еще до того как Кравчук использовал украинский референдум, чтобы заблокировать подписание Союзного договора, было достигнуто согласие, что — не грех повториться! — будет создано конфедеративное государство с общим рынком, согласованной внешней политикой, едиными вооруженными силами, единой валютой, центральным банком, общей энергетикой, совместной космической деятельностью, магистральным транспортом и связью, т.е. всем тем, где Союз работает для всех.

Акция в Минске поставила азиатские республики перед фактом. Намек на их «вторичность» в определении характера Содружества не прошел незамеченным. И здесь была допущена катастрофическая ошибка. Кстати, руководители и парламенты Казахстана, республик Средней Азии проявили тогда реализм, заняли, я бы сказал, более цивилизованную позицию, чем их европейские коллеги.

После ашхабадской, а затем алма-атинской встреч Содружество получило какую-то легитимность. Однако логику дезинтеграции принятые там документы не поломали. Существенные для жизнеспособности Содружества вопросы оставили в виде деклараций о намерениях, да и то по-разному толкуемых. Последовавшее поведение Украины и другие события — тому свидетельство.

Вообще, все происходившее после «Пуши» я не могу характеризовать иначе как нечто иррациональное. Спустя год-два Хасбулатов весьма сожалел, что, добиваясь ратификации Беловежского соглашения, обращался к Зюганову с просьбой убедить депутатов-коммунистов голосовать «за». А коммунистов как понимать? Они считали, что путч совершен «в целях защиты СССР» от развала. А при ратификации беловежских соглашений голосовали за ликвидацию Союза. Да никаких мыслей о судьбе Союза ни у тех, ни у других, ни у третьих не было. Карьеристские планы затмили головы политикам.

Так что в целом та партийная номенклатура, которая поддерживала в августе путчистов, чтобы сорвать подписание Союзного договора, проголосовала и за развал Союза!

18 декабря я направил письмо участникам встречи в Алма-Ате. Опубликовано оно было 20 декабря и осталось без последствий.

Был еще один мотив. Космонавт-коммунист Севастьянов, известный своей оголтелостью, выступая в прениях по вопросу о беловежском соглашении, высказался так: я голосую и призываю всех проголосовать «за» — «чтобы избавиться от Горбачева»... В этом сомкнулись крайне правые и крайне левые...

В своих ожиданиях относительно позиции верховных советов республик я просчитался. Я был потрясен иррациональным общественным мнением, не осудившим распад Союза.

Кроме всего прочего, надо иметь в виду, что мои силы после путча были ослаблены. К тому времени все кадровые назначения — таково было мнение руководителей Госсовета, а в него входили президенты союзных республик — я должен был согласовывать с Ельциным.

Решения Верховных Советов республик и пассивность граждан лишили меня права принять жесткие решения по отмене беловежского соглашения... Странно и удивительно: будто в декабре 91-го Союз был нужен только Президенту. Ну а сейчас, оказывается, большинство людей сожалеют о распаде СССР. Всем стало ясно, что совершили! Для меня и тогда было все ясно, и я об этом не раз говорил согражданам.

23-го мы с Ельциным долго обсуждали вопросы перехода от союзного государства к СНГ. 25 декабря я подписал Указ о сложении полномочий Президента СССР и выступил по телевидению с обращением к народу.

Вновь и вновь возвращаюсь мысленно к событиям декабря. И прихожу к выводу, что поступить иначе я не имел права. Я видел, насколько были ограничены мои возможности уже тогда. Для меня приемлемы были только легальные, конституционные пути, и я их до конца использовал...

Сегодня те, кто собрался в Беловежской Пуще (и подпевающие им нынешние политологи) говорят: «Ну что? Мы сделали там доброе дело. Ведь Союз вообще-то разваливался. И с нами могло произойти то, что произошло с Югославией. Поэтому деваться-то некуда было, вот мы сделали доброе дело». Они хотят реабилитировать себя перед историей и сегодняшним поколением, которое многого из того, что тогда происходило, не знает. Но это — самая настоящая фальсификация истории. Они врут: задним числом хотят подкорректировать историю. Это лживая позиция и обман людей. Они разваливали Союз! Путчисты и Ельцин — эти края сумасшедшие в той схватке!

Я переживаю за то, что мне не удалось завершить перестройку. Она сорвалась прежде всего в этом пункте. Это во-первых. Во-вторых, я переживаю то, что... вот... на этом направлении я как политик проиграл.

Мы проиграли потому, что вовремя не взялись за национальные проблемы. Мы все были убеждены в незыблемости Союза. Никто в мире не ожидал, что Союз вот-вот может развалиться. Никто. А уж тем более мы. Мы считали, что, как говорил Андропов на 60-летию СССР, национальный вопрос, оставленный нам царизмом, решен. Сколько водки выпили и всяких других напитков, менее крепких и более крепких, за здоровье нерушимого Союза! Вера в него сидела в нас крепко. И психологически это объясняет, почему мы упустили процессы, которые шли исподволь.

Меня везде спрашивают: а зачем вы допустили Ельцина к власти? Я уже говорил, как это произошло. Это были большие кадровые ошибки.

По своей идеологии Ельцин вплоть до 1991 года оставался коммунистом-ленинцем. Уже став Председателем Верховного Совета России, в одну из ленинских годовщин прислал мне приветственную бумагу и призывал следовать заветам Ленина. Я был против избрания Ельцина на тот пост. Говорил об этом на встрече в ЦК с коммунистами — депутатами российского съезда. Но они его избрали.

Лишь после расстрела Белого дома осенью 93-го года все увидели, что представляет собой Ельцин, который не способен вести реформы, а вот растоптать впервые в истории свободно избранный парламент — это пожалуйста! Для него ничего не значит человеческая жизнь, если для этого надо свести счеты со своими оппонентами.

Мне кажется, уместно закончить рассказ о Беловежье именно Ельциным — на нем главная ответственность за утрату единой великой державы.

ЗАРУБЕЖНОЕ ЭХО

Ведущие лидеры зарубежных государств, руководствуясь национальными интересами, делали выбор в пользу сохранения целостности нашего государства. Для любого серьезного государственного деятеля было очевидно, что распад СССР создаст в мире своего рода «черную дыру».

Еще до «беловежского сидения», 3 декабря мне позвонил Коль. Он с беспокойством спрашивал, как обстоят дела. Я кратко обрисовал обстановку и призвал канцлера способствовать тому, чтобы не произошло худшего.

4 декабря состоялся телефонный разговор с президентом Польши Лехом Валенсой. Он высказал солидарность с моей концепцией реформирования СССР и выразил

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

готовность обратиться к народам нашей страны с призывом следовать по эволюционному пути реформ.

На другой день я беседовал с венгерским премьером Йозефом Ан-талом. Он говорил о необходимости удержать процесс суверенизации в СССР в цивилизованных рамках. Сослался на опасный пример Югославии.

Мейджор направил в Москву специального представителя британского правительства Д. Эпларда для выяснения вопроса о международных обязательствах Советского Союза в новой ситуации.

В этот же день позвонил Буш. Сообщил, что направляет в Москву Бейкера. Беседа с ним состоялась накануне Алма-Атинской встречи. Бейкер заявил, что администрация США делает все возможное, чтобы не втягиваться в наши внутренние дела. Мы, мол, заинтересованы в том, чтобы трансформация происходила у вас упорядоченным и конституционным путем, ибо, если дезинтеграция усилится, последствия для советского народа и внешнего мира будут весьма плохими.

На вопрос Бейкера, как им, американцам, сейчас поступать, я сказал, что сейчас для нас главное — дополнительная продовольственная помощь. Бейкер спросил, что имеется в виду под переходным периодом, о котором ему только что говорил Ельцин. Необходимо, ответил я, полноценное соглашение о Содружестве, чтобы канализировать процесс в правильном направлении. Должно быть в любом случае ясно, что из этого «пространства» будет исходить в мир.

На следующий день мне позвонил Франсуа Миттеран. Вот его слова:

«Во время нашей с Вами последней встречи я выразил пожелание, чтобы все республики оставались едиными и объединенными. Я сказал тогда и хочу повторить сейчас, что это крайне необходимо не только для вашей страны, но и для всей Европы... События, происходящие в вашей стране, глубоко нас интересуют и одновременно не могут не беспокоить. Как и прежде, я считаю, что Вы были и остаетесь гарантом стабильности и постоянства в этой стране. Франция пристально и с чувством понимания и симпатии следит за каждым Вашим действием, за каждым Вашим шагом».

Первым из иностранных государственных деятелей, с кем я разговаривал после Алма-Атинской встречи, был тот же Миттеран (21 декабря). С первых же слов, доброжелательных и дружеских, я ощутил, что его тревожит мое душевное состояние и намерения. Я поблагодарил за внимание, кратко проинформировал о решении, принятом в Алма-Ате. И вновь выразил беспокойство по поводу того, что не вижу в решениях руководителей суверенных государств четких представлений о механизмах взаимодействия, без чего это объединение не жизнеспособно.

23 декабря состоялся разговор с Мейджором. На его вопрос о произошедшем я сказал:

- Да, события в нашей стране, даже при самом оптимистическом взгляде, нельзя не назвать драматическими. Я думаю так: пусть не Союз, но нельзя допустить, чтобы все, что происходит сейчас, привело к большим потерям для нас самих и для всех. Какой должна быть моя роль? Я остаюсь приверженным своей позиции, но вижу реальный процесс как он есть. Пока не думаю, что дело пойдет, как в Югославии. Для меня это самое главное. Надеюсь, и для вас... Будьте очень внимательны к тому, что у нас происходит. И надо помочь СНГ, прежде всего России. Это сейчас — основное.
- Когда мы смотрим в будущее, — ответил Мейджор, — то думаем, что нельзя потерять достигнутое. Отсюда стремление помочь вашей стране. Что бы ни

⁶По пути с Мадридской конференции по Ближнему Востоку (конец октября 91-го года) я, по приглашению Миттерана, остановился в горной деревушке Латче в Пиренеях, где президент Франции «держал» отдаленную от столицы избушку (иначе не назовешь) для уединенного отдыха.

произошло дальше... Мы понимаем, какими трудными будут предстоящие месяцы.

— Нужна также финансовая помощь, — продолжал я. — Нельзя жалеть на это 5-10-15 миллиардов. В противном случае, если процесс преобразований будет сорван, придется всем заплатить цену в десять, в сто раз большую.

24 декабря мне нанес визит итальянский посол Фердинандо Саллео. Он передал послание от президента Коссиги и сугубо личное, дружеское, написанное от руки письмо председателя Совета Министров Джулио Андреотти.

В этот же день позвонил Малруни: «Я не знаю, что будет происходить в эти ближайшие дни, но уверен, что ваш личный вклад в историю страны и мира поистине уникален. Ваши усилия в деле демократизации СССР, модернизации экономики страны можно охарактеризовать только одним словом — героические. Они оставят неизгладимый след в мире, равно как и ваш вклад в дело разоружения и всеобщего мира».

Я сказал Малруни:

— Позиция канадского правительства и других, думаю, должна состоять в том, чтобы помочь Содружеству в главном — ваши шаги должны стимулировать сотрудничество и взаимодействие республик. Разлад, дезинтеграция имели бы опасные последствия также и для Европы, и для всего мира.

25 декабря состоялся последний разговор с Бушем. Я ему сообщил, что примерно через два часа сделаю заявление об уходе. Сказал, что только что направил ему прощальное письмо.

«У меня на столе лежит Указ Президента СССР, — сказал я ему в заключение. В связи с прекращением выполнения мной обязанностей Верховного Главнокомандующего я передаю право на использование ядерного оружия Президенту Российской Федерации. Придаю большое значение тому, что эта сторона дела находится под надежным контролем. Как только я сделаю свое заявление об уходе, Указ вступит в действие. Так что вы можете спокойно праздновать Рождество...»

— «Хочу заверить, — ответил Буш, — что мы сохраним заинтересованность в ваших делах. Будем стараться помочь, особенно Российской республике, учитывая те проблемы, с которыми она сейчас сталкивается и которые могут обостриться зимой... Я написал вам письмо, которое будет отправлено сегодня. В нем я выражаю свое убеждение, что сделанное вами войдет в историю и будущие поколения в полной мере оценят ваши достижения»...

25 декабря я подписал прощальные письма государственным деятелям, с которыми на протяжении более шести лет работал над решением сложных международных проблем.

Никаких проводов не было. **Никто из руководителей государств СНГ мне не позвонил.** Ни в день ухода, ни после...

Утром 25 декабря мне позвонили из приемной в Кремле и сообщили, что в 8:30 утра Ельцин с Хасбулатовым и Бурбулисом заняли мой кабинет, с гоголом и шутками веселились, распили бутылку виски... Торжество хищников — другого сравнения не нахожу.

Мне было предписано за три дня освободить загородную резиденцию и президентскую городскую квартиру. 25 декабря, еще до моего выступления по телевидению, группа лиц появилась в доме по ул. Косыгина, чтобы опечатать квартиру.

Беда страны слилась с моей личной бедой. Власть оказалась у людей безответственных и некомпетентных, амбициозных и безжалостных. В тяжелую ситуацию попали не только Россия, но и все остальные бывшие республики СССР.

Все это в огромной мере — результат декабрьского переворота, черной страницы в истории России и Союза.

Какие оценки происшедшего в декабре 1991 года остаются для меня неизменными и спустя 20 лет?

Дезинтеграция страны произошла в результате авантюры ГКЧП и политики российского руководства, взявшего курс на разрушение Союза.

Импульс дезинтеграции дала идея, озвученная писателем Распутиным на Съезде народных депутатов. Отвечая с трибуны Съезда на критику в адрес России, он сказал: если мы виноваты во всем, включая и репрессии по отношению к другим народам, то тогда давайте мы, русские, выйдем из Союза, а вы живите без нас. Весь зал встал и сопровождал аплодисментами оратора стоя, пока он не дошел до места.

Эту идею подхватила команда Ельцина и проэксплуатировала сполна, пользуясь ухудшением экономической обстановки в стране, трудностями перестройки.

Это был провал стратегического порядка. Это была смена всей линии поведения. Ельцин заявил на Верховном Совете РСФСР: «Через три-четыре года Россия будет в числе процветающих государств». Телевидение транслировало напрямую.

Но это как раз и было **величайшим** заблуждением. В результате наши последующие беды минимум на 50, а то и на все 60 процентов связаны с развалом страны, а вовсе не с моделями, которые навязывали «гарвардские мальчики» или еще кто-то. Главная причина — развал страны. Разрушение всей экономики.

Идеей «суверенизации» удалось одурманить интеллигенцию и одурачить народ настолько, что его реакция на Беловежье выглядела совершенно иррационально — просто сумасшествие какое-то. До сих пор не могу до конца его объяснить.

Инициаторы распада Союза утверждали: порознь все заживут лучше. Но прошедшие годы опровергли этот тезис. На практике подтвердилось, что никакие экономические методы не могут быть эффективными в условиях развала целостных систем — транспортной, энергетической, связи и информации, здравоохранения, науки, образования, социального обеспечения. Даже Россия, обладающая наиболее мощным экономическим потенциалом и природными ресурсами, не смогла уберечься от невиданного в мирное время обвала производства, упадка буквально всех сфер жизнедеятельности.

О «предательстве социализма» говорят многие представители старой номенклатуры. Но правда состоит в прямо противоположном. Партийная номенклатура несет историческую ответственность не только за ту ситуацию, в которую она загнала страну в период брежневского застоя, но и за создание националистической по сути РКП, противопоказанной единству страны, и, конечно, за предательскую позицию во время ратификации беловежского соглашения.

Заключение

Место перестройки в истории

Революция 1917 года определила многое в XX веке. Перестройка во многом определила тот поворот в нашей стране и мире, который совершается сейчас. В 1917 году большевики сделали ставку на диктатуру как способ решения своих и мировых проблем. Перестройщики стремились это сделать мирным, демократическим способом.

Что касается выбора народа, то он был неизбежным и правильным и в Октябре 1917 года, и в марте-апреле 1985-го. Конечно, мы допустили просчеты, многое сорвалось, многое нам помешало сделать. Но с точки зрения исторического выбора он, несомненно, выражал интересы великой нации.

Созданный большевиками строй сошел со сцены. Но было бы крупнейшей ошибкой считать, что «русский эксперимент» был бесполезным, что он принес только зло.

Советское общество с исторической точки зрения зашло в тупик, но в то время родилось и много такого, что было нужно и полезно для миллионов людей уже тогда. И имеет смысл для будущего. Так что наши деды и отцы жили не зря. Даже на самых нижних ступенях общественной лестницы люди в СССР не ощущали себя в ситуации социальной безысходности, которая переносится из поколения в поколение. Я уж не говорю о том, что была создана мощная и по тем временам — на какой-то срок — передовая индустрия.

Важно и другое: большевики через культурную революцию, через развитие науки создали образованное общество, которое, как это ни парадоксально и вопреки их намерениям, в конце концов, опрокинуло режим. Режим был оторгнут **на уровне культуры**. И это значит очень многое.

Если извлекать уроки из ошибок, то можно взять ценное из каждой эпохи. **Разница эпох состоит и в том, какую цену платят люди за достижения.** Чем платили в годы сталинизма — мы знаем. Перестройка не обошлась без потерь. События пошли так, что мы не смогли их удержать в нужном русле. Но не прибегли к сталинскому методу расстрелов, принуждения, расправ.

Неизбежность гибели капитализма история не подтвердила... **пока** не подтвердила и, по-моему, **уже** не подтвердит. А о неизбежности гибели «социалистического тоталитаризма» просигналила еще «Пражская весна». Само ее поражение под советскими танками не только столкнуло на еще одну полосу подавления всех попыток демократии в «реальном социализме», но и означало — с диалектической точки зрения — начало конца тоталитарной системы.

Что бы ни говорили о перестройке ее противники и критики, время было удивительное, всколыхнувшее все общество. Лишь поколения наших внуков и правнуков оценят по-настоящему, что получено от перестройки.

Мы столько пережили войн, гражданских конфликтов, расколов, индустриализацию, коллективизацию, ГУЛАГ, позорную борьбу с космополитизмом, с диссидентством, что пора остановиться. Но и помнить, что можно довести народ до такого состояния, что он выступит и потребует справедливого порядка.

Перестройкой надо было решать проблему выхода страны из тоталитаризма. Мы хотели общества, в котором присутствовали бы общечеловеческие ценности. А это значит — справедливость и солидарность, христианские и демократические идеи и понятия.

Мы открыли путь, чтобы идти дальше. Сделали то, что надо было сделать: дали свободу, гласность, политический плюрализм, дали демократию. Мы сделали свободным человека. Мы дали возможность выбора в условиях гражданской свободы, свободы совести, мысли и слова. И думаю, что в эти рамки укладывается и демократическое понимание социализма.

Я думаю, что к былым диким формам государства мир уже не вернется, они изжили себя, хотя авторитарные режимы еще могут появляться. Вопрос о будущем общества надо решать исходя не из дихотомии: капитализм — социализм. Дело не в формациях. Дело в том, чтобы идти к обществу, которое должно взять лучшее от либерализма, от социализма, от других вариантов прогресса. Не знаю, как назвать это будущее общество, но мне думается, оно впитает в себя и освоит все культурное, духовное, материальное богатство, которое выработало человечество за тысячелетия.

Похороны социалистической идеи не состоялись. Но сама она должна быть избавлена от претензий на монополию и стать путем к диалогу с другими идеями и философиями, к духовному взаимообогащению в поиске общества будущего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ • МЕСТО ПЕРЕСТРОЙКИ В ИСТОРИИ

Важнейший урок перестройки и нашего времени состоит в том, что нельзя делать ставку на скачки и перевероты. Конечно, такой подход вбит в наш менталитет. Нам все время приходилось прорываться, защищаться, мобилизовываться. Ради большой идеи или цели отказывали себе во всем, ограничивали себя. Надо наконец избавиться от надежд на то, что все можно решить одним махом. Надо **перестать шарахаться** из одной крайности в другую.

Была ли перестройка своеобразным историческим выкидышем? Размышляя над этим сегодня, я прихожу к выводу, что неререформируемых общественных систем не бывает: иначе не было бы вообще прогресса в истории.

Перестройку следует оценивать не по тому, чего она не смогла или не успела дать, а по **масштабам того поворота**, которым она стала в многовековой истории России, по ее позитивным последствиям для всего мира.

Перестройка была прежде всего ответом на назревшие потребности советского общества с его проблемами и противоречиями. Вместе с тем в ней отразились и более широкие процессы, характерные для мирового развития в последней четверти прошлого века. Перестройка возвращала страну на стремнину мировых процессов. Она породила эффект резонанса, стимулировала перспективные тенденции в окружающем мире.

В этом смысле перестройка вписывается в «третью волну демократических революций», которые прокатились в середине 1970-х годов по Европе (Греция, Испания, Португалия), а в следующем десятилетии перекинулись на Западное полушарие. Перестройка подхватила эту эстафету и вернула ее в Европу, в восточную часть континента, ранее наглухо отгороженную «железным занавесом».

Параллельно развивался более всеобъемлющий процесс, который известен теперь как «глобализация». В 1980-90-е годы практически все страны оказались перед необходимостью адаптироваться к ее вызовам.

В своей внешней проекции перестройка могла выступить в качестве проекта, альтернативного господствующей неолиберальной версии глобализации. В перестроечной концепции намного сильнее выражены социальные мотивы. Ее «картина мира» строится на балансе интересов, а не силовых потенциалов. Пока существовал Советский Союз, такое международное развитие после окончания холодной войны имело хорошую перспективу.

Каждый народ с учетом своей истории, своей культуры, своего менталитета, своих возможностей имеет право на свободу выбора. Из этого вытекает многообразие вариантов развития. Нельзя ограничивать свободу выбора ни для кого. С этого начинался, если угодно, мой «ревизионизм»: я исхожу из того, что и судьбы демократии не могут решаться вне принципа свободы выбора, плюрализма.

На протяжении неполных семи лет отношение к перестройке сильно менялось по мере ее развития и углубления. Сначала ее не принимали всерьез, считая очередным пропагандистским трюком Кремля. Затем с трудом и сомнениями начали верить в основательность нового курса советского руководства. Потом горячо поддерживали, даже защищали от враждебных нападков. И значительная часть мировой общественности искренне сожалела о трагическом финале перестройки. И это понятно: с прекращением перестройки у многих людей рассеялись надежды на коренное обновление мира, на демократический прорыв в будущее.

Что же дала перестройка стране и миру? Назову лишь некоторые достижения.

Перестройка отменила монополию одной партии и идеологии. Было полностью покончено со сталинщиной, с политическими и идеологическими репрессиями. Сотни тысяч людей, невинно осужденных, были полностью реабилитированы.

Мы запретили цензуру, дали свободу слова, печати, собраний и митингов, право создавать политические организации и партии, возможность избирать власть на

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

альтернативной основе. Сформировались на деле представительные органы власти, были сделаны первые шаги в направлении разделения властей. По сути дела, в стране возникла политическая система, восприимчивая к парламентаризму.

Права человека (до того они у нас были «так называемыми» и обязательно — в уничижительных кавычках) стали неукоснительным принципом. Впервые появилась возможность свободно выезжать за границу и публично критиковать всякое начальство и саму власть. Даже если не все права и свободы удалось реализовать в полной мере, движение в этом направлении, начатое перестройкой, необратимо.

Переход к новому состоянию общества осуществлен без кровопролития. Удалось избежать гражданской войны. Мы зашли с реформами настолько далеко, что тенденция была уже неостановима. До сих пор многие удивляются, как это удалось в столь большой и сложной стране.

Экономическая логика перестройки развивалась по линии постепенного демонтажа командно-административной системы хозяйства и внедрения элементов рыночного хозяйственного уклада. Началось движение к многоукладной экономике, к равноправию всех форм собственности, набирало энергию предпринимательство, аренда, пошли процессы акционирования, приватизации. В рамках Закона о земле стало возрождаться крестьянство, появились фермеры. Миллионы гектаров земли были переданы сельским жителям, горожанам.

Поиски демократического реформирования многонационального государства, его трансформации из сверхцентрализованного унитарного в реальную федерацию подвели к порогу заключения нового Союзного договора, в основе которого лежало признание реального суверенитета каждой республики при сохранении необходимых для всех общности экономического, социального, правового пространства, единой обороны и принципов внешней политики.

Некоторые критики перестройки — из тех, кто будто бы уже тогда точно знал, как лучше действовать, — сегодня говорят: надо было начинать с партии. Но мы ведь с этого и начали. Однако именно здесь столкнулись с главными трудностями: с глухим, а потом и все более явным сопротивлением номенклатуры и одновременно с нарастающим кризисом авторитета и легитимности КПСС вследствие разоблачения сталинских преступлений. Обновление партии должно было завершиться на XXIX съезде принятием новой, по сути дела, социал-демократической программы, проект которой был опубликован. К моменту созыва внеочередного съезда, намеченного на осень 1991 года, должны были возникнуть, по меньшей мере, три политические партии, выражающие социал-демократические, коммунистические и либеральные идеи.

Преобразования внутри страны неизбежно привели к повороту в ее внешней политике. Новый, перестроечный курс обусловил отказ от стереотипов и приемов конфронтационного прошлого, деления мира на «своих» и «чужих», от маниакального стремления навязать свой образ жизни окружающему миру. Он позволил переосмыслить главные параметры безопасности государства и путей ее обеспечения, дал стимул широкому диалогу о новых принципах мироустройства.

Вопреки всем и внутренним, и международным трудностям внешняя политика перестройки, вдохновленная идеями нового мышления, дала неоспоримо положительные результаты. Главный из них — **прекращение холодной войны. Пришел к концу длительный и потенциально смертельно опасный период мировой истории, когда все человечество жило под постоянной угрозой ядерной катастрофы.** Уже несколько лет идет спор о том, кто выиграл и кто проиграл в холодной войне. Сама подобная постановка вопроса — не что иное, как дань сталинистской догматике. По здравому смыслу — выиграла все. Произошла консолидация основ мира на планете.

Отношения с государствами — как Востока, так и Запада — были введены в нормальное, **неконфронтационное русло.** Был проложен путь к равноправному

партнерству, отвечающему интересам всех, и прежде всего — нашим национально-государственным интересам. Появилась возможность существенно уменьшить бремя военных расходов и вооружений и направить часть высвободившихся ресурсов на гражданское производство. Страстное желание наших людей, переживших 1941 год, — не допустить ничего подобного той войне — получило, наконец, удовлетворение.

Как и во всем другом, в сфере внешней политики периода перестройки далеко не все было (и не могло быть!) идеально: что-то можно было сделать более эффективно, более тонко. Были такие возможности? Наверное, да. Но как бы то ни было, на всех основных, решающих направлениях задуманное и осуществленное отвечало интересам и потребностям нашей страны, поднимало ее авторитет и международное влияние, упрочивало ее безопасность. (Если, конечно, не трактовать безопасность с идеологически-сталинистских позиций).

Таковы решающие итоги перестройки. Даже далеко не полный перечень ее достижений опровергает распространенное мнение о провале перестройки. В ходе перестройки многие ее цели были достигнуты. Распуск Советского Союза устранил сам объект мощного, перспективного развития самой страны и убрал с мировой сцены **колоссальный фактор** упорядочивания и умиротворения международных процессов.

Перестройка стимулировала **рост национального самосознания** в республиках. И это, в принципе, было позитивным явлением. Но, используя подъем национальных чувств, республиканские элиты устремились поскорее и безоглядно перетаскать к себе экономические ресурсы, поставить под свой контроль то, что было общесоюзной собственностью. Да, конечно, необходимо было подвести новый материальный фундамент под государственное устройство Союза. Руководство страны это понимало и признавало. Однако мы, видимо, переоценили запас прочности советского строя и, главное, недооценили масштаб своекорыстия и амбиций национальных элит. Использовать народную стихию для обретения политической власти — такова была цель. Ради нее не остановились перед разрушением союзного государства. Как говорится, готовы были поджечь дом, чтобы погреть руки. Это и сделали. Метя в Горбачева, попали в Союз.

Крайне негативную роль в судьбе СССР сыграла деструктивная политика руководства РСФСР во главе с Б. Ельциным. Под прикрытием вполне естественного требования — полнее удовлетворять потребности населения России — оно фактически **торпедировало все проекты Союзного договора**, преднамеренно и своекорыстно вело дело к разрушению единого государства.

Сегодня, оглядываясь назад, я вновь и вновь укрепляюсь в убеждении, что **единство страны** или, по крайней мере, основной ее части можно было сохранить — на путях глубокого обновления федерации. Иногда утверждают, что Советский Союз вообще нельзя было сохранить, что его распад был предопределен объективными причинами, приведшими в XX веке к ликвидации империй. Такая точка зрения — следствие сугубо механистического подхода к истории с ее якобы «железными» законами и однозначными правилами. Чаще всего, она продиктована стремлением **обелить виновников развала** Союза.

Спустя два десятилетия легко рассуждать о том, что в ходе перестройки было сделано не так, в чем ошибались, а где роковым образом сошлись обстоятельства.

Драматический парадокс перестройки тесно связан с наследством, которое нам было оставлено: осмелиться на перемены — в этом был большой риск, но отказаться от них было еще опаснее для страны в том состоянии, в каком я ее застал, став у руководства.

Оглядываясь назад, более отчетливо видишь фундаментальные причины, затруднявшие реформирование советского общества. В процессе демократизации быстро оживали и набирали силу разноплановые претензии и противоречия, накопившиеся за 70

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

лет советской эпохи. Они умело использовались рвавшимися на авансцену беззащитными идеологами и безответственным политиками.

Сказалась затянувшаяся реорганизация государственных институтов — результат нарастающего противостояния между реформаторским руководством страны и его противниками и оппонентами. Ослабление систем контроля, правопорядка разжигало стремление части номенклатуры к фактическому захвату государственной собственности. Снятие тотального контроля над обществом стало восприниматься не как приглашение со стороны власти к диалогу и сотрудничеству, а как слабость власти, провоцирующая поведение в режиме «все позволено». Нарушение законов становилось нормой, реальное влияние на экономику стали оказывать мафиозные группировки, заинтересованные не в создании нормальной рыночной системы, а в криминальном разделе государственной собственности.

Свою роль сыграло и **фатальное стечение обстоятельств**: чернобыльская катастрофа, страшное землетрясение в Армении, резкое падение мировых цен на энергоносители — все это существенно сузило возможности реформирования и подорвало воспрянувший было социальный оптимизм населения.

Но было бы неверно и нечестно объяснять драматический финал перестройки исключительно объективными причинами, трагическими случайностями, российской спецификой и особенностями советского прошлого. Были ошибки и просчеты у руководства, действовавшего в условиях жестокого цейтнота и оказавшегося под перекрестным огнем со стороны консерваторов и радикалов, националистов, составивших в конце концов единый фронт в стремлении свалить центральную власть.

До сих пор спорят: были ли реформаторским руководством Советского Союза допущены в ходе перестройки **роковые** просчеты, которых можно было избежать, или же у Горбачева и его соратников в сложнейших условиях 80-х — начала 90-х годов катастрофически сужалось пространство выбора, практически не оставляя альтернатив и возможностей для маневра? Не могу не признать, что не всегда мы находили оптимальный вариант решения.

Мы не сумели в полной мере воспользоваться первоначально безусловной поддержкой народа. Не знаю, была ли еще когда-нибудь у власти такая искренняя массовая поддержка. Но постепенно мы начали ее терять. Не использовали время для решения проблем ценообразования и рынка. Люди ждали, а мы никак не могли решиться пожертвовать старыми подходами и гнали деньги, миллиарды долларов в устаревшие дорогостоящие объекты. Надо было сбалансировать потребительский рынок, смелее и жестче развернуть оборонную промышленность на выпуск хороших изделий для народа. Тогда никто не смог бы сбить людей с толку.

Мы опоздали с реформированием Союза. Нам была нужна не дезинтеграция, а децентрализация СССР. Опоздали с реформированием партии. Это две самые большие ошибки.

Хорошо известно, что СССР был «партийным государством», где политико-идеологическая инстанция в лице КПСС и государственные институты были неразрывно переплетены. Поэтому ослабление партии автоматически влекло за собой ослабление государства. Партию олицетворяла номенклатура. Но именно она, как известно из истории, пожирает реформаторов. Она их смещает, она глушит тенденции, которые содержат способность к изменению. Трагическое противоречие состояло в том, что с «государством КПСС» — наследием уходящей и изживавшейся исторической эпохи — мы не могли двигаться вперед, не могли развиваться, но и в одночасье, сразу отринуть его означало подвергнуть страну риску, поскольку на всех этажах управления сидела номенклатура. Однако КПСС, в лице своей номенклатуры, из мотора перестройки... нет, мотор — сильно сказано... хотя инициатором перестройки она конечно была — превратилась в самую настоящую реак-ционную силу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ • МЕСТО ПЕРЕСТРОЙКИ В ИСТОРИИ

Возможным разрешением этого существенного противоречия мог бы стать инициированный партийным руководством раскол КПСС и оформление из одной ее части партии реформаторского типа. В случае раскола, думаю, большинство членов КПСС (вне зависимости от их взглядов), а также ключевые ресурсы этой мощной организации ушли бы вместе с реформаторским руководством. Тут давняя традиция и привычка к дисциплине помогли бы нам. Однако августовский путч похоронил этот план, равно как и новый Союзный договор.

Наличие сильного консервативного течения в Политбюро вообще в верхних эшелонах партии, вело к тому, что нередко мы запаздывали с принятием неотложных решений. Важным моментом было избрание Президента СССР Съездом народных депутатов Советского Союза. Согласно распространенной точке зрения, если бы Горбачев избирался всеобщим народным голосованием (в моей победе тогда мало кто сомневался), то в решающие моменты 1991 года более убедительная легитимность власти Президента позволила бы предпринять более твердые шаги против ликвидаторов СССР.

К нереализованным возможностям административного характера следует отнести упущения в контроле за соблюдением законности, необходимого для обеспечения стабильности в русле крутого политического процесса. Последствия этого недостатка проявились в ходе многочисленных этнических конфликтов, начиная с резни в Сумгаите в 1988 году. Не были приняты самые жесткие меры по преследованию и наказанию погромщиков, расформированию незаконных военизированных групп. Мы проявили определенную самонадеянность в вопросах межнациональных отношений. Несомненно, за десятилетия после Октября в национальной политике были огромные достижения. Вместе с тем было и много нерешенных проблем, унаследованных от давнего прошлого и возникших уже в советское время, в ходе осуществления послеоктябрьской национальной политики, особенно при Сталине.

Мы должны были предвидеть, что, раз взят курс на демократию, многие старые вопросы всплывут и новые появятся. И это произошло. Прежде всего — о незаконно выселенных народах: ингушах, чеченцах, карачаевцах, балкарцах, калмыках, крымских татарах, немцах и других. Такие проблемы мы могли решить, но опоздали. Подвели к тому, что нужен новый договор, но времени было мало, и все раскачалось настолько, что достаточно было путча, чтобы спровоцировать центробежные страсти. Мы проиграли в этом. И всего бы этого не произошло, если бы мы, повторяю, раньше занялись реформированием и партии, и Союза.

У советской политической системы были свои достоинства. Сегодня, после горького опыта 90-х годов прошлого века, многие в России испытывают ностальгию по советской власти, думая о ней лучше, чем она воспринималась в предперестроечный период, когда от Советов оставалась лишь внешняя форма, прикрывавшая всевластие партноменклатуры. Приукрашивание прошлого — это и реакция людей на цинизм нынешней власти. Эта опасная болезнь захлестнула нашу политику и средства массовой информации.

Историческая заслуга реформаторов перестроечных лет в том, что они начали коренные, назревшие реформы и стремились вести их демократически, шаг за шагом продвигаясь вперед в рамках единственно возможного тогда выбора, расширяя границы свободы, масштабы и глубину перемен. В ходе перестройки удалось качественно изменить общество, придать ему демократическое измерение. Поэтому констатация тех или иных ошибок в ходе перестройки не может перечеркнуть ее основных достоинств.

Перестройка состоялась как альтернатива двум историческим крайностям: эгоистическому частнособственническому капитализму, с одной стороны, и сталинскому тоталитаризму — с другой. Это было одновременно как стихийное, так и сознательное, целенаправленное движение к синтезу позитивных черт социализма и капитализма.

ПОНЯТЬ ПЕРЕСТРОЙКУ.

Не столь важно, как назывался бы этот синтез, главное, что эта попытка грандиозного социального творчества была направлена на то, чтобы **преодолеть «проклятое» противоречие между эффективностью и справедливостью**. Она была призвана показать неисчерпаемость истории, вывести род человеческий на иной уровень реализации своего потенциала.

Перестройка написала на своем знамени знаменитые слова — «справедливость», «демократия», «гласность» и во многом их перевела в практику. Иную картину мы получили при проведении шоковых «реформ». Они обернулись сплошным беззаконием, попранием прав человека в условиях **образовавшейся пропасти между уровнями жизни большинства и узкого слоя привилегированных**, небывалым ростом преступности, «системной» коррупцией, войной в Чечне. Это время связано с зависимостью СМИ от олигархов и исполнительной власти. «Радикальные реформы» проводились большевистским методом, недаром же это сопровождалось неслыханным после Сталина наращиванием силовых структур для обуздания народного протеста и обеспечения послушания представительных, выборных институтов.

По-своему перестройка была историческим подвигом: ведь советское общество освободилось от тоталитаризма своими силами и открыло путь к свободе и демократии другим странам и народам. При всей разногласии в отношении перестройки как таковой наши соотечественники и сегодня, даже неосознанно, пользуются ее завоеваниями, прежде всего в сфере гражданских и политических прав и свобод. До 70-80 процентов россиян в той или иной мере разделяют и поддерживают базовые демократические ценности, привнесенные в нашу жизнь перестройкой. Остается высоким и уровень одобрения основных итогов внешней политики того периода. Различие перестроечного и постперестроечного времени наглядно проявляется не только во внутренних, но и в международных делах.

Человечество вошло в XXI век с грузом нерешенных проблем прошлого и столкнулось с новыми, глобальными вызовами. Чтобы встретить их и справиться с ними, нужен поистине демократический мировой порядок. Созданные перестройкой предпосылки и открытые ею перспективы — это не просто «заявка на будущее», а продолжающий действовать фактор, препятствующий скатыванию мира в новую конфронтацию и напоминающий о примере реального сотрудничества в урегулировании сложнейших мировых проблем.

ЭПИЛОГ

И последнее. Скажу о себе. Судьба распорядилась так, что мне досталась задача, которая очень редко выпадает на долю одного человека. И одновременно это было бремя настолько тяжелое, что только очень близкие мне люди знают, как бывало иногда до отчаяния трудно.

Я не жалею о судьбе. Хотя другим бы не пожелал такого. Потери и ответ за все — расплачиваюсь до сих пор. Тем не менее верю, что судьба была щедрой ко мне, дав такой шанс, редкий шанс.

Даже зная наперед о всех трудностях, я бы не отказался от своего основного выбора — постараться изменить страну, какой я ее застал, оказавшись на вершине власти. Считаю этот выбор правильным и сегодня. У истории свои законы, и время, по которому течет нравственная жизнь, подчиняется разным измерениям. Здесь фазы прозрения не совпадают. Моя позиция—я ее отстаивал и буду отстаивать — состоит в том, что в истории всегда есть различные возможности, есть альтернативы. И вообще, сама по себе история — это все-таки принятие решений, это история людей, общества.

Главными социально-политическими ценностями я считал — и продолжаю в это верить — свободу, равенство, справедливость, солидарность. Эти ценности исповедовали целые поколения тех, кто боролся за освобождение и достоинство людей. Под знаком этих ценностей возникали великие массовые движения. В любом случае, уверен, что без ценности свободы, без идеи справедливости в политике и в жизни, без солидарности, без общепринятых моральных норм общество будет или тоталитарным, или авторитарным.

Меня часто спрашивают: «Счастлив ли я?». Ответить на этот вопрос не просто. Сожалею до сих пор, что не удалось довести корабль, у руля

которого я был поставлен, в спокойные воды, не получилось завершить реформирование страны, не удалось удержать перестройку в рамках моих замыслов. Переживаю, потому что моя ответственность была велика как в масштабах Советского Союза, так и в мировой политике.

Если смотреть на вещи широко, исходить из того, как распорядилась судьба, сделал меня не просто участником одного из крупнейших поворотов истории, но и человеком, который инициировал процесс обновления и продвигал его, то можно сказать — мне повезло. Я стучал в двери истории, и они отворились, открылись и для тех, ради которых я старался.

Я не стремился к власти ради власти и не пытался навязывать свою волю, чего бы это ни стоило. Когда я стал Генеральным секретарем, то нужно было принимать во внимание и условия, и последствия моих шагов, и мнение других членов руководства. Когда я был уже на высшем посту, мне несколько раз пришлось отвечать на вопрос, как бы я себя чувствовал, если бы мне пришлось с этого поста уйти, потому что меня не выбрали бы вновь. Во время одной зарубежной поездки меня об этом прямо спросили в ходе телевизионной беседы. Тогда я сказал, что это естественное следствие демократии и что буду считать смену путем демократического выбора одним из завоеваний моей собственной политики.

Закончу притчей, которую как-то поведал мне мой друг Чингиз Айтматов. Содержание ее таково. К некому правителю однажды пришел пророк, прорицатель. Гость сказал: «Слава твоя идет далеко, но дошел до меня слух, что мечтаешь ты облагодетельствовать свой народ на века, желаешь открыть людям путь к общему счастью, дать народу свободу». «Да, — ответил правитель, — я действительно собираюсь поступить именно так».

В ответ на это мудрый гость сказал: «Что ж, такое побуждение делает тебе немеркнущую честь. Но мой долг сказать тебе всю правду. У тебя будет два пути, две судьбы. Одна — укреплять суровое правление, продолжая традиции предшественников. Сейчас ты на вершине власти, и у тебя есть все возможности остаться у власти до конца дней своих.

А вторая судьба твоя — тяжкий путь мученика. Ибо знай, дарованная тобой свобода обернется для тебя черной неблагодарностью тех, кто получил эту свободу. Такова природа подобных явлений. Во все века так было и будет. И тебя постигнет та же участь. И изведает ты горе и унижения и до конца дней твоих не избавишься от вождельных ближних убрать тебя с пути и затоптать твое имя...».

ЭПИЛОГ

Правитель сказал на это страннику: «Жди меня семь дней при дворе моем. Я же погружусь в размышления. Если через семь дней я не позову тебя, уходи, иди своей дорогой...».

Выслушав эту притчу, я сказал своему мудрому и талантливому другу Чингизу: «Я понимаю, о чем речь. Но ждать меня семь дней не надо. Даже семи минут будет много. Я сделал свой выбор. И не отступлюсь от него, чего бы мне это ни стоило и чем бы это для меня ни кончилось. Только демократия, только свобода, только избавление от страшного прошлого и никакой диктатуры ни над кем, и пусть народ судит меня, как ему будет угодно... Я готов для этого пути, даже если многие люди нынешние не поймут меня...».

Технический редактор *Н. Лисицына*
Корректор *Н. Барановская* Компьютерная верстка
Е. Захарова Художник обложки *М. Соколова*

Подписано в печать 9.02.2006. Формат 70x100 7₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Объем 25
печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ № 2399.

Альпина Бизнес Букс
123060 Москва, а/я 28
Тел. (495) 105-77-16
№ш/у.а/рта.ш е-таИ:
1шБ@a1рта.ги

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.